

ЗНАМЕНИТЫЕ МЕНДЕЛЕЕВЦЫ

Печатается по решению
Редакционной коллегии
издательского проекта

«Знаменитые менделеевцы»

в составе:

В. А. Колесников (председатель)

А. В. Беляков

Ю. М. Будницкий

Н. Ю. Денисова

В. Ф. Жилин

А. П. Жуков

Е. П. Моргунова

А. И. Родионов

Г. А. Ягодин

Александр Жуков

**ЖОРЖ АБРАМОВИЧ
КОВАЛЬ**

(1913 – 2006)

Атмосфера действий

Вступительная статья
генерала-лейтенанта СВР России
И. Н. Брянцева

**Москва
2013**

УДК 554(092)
ББК 63.3: 30.6
Ж 86

Вступительная статья
генерала-лейтенанта СВР России *И.Н. Брянцева*

Рецензент:
доктор химических наук, профессор Российского химико-
технологического университета им. Д. И. Менделеева
В. Ф. Жилин

Жуков А. П.

Ж 86 Атмосфера действий: Жорж Абрамович Коваль (1913–2006)/
А. П. Жуков. – М.: РХТУ им. Д. И. Менделеева, 2013.– 216 с.

ISBN 978-5-7237-1147-1

Книга из серии «Знаменитые менделеевцы» посвящена выпускнику кафедры ТНВ 1939 г. Жоржу Абрамовичу Ковалю, Герою России, награжденному Звездой Героя посмертно «За мужество и героизм, проявленные при выполнении специальных заданий».

Многие годы доцент Коваль Ж.А. руководил в МХТИ курсом «Автоматизация химических процессов», не одно поколение менделеевцев было подготовлено при его участии.

Жорж Коваль – единственный советский разведчик, работавший в атомных центрах США (Ок-Ридж, Дейтон).

УДК 554(092)
ББК 63.3: 30.6

ISBN 978-5-7237-1147-1

© Российский химико – технологический
университет им. Д. И. Менделеева, 2013
© Жуков А. П., 2013

Жорж Абрамович Коваль

У К А З

ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О присвоении звания
Героя Российской Федерации
Ковалю Ж.А.

За мужество и героизм, проявленные при выполнении специального задания, присвоить звание ГЕРОЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КОВАЛЮ Жоржу Абрамовичу (посмертно).

Президент
Российской Федерации В.Путин

Москва, Кремль
22 октября 2007 года
№ 1404

Содержание

Джордж Коваль – вступительная статья И.Н. Брянцева	8
От автора	12
Фамилия Коваль	15
Телеханы – прародина	18
Дорога в американский рай	21
Сью-Сити (штат Айова)	22
Школа на Холме	29
Айова – СССР	31
Айовские университеты	34
Маршрут от ИКОРа	36
Атмосфера Москвы 1930-х: книжная реплика	53
Москва – Миусы: студенческие годы (1934 –1939 гг.)	56
Менделеевка довоенная	70
Иванова Людмила Александровна	82
РУКА – «черный ящик»	88
«Дельмар» из РУКА	97
Вывод «Дельмара» на орбиту разведки	100
City Colledge of New York	105
К месту встречи с элементом № 94	110
Ок-Ридж	115
Ри	118
Каждый час...	127
Неторопливый уход (с вещами на выход)	128
Вновь на Миусах (аспирантура 1949–1952 гг.)	135
Застойные зоны 1952 года	146
Брат Гейби	156
Reminiscenes профессора Крамиша	157
FBI – George Koval (компенсированное время)	164
Страсти футбольные	170
Общий курс	172
Учитель	175
Кандидаты наук технических	196
Список научных трудов	201
XXI век	206
Основные даты в жизни Ж. А. Ковалея	209
Литература о Ж.А. Ковале	214
Библиография	214

ДЖОРДЖ КОВАЛЬ

29 августа 1949 года была взорвана первая советская атомная бомба РДС-1. Аббревиатура РДС расшифровывалась как «Россия делает сама». Ничуть не умаляя вклада советских ученых, инженеров, руководителей государства в создание в рекордно короткий срок (4 года) мощной научной базы и атомной промышленности, без которых реализация «Атомного проекта СССР» была бы невозможна, хочется отдать дань советским разведчикам, открывшим доступ к английским и американским «атомным секретам».

В ноябре 1942 года И.В. Курчатов пишет В.М. Молотову: «В исследованиях проблемы урана советская наука значительно отстала от науки Англии и Америки и располагает меньшей материальной базой для производства экспериментальных работ». Из 14 тысяч имевшихся в то время в СССР дипломированных физиков только половина имела университетское образование, остальных готовили для работы учителями в школе. По данным Курчатова, среди них не было специалистов в области ядерной физики. Директор Радиевого института академик В.Г. Хлопин констатирует в июне 1942 года: «...проводившиеся в институтах АН СССР работы по вопросу использования энергии, освобождающейся при делении урана, временно свернуты. По нашему мнению, возможность использования внутриатомной энергии для военных целей в течение настоящей войны весьма маловероятна».

Наблюдения советской внешней разведки говорили о другом. В Англии полным ходом шли работы по созданию атомных «бомб-снарядов». Эти работы были в начале 40-х гг. перенесены в США и Канаду, где им был придан еще больший размах (проект «Манхэттен»). После знаменитой сталинской фразы: «Надо делать!», определившей начало «атомного проекта» СССР, разведка своими средствами и методами обеспечила его информационное сопровождение, добывая научно-технические и технологические материалы из секретных «атомных центров» США, Канады и Англии.

Академик Харитон, который с 1946 года был Главным конструктором и научным руководителем работ по созданию атомной бомбы, вспоминал позже: «...благодаря разведке из США в руки советских ученых-атомщиков попала схема атомной бомбы. Чтобы максимально исключить какие-либо неожиданности для первого нашего испытания, было решено применить именно ее. Это был самый быстрый и надежный способ показать, что у нас есть атомное оружие. Более эффективные конструкции, которые уже тогда виделись советским физикам, могли подождать».

В архивах сохранились оценки И. В. Курчатова, который в отличие от Ю.Б. Харитона имел неограниченный доступ ко всем разведывательным материалам по «атомной бомбе». Из них следует, что информация разведки не ограничивалась только схемой американской первой бомбы. Материалы разведки «заставляют нас по многим вопросам проблемы пересмотреть свои взгляды и установить три новых для советской физики направления в работе: выделение изотопа урана-235 диффузией, осуществление ядерного горения в смеси уран–тяжелая вода, изучение свойств элемента эка-осмия -94. Вся совокупность сведений указывает на техническую возможность решения всей проблемы урана в значительно более короткий срок, чем это думают наши ученые, не знакомые с ходом работ за границей» (весна 1943 года). И далее, «Мы в Союзе не сможем полноценно изучить свойства эка-осмия ранее середины 1944 года. ...является весьма важным узнать объем и содержание сведений в Америке об этом 94-м элементе». Речь в записке Курчатова идет о плутонии-239.

Обогащение природного урана изотопом U-235 в целях получения оружейных урановых зарядов было слишком сложной и трудоемкой технологической задачей для Советского Союза, ведущего войну с фашистской Германией. Сократить сроки создания атомной бомбы могла наработка плутония в реакторах. Однако у советских атомщиков, которые в отличие от Курчатова не имели доступа к материалам разведки, были сомнения в том, что плутоний вообще способен к самопроизвольному делению по цепному механизму. Некоторые из них рассматривали это направление советской атомной программы как тупиковое. В окружении академика Курчатова с удивлением воспринимали его оптимизм в отношении проблемы деления плутония, приписывая его уверенность дару научного предвидения.

Одним из первых советских разведчиков, которому удалось дать положительный ответ о возможности использования плутония в атомной бомбе, был выпускник МХТИ им. Д.И. Менделеева 1939 года Джордж Абрамович Коваль, больше известный руководству советской военной разведки как «Дельмар». В 40-х «Дельмар» находился на нелегальном положении с заданием в США. Ему удалось совершить невероятное – пройти скрупулезные проверки американской контрразведки и проникнуть на завод X-10 в особо секретном атомном центре Ок-Ридж, где он устроился работать в качестве специалиста-химика. Завод занимался производством плутония – искусственного элемента, впервые полученного в США и предназначенного для снаряжения американской атомной бомбы. Атомная бомба с плутониевым зарядом была сброшена в 1945 году на Хиросиму.

В конце 60-х годов мне посчастливилось слушать курс лекций Джорджа Абрамовича Ковалья по автоматизации химико-технологических процессов. Разумеется, никто тогда не мог предположить, что этот молодой, энергичный, седовласый человек, рискуя жизнью (за «атомный шпионаж» карали электрическим стулом) участвовал в решении исторической задачи – ликвидации «атомной монополии» США.

Американские «атомные монополисты», начиная с 1945 года, разработали несколько планов ликвидации СССР нанесением ядерного удара. Первый план под кодовым названием «Тоталити» был принят несколько месяцев спустя после Потсдамской конференции, где главы союзных государств – СССР, США и Великобритании дали торжественное обещание установить прочный мир во всем мире. Планом предусматривалась бомбардировка 17 советских городов, при этом нашей Москве «предназначалось» 8 атомных бомб. Джордж Абрамович Коваль и его коллеги-разведчики выполнили свой патриотический долг перед Родиной – после создания в СССР атомного оружия реальная угроза «горячей» атомной войны между США и СССР отступила, началась эра «холодной войны».

Вспоминаются некоторые детали в поведении Джорджа Абрамовича во время лекций и практических занятий, которые указывали на необычность этого человека. Джордж Абрамович читал лекции без пиджака в белоснежной рубашке с темным галстуком, что выглядело особенно эффектно на фоне черной доски. Такой стиль одежды был присущ западным ученым, которых время от времени показывали в документальных фильмах о работе международных симпозиумов и конференций. В речи нашего лектора иногда проскакивали интонации, больше свойственные английскому языку, чем русскому. Букву «ч» в слове «точка» Джордж Абрамович произносил без принятого у нас смягчения, а букву «р» в слове «прямая» – по-американски раскатисто. Впрочем, в те далекие годы эти наблюдения и странное «для простого советского человека» имя Джордж не увязывались с образом «Дельмара». Просто они усиливали симпатию к этому обаятельному, остроумному преподавателю, глубоко знающему свой предмет и умеющему пробудить к нему интерес у студентов.

С историей советской атомной бомбы и участием в ней людей разведки кроме Джорджа Абрамовича Ковалья связаны имена еще двух менделеевцев. В 30-е гг. в МХТИ учился Леонид Романович Квасников – создатель советской научно-технической разведки, руководивший в середине 40-х годов работой особой резидентуры в Нью-Йорке, которая специализировалась на добывании материалов об американских атомных секретах проекта «Манхэттен».

В конце 1969 г. кафедру радиационной химии и радиохимии ИФХ факультета закончил скромный и интеллигентный молодой человек – Дональд Маркович Фрейзер. Только спустя десятилетия стало известно его настоящее имя – Дональд Маклин. Он был младшим сыном знаменитого члена «кембриджской пятерки» Дональда Маклина, одного из главных источников особо важных сведений по атомной проблеме. С 50-х гг. семья Маклинов жила в СССР. Маклин-юниор был пионером и учился в московской школе, по окончании которой поступил на физхим, не исключено, что по совету отца.

Новому поколению менделеевцев, особенно студентам-атомщикам с ИФХ факультета, хотелось бы пожелать не пожалеть времени для более внимательного ознакомления с увлекательной и драматической историей «атомного проекта СССР», судьбами его участников – ученых, инженеров, государственных деятелей, разведчиков. Начать же это ознакомление следует с интереснейшей книги о жизни Джорджа Абрамовича Коваля, которую написал Александр Петрович Жуков.

Список рекомендуемой литературы

- Владимир Лота, ГРУ и атомная бомба, М, «Олма-Пресс», 2002.
Павел Судоплатов, Разведка и Кремль, М, ТОО «Гея», 1996.
Павел Судоплатов, Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930-1950 гг. Атомный шпионаж, http://www.hrono.ru/libris/lib_s/atom.php
Владимир Губарев, Белый архипелаг Сталина, М, «Молодая гвардия», 2004.
Владимир Чиков, Гарри Керн, Охота за атомной бомбой, М, «Вече», 2001.
Николай Долгополов, Они украли атомную бомбу для Советов, М, «XXI век-Согласие», 2000.
Александр Феклисов, Призвание разведчика. Атомная бомба, Карибский кризис - правда и ложь, М, «Олма-Пресс», 1999.
Гжегож Яшуньский, Шпионы? (из истории «охоты за ведьмами» в США), М, ИМО, 1972.
Юрий Модин, Судьбы разведчиков. Мои кембриджские друзья, М, «Олма-Пресс», 1997.
Очерки истории российской внешней разведки, т.4, т.5, М, «Международные отношения», 2003.
Круглов, А.К., Как создавалась атомная промышленность в СССР, М, ЦНИИАтоминформ, 1995.
Журавлев П.А., Мой атомный век. О времени, об атомщиках и о себе, М.2003.

*Выпускник Инженерного физико-химического факультета
Московского ордена Ленина и ордена Трудового Красного
Знамени химико-технологического института
имени Дмитрия Ивановича Менделеева 1967 г.
генерал-лейтенант Службы внешней разведки России*

Игорь Брянцев

От автора

Эта книга о менделеевце. Можно сказать расхожим штампом: «В его «Трудовой книжке» всего одна запись места работы – Московский химико-технологический институт им. Д.И. Менделеева». Только с поправкой – «если бы не было войны». И это так.

Жорж Коваль – студент Менделеевки (1934–1939), аспирант (1939–1952) с перерывом на службу трудовому народу, старший лаборант и заведующий (организатор лаборатории высоких давлений на родной кафедре ТНВ – 1954-1956), ассистент и доцент кафедры ОХТ, где долгие годы руководил курсом «Автоматизация химических производств».

Эта книга о легендарном советском разведчике, Герое России. Героев России среди наших выпускников всего трое: Валерий Легасов (1996), Петр Казьмин (1997), Жорж Коваль (2007), и только один из них Ж.А. Коваль всю свою жизнь посвятил воспитанию новых поколений менделеевцев.

На долю Жоржа Коваля выпала участь (радости и горести) жить в нашей стране жестких времен исторических пиков XX века (в расхожей сегодня истории): (1905–1917) – 1929 – 1941 – 1953 – 1965 – 1979 – 1991. Одолел он и 2003 (не очень-то радостный для народа нашей страны год)...

Автору посчастливилось слушать лекции Жоржа Абрамовича по курсу «Автоматизация химико-технологических процессов» (1963 г.), выполнять под его руководством учебную научно-исследовательскую работу, работать над дипломом (1964 г.), быть аспирантом Ж. Коваля (1967 – 1970 гг.) и работать с ним на одной кафедре (1970 - 1985 гг.).

Строго говоря, нельзя сказать, что общение было ежедневным. Через годы понимаешь, что общения все-таки было много, оно было постоянным, деловым, да и не протокольным тоже. Отсюда естественное желание (и долг ученика) вспомнить о своем учителе на страницах книги из университетского проекта «Знаменитые менделеевцы».

Пунктирный (от нашего незнания – нет доступной информации) маршрут жизни Жоржа Коваля по «земному шару» впечатляет: чуть ли не две кругосветки и все по делам (и через Тихий океан, и через Атлантику). Сью Сити (штат Айова, США) – Сан-Франциско (США) – Владивосток – ст. Тихоньская (Биробиджан) – Москва -?- Сан-Франциско(США) – Нью-Йорк – Ок-Ридж – Дейтон – Гавр – Москва – Хабаровск ... Москва (и еще по Подмосковию на электричках, по СССР (поездом, самолетом, пароходом...)). Думаю, 100 000 км путей в его маршрутной карте хватит для первого счета.

Задумка написать о Жорже Абрамовиче давняя (с конца прошлого века) – оттого постоянно усложняющаяся, особенно после Указа Президента РФ от 22 октября 2007 г., когда появилось много публикаций в российских, американских, русскоязычных изданиях. Изредка его имя появляется в отечественных телепрограммах, где в основном (во главе некоего пункта места действия) дела Атомных проектов СССР и США. Хотелось бы в этой книге больше внимания уделить родным Миусам – нашей Менделеевке различных лет, благо, что в архиве Университете хранится дело студента Жоржа Коваля и студенческие дела его однокашников.

В истории ОХТ, старейшей кафедры университета, немало не только белых (не раскрашенных чаще по нашей лени и нелюбознательности и по причине уходящего за грань памяти живущего поколения времени) страниц, но и много славных имен: И.А. Тищенко, Н.Ф. Юшкевич, М.П. Дукельский, А.Е. Маковецкий, Н.М. Жаворонков, П.М. Лукьянов, Д.А. Кузнецов, И.Е. Фурмер, А.И. Малахов, В.С. Бесков и др. Каждый из них достоин внимания потомков-исследователей.

Атмосфера действий – заимствованный у Виктора Гюго («Предисловие к Кромвелю») литературный прием, принцип организации повествования, где в основе лежит «исторический колорит» и «местный колорит», а заодно и свой (автора) черно-белый, либо цветной взгляд на время действия. От Виктора Гюго аромат «атмосферы действий» простерся вглубь веков до великого арабского мыслителя Ибн-Хальдуна. В его известном труде «Автобиография» часто встречается выражение «атмосфера», которое он (*Ибн-Хальдун – А.Ж.*) употребляет впервые в истории в переносном смысле, и все происходящее вокруг него он воспринимает как своего рода «атмосферные явления», к которым только нужно приспособиться (Игнатенко А.А. Ибн-Хальдун. М., Мысль. 1980).

В атмосфере действий, в ежедневном, ежечасном срезе, скане этой атмосферы, на мой взгляд, ключ (точнее, достаточно тонкая заготовка ключа) к пониманию биографии Жоржа Коваля – уникального (нетипично–типичного советского человека), представителя своего поколения советских людей.

В книге использованы материалы, опубликованные в разные годы в менделеевских изданиях: «Московский технолог», «Менделеевец», «Исторический вестник РХТУ им Д.И. Менделеева», «Труды МХТИ им. Менделеева», а также материалы из архива и музея университета Менделеева. В заключение, самые теплые слова благодарности друзьям и коллегам, тем, кто подвигнул на эту работу, тем, кто «носил кирпичи» информации, тем, кто искренне заинтересован в подготовке и выпуске в свет книги о знаменитом и легендарном – Жорже Абрамовиче Ковале, учителе многих поколений менделеевцев.

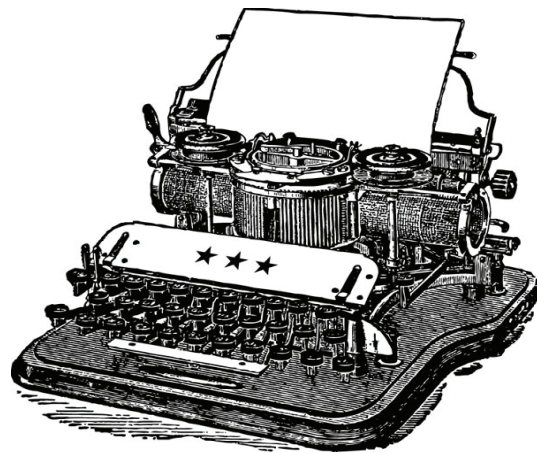
Три попытки поиска эпитафия из «Азбуки» Чеслава Милоша

Все биографии лгут...<...>

Лгут, ибо их главы соединяются друг с другом, исходя из некой заранее принятой концепции, в то время как на самом деле они соединялись совсем иначе, хоть никто не знает, как именно.

Впрочем, точно так же лгут и автобиографии – ведь, чтобы понять все взаимосвязи, человек, пишущий о своей жизни, должен смотреть на нее глазами Бога.

Ценность биографий лишь в том, что они позволяют хоть как-то воссоздать эпоху, на которую пришлась та или иная жизнь.

Фамилия – Коваль

Фамилия вроде бы простая, но даже в произношении возможны варианты. Польский вариант Кова'ль, московский, центрально-русский Ко'валь. В Менделеевке я слышал оба варианта произношения фамилии. На кафедре ОХТ придерживались московской версии. Считают, что фамилия Коваль была, да и есть одной из самых распространенных (на территории СССР и Польши...), хотя слова кова'ль в русском литературном языке не было. На юге России и на юге Малороссии ко'валем называли кузнеца. «Коли не коваль, так и рук не погань (т.е. не марай)». Совет народной поговорки – не берись за дело, которого не знаешь. В мире множество фамилий, производных от слова кузнец: Смит – Шмит – Ковач – Коваль – Ковалев – Коваленко – Ковальчук – Ковальский – Ковалько – Демирчян... Однако, специалисты по этимологии рассуждают об особенностях кузнецкой фамилии Кова'ль. Кова'ль – не простой кузнец, а специалист по подковке лошадей, человек, умеющий обращаться с животными, ветеринар, в современном понимании, порой почитаемый за местного колдуна. Из сего следует, что фамилия Коваль (с ударением на любую гласную) носит определенный мистический смысл. Не знаю, были ли в роду нашего героя ковали-кузнецы и работали ли они с лошадьми.

Известно лишь одно – Абрам Берко Коваль в США работал плотником, о деде Берко по отцу информации в наших опросных университетских документах нет.

О другом деде, (отце матери Ж.А.) Исааке, вспоминает один из первых биографов Коваля, Юрий Лебедев в израильском русскоязычном еженедельнике «Окна» (январь – февраль 2008 г.): «Ее отец, хотя и был раввином, но никакой официальной должности не имел, так что деньги на жизнь зарабатывали другие члены семьи, и, в частности, дети». Переход «был раввином» – «зарабатывали другие» несколько смущает, но колдовского мистицизма, который хотелось бы здесь зацепить для начала жизнеописания нашего героя, в этой журналисткой справке нет.

В путеводителе «Документы по истории и культуре евреев в архивах Беларуси» (Москва, 2003) я пытался найти архивную тропинку к делу раввина Коваля. Войны и геопеределы XX века крайне затрудняют поиск, была надежда на архив Минской губернии, на ту его часть, что вошла в документальное собрание Еврейского отдела Инбелкульта, в составе Исторического архива АН Белорусской ССР. Увы, часть этого архива погибла в первые дни войны (помните какого числа июня месяца 1941 г. фашисты ворвались в Минск), а уцелевшие документы в конце 1943 г.

были вывезены оккупантами в Вильнюс. Дальнейшая судьба этих фондов полностью не прояснена до настоящего времени. Известно лишь, что часть архива Минского кагала после окончания войны оказалась в загребущих руках армии США и в настоящее время хранится в архиве института еврейских исследований (ИВО) в Нью-Йорке. Известно, что члены Нью-Йоркской академии имеют открытый доступ к архиву ИВО...

Следующее извлечение из «Путеводителя» – о пинском общественном раввине – вроде бы о таком уровне дела Исаака (Шенитского) ведет речь Юрий Лебедев. Документов телеханского еврейского общества в архивах нет, да и должность общественного раввина была казенной, т.е. бюджетной, увы, и здесь пока тупик.

Телеханы – прародина

Можно ли сказать, что местечко Телеханы – малая родина Жоржа Ковалю? Формально – нет. Родился ведь он в США, но корни фамилии Ковалей именно здесь, в Телеханах (сегодня небольшой городок на юго-западе Республики Беларусь).

В Телеханах в 1883 г. родился его отец Коваль Абрам Беркович. Здесь же, в этом местечке, глухой российской провинции в 1885 г. родилась его мать Этель Исааковна Шенитская. Необходимо заметить, что часто относят местечко Телеханы по политическому регионированию к Белоруссии, Западной Белоруссии, Польше – но в 1880-х годах на политической карте мира таких политтопонимов не существовало. Местечко Телеханы было лишь частицей одной из губерний (а именно Минской) Российской империи.

Зачем необходима эта сноска? Лишь для того, чтобы подчеркнуть, что и Абрам Коваль, и Этель Шенитская – юридически и фактически по рождению – граждане Российской империи, как, к примеру, Мария Склодовская, да и многие другие известные нам исторические персоналии.

Вот здесь, в этом уголке Российской империи корни (исторические и географические) нашего героя – Жоржа Ковалю. Да и сам он в автобиографии 1930-х годов пишет, что родители его эмигрировали в США из «царской России». (В те годы политически некорректно было говорить ни Россия, ни Российская империя, как сказали бы сейчас – не толерантно даже, политически неграмотно.)

Бывал ли Ж.А. в Телеханах, не знаю, он не рассказывал о его поездках по стране, хотя такие возможности были – командировки, научные конференции, студенческие практики, да и туристические маршруты по

Белоруссии в ходу с 1950-х. Его младший брат Гейби (Габриэль) вспоминал о своей поездке в Белоруссию с пионерской делегацией из Биробиджана, но вся Белоруссия, советская республика, заканчивалась в десятках километрах от Минска на пограничной станции – Негорелое. Судьба жителей старинного местечка XX века трагична, как впрочем и судьба Западной Белоруссии, как и всей нашей огромной страны.

Помните у В.В. Маяковского:

*И до сегодня
Над Западным краем
Слышатся отзвуки
стонов и рёва...*

Говоря о новейшей истории местечка Телеханы, в первую очередь ссылаются на польское издание Богдана Мельника «Мои Телеханы». Не обошлось, конечно, и без расхожей легенды о происхождении названия. Якобы в XIII веке, в период нашествия батыевских орд (может быть это были совсем другие татары) в здешних лесах и болотах (по болотам, как известно из нашей истории, татары ходили зимой, ясно почему) погиб какой-то хан, похороненный под местной Лысой горой – могильным курганом, насыпанным захватчиками.

Так бы и поглотили глухую деревеньку леса и болота, если бы не энергичный польский гетман Михаил Казимеж Огинский (быть может и Огинский), затеявший по тем временам грандиозное дело, соединить Балтийское и Черное моря (навязчивая географическая идея – *Polska od morza do morza*). В 1797 году начали строить, и через 15 лет уже поплыли корабли по каналу, прорытому между речками Шарой и Ясельдой. 53-километровый водный путь начинался с севера, в районе нынешнего белорусского города Барановичи и заканчивался на юге, в районе Пинска. Теперь можно было сплавливать основное богатство – лес и на север, и на юг Европы. Одновременно построили и тракт, связавший Телеханы со Слонимом, Пинском, Волынью.

Телеханы стали местом притяжения предприимчивых людей. Сюда потянулись купцы и промышленники, рабочий люд – белорусы, поляки, литовцы, украинцы. И, конечно, польские и литовские евреи из своих перенаселенных местечек, где для молодежи не было ни работы, ни пристанища, в поисках лучшей доли. Еще при гетмане Огинском здесь построили стекольный завод, ткацкую фабрику, а затем и фаянсовую. По каналу шли суда, привозили и увозили товары, росло число торговцев и ремесленников, в том числе и еврейских. В 1819 году стекольный завод перешел к специалистам из Слонима – братьям Черняковым – и приобрел известность российского масштаба.

С отменой крепостного права в Российской империи еврейские ростовщики и торговцы расширили сферы своих операций и на крестьян окрестных деревень. Все больше специалистов выдвигалось из еврейской среды. 40 лет руководил службой технического состояния канала Иошуа Айзенштадт.

Первая в районе электростанция была построена инженерами-евреями (так пишет Б. Мельник). К началу XX века евреи составляли примерно половину населения Телехан. Действовали три Синагоги (к одной из них относился дед Ж. Коваля по матери), хедеры, еврейская школа. Были и раввины, и меламеды. Все, как положено в благоверном (если так можно говорить) местечке.

Конечно, не всем евреям удалось устроить свою жизнь безбедно, немало было и обездоленных многодетных семей, отцы которых перебивались без постоянной работы. С развитием промышленности требовалось все больше рабочей силы. Ее набирали не только из приезжих, но и из разорившихся крестьян окрестных деревень. Условия на предприятиях были тяжелейшие, особенно на стекольном заводе, где в горячих цехах работали по 12 часов. Профессиональные легочные болезни раньше времени сводили в могилы рабочих, оставляя беззащитных сирот.

К 1905 году рабочие Телехан, как и вся Россия, созрели для волнений протеста. Как отмечает Богдан Мельник в своей книге, власти попытались разрядить напряженность испытанным способом: направить их гнев на «кровопивцев»- евреев. Местные подонки организовали погром «в защиту христианской веры»: громили лавки, магазины, дома. Несколько евреев были убиты. После кровавых погромов многие евреи из Телехан, как и из других районов бывшей «черты оседлости» царской России, эмигрировали в Америку.

Годы Первой мировой войны были тяжелыми для Телехан: в течение двух военных лет канал Огинского служил линией Российско-германского фронта. Сгорело большинство деревянных жилых домов, православная церковь (тоже деревянная), все три синагоги. Сильно повреждено было и кирпичное здание католического собора. Большинство жителей тогда вынуждены были покинуть местечко.

После советско-польских войн 1919-1920 гг. Телеханы отошли к Польше, новому государству в Европе, созданному Версальским договором, не в последнюю очередь в качестве европейского санитарного кордона у границ большевистской России. Как проба пера будущего железного занавеса, воздвигнутого Черчиллем и Ко после Второй мировой войны, в истории которой Польша сослужила Европе, и как один из ее инициаторов («греховный акт» – атака на Чехословакию не забыта в

европейских учебниках истории), и как ее жертва – миллионы граждан Польши погибли на полях сражений, были растерзаны в концлагерях на своей же земле, замучены рабским трудом на благо рейха и вермахта. Взгляните на карты расположения германских армейских танкоремонтных заводов – кто «пахал», восстанавливая танковую мощь Гитлера!.. В первую очередь поляки.

«Санитары» из Польши достаточно верно, порой и с инициативой, служили Европе до времен Мюнхена. Впрочем, и там польский политический подголосок был явлен миру. В августе 1941 года подразделения СС с помощниками из местной «черной полиции» (польские коллаборационисты) уничтожили практически все еврейское население Телехан (источник информации – Богдан Мельник). Лишь три жителя местечка сумели пережить этот страшный день.

Вениамин Кальнер в книге «Тень архипелага» подведет страшный итог злодеяний фашистов в тех местах: «Среди сотен тысяч погибших на новых территориях (Союза – А.Ж.) были не только известные лидеры еврейской культуры, такие как историк и культуровед Шимон Дубнов или известный белорусский раввин Шмуль Беспалов, но и близкие нашему роду по линии Гольдшейнов, Пинских, Карманов и их дети, вернувшиеся в западную Белорусию после прихода туда Советской Армии, в места, оставленные их родителями в 1915–1918 годах».

Не довелось побывать в районе Пинска, в советском городке Белорусской ССР – Телеханы, а взглянуть хотелось бы. Информации о сегодняшнем дне местечка в наших СМИ нет, как, впрочем, не было и раньше. Кому из «хозяев» наших сегодняшних СМИ нужны эти самые белорусские Телеханы! Коль знали бы чуть раньше, коль ведали в советские времена – то была недалёкая дорога, да и okazji самых непредвиденных бывало множество.

Именно из этого местечка Минской губернии Российской империи уехал (эмигрировал) в США в 1910 г. молодой (*отслуживший срочную службу в царской армии – sic – А.Ж.*) 27-летний плотник Абрам Коваль, а годом позже, вслед за ним его невеста Этель Шенитская, та, что из семьи телеханского раввина Исаака Шенитского.

В авторских примечаниях к упомянутой выше статье моего коллеги Ю.А. Лебедева в израильских «Окнах» говорится о семейном предании, согласно которому Ковали в 1932-м году собирались вернуться на родину в белорусский городок Телеханы. Однако «человеколюбивые органы»... Здесь вновь тупик – какие из органов на пути Сью-Сити – Биробиджан – Телеханы встали стеной – ИКОР, госдеп США, НКВД СССР. Увы, в 1930-е годы даже с билетом в скорый поезд № 1 СССР: Владивосток–Москва добраться до Телехан было невозможно. Согласно «нена-

вязчивой» пропаганде тех лет с восточной (т.е. нашей) стороны там, на Западе, была панская Польша, еще шумевшая угарным слоганом: «За Польшу от моря до моря», с западной (той) стороны этот район назывался – всего лишь кресы (т.е. окраина, совсем не морское побережье).

Откровенно, просто и убедительно о ситуации 1934 г. в том краю вспоминает для агентства ИТАР-ТАСС резидент нашей военной разведки в США генерал Мильштейн (можно предположить о его знакомстве с Жоржем Ковалем и «Дельмаром» позже). «Мы покидали Советский Союз через пограничный пункт Негорелое, за которым начинались, как говорили тогда, «белогвардейская» Польша. На границе с нашей стороны висел большой плакат с лозунгом «Революция – вихрь, сметающий все на границе». Подразумевалось, что в скором времени во всех странах мира, в том числе и в Польше, установится советская власть!»

О Западной Белоруссии мир услышит (кто-то и узнает) лишь из сообщения Совинформбюро от 17 сентября 1939 г. Следует думать, что ни у кого в еврейской диаспоре США тех давних лет не было желания реэмигрировать в Польшу, где де-юре действовало антиеврейское законодательство, а де-факто расцветал «ярким двухцветным пламенем» государственный и оголтелый бытовой антисемитизм, за что, впрочем, и сегодня польское общество (его мыслящая верхушка) пытается отомолить свои грехи вялым треморным покаянием: «Простим и прощены будем», за негодяйства былых поколений и правителей (политиков) тех лет.

Советский журнал для туристов «Наша родина» (№ 2, 1941 г., С.13) так писал о полесской земле после времен польской оккупации (1920 – 1939 гг.) (будем следовать терминологии, принятой в польских СМИ с конца XX века – оккупация). «К юго-востоку от Пинска на сотни километров растянулась Полесская равнина. Туриста, едущего на пароходе по одной из ее извилистых речек, скоро начинает утомлять однообразие низких берегов, покрытых зарослями лозы. Но если бы он сменил пароход на лодку и завернул в первую встреченную им по пути протоку, то ему не пришлось бы пожаловаться на однообразие. За непроницаемой стеной лозовых зарослей прячутся небольшие озера, покрытые водяными лилиями и кувшинками, тенистые лесные островки, бездонные, темные «виры» (омуты), небольшие деревушки со старинными каплицами (часовнями) и огромными, черными, покосившимися крестами на перекрестке дорог...

Жители польских полесских городов (времен польской оккупации) не знали Полесья. Они не рисковали забираться вглубь болот, опасаясь утренних испарений и малярийных комаров. Да и угрюмых крестьян из заречных деревень они боялись. Озлобленные безземельем и непо-

сильными податями крестьяне встречали их с ненавистью, видя в них прямой источник своих бедствий. Из панского города к ним приезжал «секвестратор» (сборщик податей), забиравший последнюю коровенку. Там находился несправедливый и жестокий суд, преследовавший за каждое смело произнесенное слово, за одно сочувствие к правде; там жили бездельники-паны и торговцы, которые выманивали у людей последний грош, кровавым потом добытый из неурожайной земли. И спокойный, приветливый по натуре заречный крестьянин при встрече в пустынных местах с городским «панком» способен был за одно неосторожное слово разmozжить ему голову веслом. Поэтому редко любители полесской экзотики далеко отплывали от населенных мест».

В сухом остатке (из приведенного отрывка) – «безземельные крестьяне», «бездельники паны», «торговцы»... Снимите политическую вуаль тех дней, можно без труда это сделать, но атмосфера места действия от этого не изменится – вкус хинина (если он был) во рту, да малярийный жар в придачу...

Дорога в американский рай

Какими путями добирались родители Жоржа Коваля на берега Биг-Сью (штат Айова)? Из какого порта отплывали, каким пароходом, порт прибытия, как и кто встречал?

Реконструкцию дорожной карты легко найдем у Шолом-Алейхема. Он поможет нам восстановить картину «хождения» по водам Атлантики страждущих новой жизни в Новом Свете. Откроем роман Шолом-Алейхема «Блуждающие звезды» (ч. II «Скитальцы»).

«Из пассажиров «Атлантика», прибывших в этот день в Нью-Йорк, никто так не торопился к выходу, никто так не волновался и не нервничал, не был так возбужден, ни у кого не было такого несчастного вида, как у наших братьев евреев. Оно и понятно. Большинство еврейских пассажиров парохода составляли «эмигранты» – люди, надеявшиеся обрести в Америке вторую родину вместо той, которая так жестоко с ними обращалась и их выбросила. Они сбились в кучу, как овцы. У каждого сердце готово было выскочить из груди, пульс доходил до ста двадцати, Боже правый милосердный! Что ждет их в этой благословенной стране?»

Все-таки благословенные места на земле были. Однако, судя по дальнейшим строкам романа Шолом-Алейхема, ситуация не совсем неопределенная, «почти у каждого в Нью-Йорке есть сын или дочь, муж или жена, родственник или близкий друг, приятель или добрый знакомый – он будет ждать их на берегу, чтобы «снять» с парохода и облег-

чить муки, уготованные эмигранту на первой же остановке – на пресловутом «Острове слез». (Илл. на стр. 28)

Схема внедрения евреев-переселенцев в новый свет была отработана на совесть. Первым бивуаком на этом пути внедрения был карантин, да и мандатная комиссия заодно на этом же самом острове.

«Для еврейских эмигрантов это в полном смысле слова – остров слез, страданий и смертных мук, своего рода чистилище, в котором грешные люди должны предварительно «очистить свои души», чтобы получить право на вход в рай. Когда-то этот рай назывался «Кессельгарден», а теперь называется «Элис-Айленд». Мотя (герой Шолом-Алейхема) просто расшифрует эти слова – Элькин остров, по имени брата.

«Название острова переменялось, но слезы и стенания, страдания и муки, оскорбления и издевательства остались те же. Они не прекратятся, вероятно, до тех пор, пока люди будут властвовать над людьми, покуда люди время от времени будут давать волю затаившимся в них звериным инстинктам».

Через чистилище Элис-Айленда проходили тысячи эмигрантов из Европы – итальянцы (вспомните мальчишку Вито из оscarоносного «Крестного отца»), греки, поляки, евреи, ирландцы, украинцы (русские тоже) и многие другие из миллионов будущих обитателей и граждан Соединенных Штатов. Вот таким путем, через карантин острова Элис-Айленд вступил на землю Штатов и телеханский плотник Абрам Коваль.

Сью-Сити (штат Айова)

Каким ветром (а он безусловно дул) занесло Абрама Ковалья в штат Айова на берега Биг-Сью (приток Миссури), миру неведомо. Может быть в досье ФБР, где находятся протоколы опросов (интервью – по англо-американски, допросов – на русском) многочисленных родственников Ковалей.

«За границей у меня родственники (фамилии исключим – А.Ж.): дядя и тетка, их трое детей, сестра отца и две ее дочери, племянница матери, ее муж и трое детей. Все они проживают в городе Сью-Сити, в США – они уехали из Царской России или родились в США». (Это из автобиографии студента выпускного курса МХТИ им. Менделеева Ж. Ковалья от 15 ноября 1938 г.).

Штат Айова (название) – редкий случай, когда в американском слове IOWA букв меньше, чем в русской транскрипции. Впрочем, и официальное название государства в русском языке довоенных лет (до Ве-

ликой Отечественной) было длиннее для наборщиков русскоязычных типографий, нежели для американских: САСШ против USA. Это позднее в обиходной разговорной речи упростилось все до слов «Америка» (в смысле США) или «Штаты». Трезвомыслящие из дикого капитализма начала XXI века спросят: «Сколько стоило трудов (средств, денег) американцам? «Кто вложил» в этот по-царски щедрый идеологический подарок? Сразу и целый континент, и все возможные штаты (соединенные и разъединенные) мира.

Город Soux City (Сью-Сити), будем придерживаться транскрипции первого студента Менделеевки родом из этого городка (а было их всего два), на карте штата Айова в верхнем левом углу (т.е. на северо-западе – см. стр.28). Имя городу дал левый приток Миссури – Биг Сью, который здесь заканчивает свой гидро жизненный путь. Где-то в районе Сент Луиса (О! Сент Луис – город ... хрипели рентген-записи в Москве середины 1950-х) исчезает с карты и Миссури, вливаясь в великую Миссисипи. (Не забывали о Миссури и наши советские учебники – длину Миссисипи указывали с Миссури и Ред Рок – 5971 км).

Сью (Су, Сиу) Сити – местечко не древнее для белых. Это территория родовых владений индейского племени Сиу. Что мы знаем о Сиу, да не больше чем о других племенах из тех мест – иллинойсах, айова (порой наиболее просвещенные из нас думают, что это топоним по-библейскому Иову), дакота и т.д.

Англо-французские европейские переселенцы колонизировали эти места, будущий Средний Запад США, крайне просто – истребляли (даже не для собственного меню) огромные стада бизонов (основное мясное блюдо в рационе индейцев), а затем (или одновременно) выжигали все вокруг. Никаких особых проповедей, никаких вековых ассимиляций – тотально, без лишних раздумий. Белым переселенцам (голландцам, англо-саксам, французам и пр.) приходилось туго и очень хотелось жить. Затем организовывали «День благодарения» и восхваляли Господа.

Сью-Сити расположен на границе трех штатов – Айова, Южная Дакота и Небраска. Отчего-то считают, что это удобно для «жизни» гангстерских группировок: чуть какое-то напряжение с полицией штата Айова, быстро перебирались на правый берег, и ты уже под юрисдикцией штата Небраска или Южная Дакота, да и Миннесота, на север глядя, совсем недалеко. (Ориентировочно – 43° северной широты и 96° западной долготы. По широте в России «родственники» Сочи, Владивосток, по долготе из «родственников» нет никого.)

Простейший геоисторический аналог (модель) с юрисдикцией криминала в Сью-Сити начала XX века можно отыскать рядом с Москвой

(конец XIX века) район Гуслиц (Егорьевск – Куровская) Московская губерния, рядом Владимирские и Рязанские губернии, и литературно знаменитая, хотя бы по Гиляровскому, шайка Чуркина действовала по тем же правилам. Что такое Сью (Soux). На карте рядом с Сью-Сити – Сью-Сент Мари (в Канаде), Сью-Фолс и т.д. Что-то вроде городка на Клязьме – это я про Сью-Сити. Что город представлял собой в двадцатые годы прошлого века? Попробуем с помощью неувядаемых путевых заметок Ильфа и Петрова «Одноэтажная Америка» осени 1935 года (опубликованы в «Роман-газете» № 4-5/1937 г.) реконструировать образ маленького американского городка на Среднем Западе.

Итак, Двайт 17 ноября 1935 г. (по нашим меркам, понятиям о расстояниях – где-то недалеко от Сью-Сити): «Не могу найти этот Двайт Канзас – Оклахома – Санта Фе и далее Канзас Сити (штат Миссури) – этот город лежит в самом центре Соединенных Штатов. Мы в городе не останавливались, проезжали его. Зашли только в первое попавшееся кафе согреться кофе, потому что было довольно прохладно. Хозяин кафе послушал, как мы говорим, и вдруг заорал: «Где ты живешь?», а после рассказал всю свою жизнь и показал фотографии родственников. Тридцать пять лет назад он уехал из Бессарабии. И это в математическом центре Америки».

Спецкорреспонденты «Правды» не проезжали с четой Адамсов через Айову и не были в Сью Сити. Но духов, гениев места родины Жоржа Ковалья они потревожили: «Что можно тут делать, в обыкновенном американском городишке с несколькими газовыми станциями, с двумя или тремя антеннами, с продуктовым магазином, где все продается уже готовое – хлеб нарезан, суп сварен, сухарики к супу завернуты в прозрачную бумагу? Что тут люди могут делать, если не сходить с ума?» (Какова атмосфера действий!)

Майк Уэлш – человек, кто «курировал» Советский Союз и Восточную Европу для Time magazine и других СМИ США 1985 – 1991гг. (Поверим журнальному резюме, хотя события указанных лет в СССР и Восточной Европе лишили многих наших обывателей веры в наивные сказки об этих «кураторах». Сегодня резюмируется все проще, по Булгакову – «приедет, нашпионит» ...и т. д.) Вот как живописует этот парень район Сью-Сити с претензией на знание жизни города в 1920-е годы (рассказ о городской средней школе): «Ее официальное название было – Центральная средняя школа, однако краснокирпичная викторианская крепость в городе Сью Сити была более известна как Замок на холме. Построенный в 1892 году, это был памятник – символ города – на рубеже веков. Когда Сью Сити виделся на пороге того, чтобы стать вторым Чикаго, центром культуры (так у Уэлша – А.Ж.) и торговли, который при-

влекал мигрантов с востока и эмигрантов из Европы и России».

«Куратор по СССР» из мая 2009 г. так представляет эмигрантов: «В числе вновь прибывших было большое число торговцев и мастеров, которые быстро установили группы поддержки chutzim («пионеры» на иврите), которые уже начинали обосновываться в месте, которое впоследствии станет Израилем. Другие привезли с собой некоторые из политических и идеологических настроений, тогда циркулировавших в их родных местах, включая коммунизм. Среди них был Абрам Коваль, плотник, который эмигрировал в 1910 г. из белорусского местечка Телеханы, около Минска». (Так в тексте «куратора» из Штатов – А.Ж.).

В 1911 г. Атлантику пересекла Этель Шенитская, одна или с родственниками (что скорее всего), и к середине 1920-х в Сью Сити уже большая община (ячейка) из Телехан. Из того, что мы знаем, – три сестры Абрама Берко Ковалю и племянница Этель и куча мал мала меньших детишек. «Куратор» утверждает, что семья Абрама Ковалю жила в удобном доме недалеко от Замка на холме (вероятно в центре городка).

Свидетельство (метрика) о рождении. С этим, всегда казалось, вопросов не было. 50 лет Жоржу Абрамовичу Ковалю кафедра ОХТ отмечала в декабре 1963 года, после переезда из исторического полуподвала правой пристройки основного корпуса на 4-й этаж под новую для Менделеевки кафедру кибернетики, 60 лет в 1973 г. и т. д.

В документах студенческого дела есть копия метрического свидетельства Георга Ковалю, рожденного «декабрь 25 числа 1913 г.» мать..., отец... (всё как надо). Дальше как принято в Америке, штат Айова, город Су, округ Вудбари...цвет кожи родителей – белый и т.д. (см. стр.26).

Казалось бы, нет никаких секретов. Однако, как всегда появилось ФБР (Federal Bureau of Investigation), в открытых (считай, подчищенных) досье которого попытался разобраться корреспондент ИТАР ТАСС Андрей Шитов. В его расследовании (investigation), опубликованном в «Российской газете», дата рождения Георга Ковалю, подтвержденная свидетелем доктором Сэмом Кляйном, заверенная нотариусом Джоном Ф. Джозефом и доктором медицины (регистратором) Д.С. Стилсмитом, подвергнута сомнению.

Журналист из ИТАР-ТАСС Шитов подчеркивает, что в переплетениях событий уникальной судьбы нашего легендарного менделеевца и теперь сохраняется немало загадок и неясностей. Далее по тексту «Российской газеты»: «К их числу относится даже официальная дата рождения Дж. Ковалю – 25 декабря 1913 года. В архивах города Сиу-Сити (штат Айова), куда семья Ковалей (?) перебралась незадолго до этого из белорусского местечка Телеханы, соответствующих регистраци-

МЕТРИЧЕСКОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО

МЕСТО РОЖДЕНИЯ

Район	Вудбари
Город	Су
Имя	Георз Ковал
Пол	Мужскої
Законным ли браком рожден	Да
Дата рождения	Декабрь 25-го числа 1913г.
Фамилия отца	Аврам Бернард Ковал
Девичья фамилия матери	Етель Шенитская
Место жительства родителей	Штата Айова, город Су
Возраст отца	32 года
Цвет кожи родителей	Белый
Возраст матери	30
Место рождения отца и матери	Россия
Занятие отца	Плотник
Занятие матери	дом.хозяйка
Фамилия врача, присутствующего при родах	др. Сэм Клайн

СВИДЕТЕЛЬСТВО ПРИСУТСТВУЮЩЕГО ПРИ РОДАХ ВРАЧА, АКУШЕРКИ, БЛИЖАЙШЕГО РОДСТВЕННИКА ИЛИ ДРУГОГО ЛИЦА, ЗНАКОМОГО С ОБСТОЯТЕЛЬСТВОМ РОДОВ.

Штат Айова, Округ Вудбари.

Др. Сэм Клайн, проживающий в городе Су в округе Вудбари, штат Айова, подтверждает сведения, изложенные в метрическом свидетельстве.

/место для печати/

др. Сэм Клайн

Свидетельство выдано мною, нотариусом данного округа и штата, 21-го апреля 1932г.

Срок моего отзыва 4-го июля 1933г.

Джон Ф.Джозеф
Нотариус
регистратор
Д.С. Стилсмит, доктор медицины.

Департамент Искусств и Истории

Штат Айова

Отдел общественных архивов

Я, Е.Р. Харлан, хранитель архивов, настоящим подтверждаю, что прилагаемая копия является верной копией метрического свидетельства Георга Ковалю, как видно из книги записей рождения для округа Вудбери за 1913 год. Копия была выдана в конторе государственного департамента здравоохранения и значится в делах отдела общественных архивов департамента искусств и истории в штате Айова.

В подтверждение вышесказанного прилагаю руку и скрепляю печатью
Составлено в Десмуан (Де-Мойнт, на сегодня – А.Ж.), главном городе
26-го апреля, 1932г.

Подпись

Хранитель архивов.

онных записей обнаружено не было. Зато указывалось, что некий Луис Ковал, или скорее Кавал (нечеткая запись делалась от руки), появился там на свет 22 января 1912 г. в семье плотника Эйба Кавала и его жены Этель Шениски, выходцев из России. Имена родителей схожи, профессия отца и адрес в Сиу-Сити тоже, но в семье Ковалей никогда не было никакого Луиса.

По всем последующим документам у Джо Ковалю было два родных брата. Старший – Исаия, и младший Габриэль. Все они родились в Сиу-Сити и учились в местной школе. В школьных документах и датированной 8 мая 1915-го официальной заявке отца, Абрама Берко Ковалю, на натурализацию в США, дата рождения Джорджа указана как 25 декабря 1914-го. Наконец в довершение всей этой неразберихи, в архивах службы пробации (надзор над условно освобожденными) в Сиу-Сити обнаружился и ещё один вариант – 25 сентября 1914-го».

Для ФБР специально отметим информацию из экземпляра копии метрического свидетельства Георга Ковалю: «Была выдана в конторе государственного департамента здравоохранения и значится в пределах отдела общественных архивов департамента искусств и истории в штате Айовы». Ищите в Де Мойне (штат Айова), господу фэбеевцы.

Городок Сью-Сити находится на границе трех американских штатов: Айова, Небраска и Южная Дакота...

Русские эмигранты в Америке в начале XX века (рисунки неизвестного автора)

На открытке 1918 г. надпись «Американская молодежь на «Русской» в Сан-Франциско

На нижнем фото стр.30 – Жорж Коваль выпускник средней школы 1929 г. (из архива семьи Ковалей)

Школа на холме

Согласно интервью (протокола допросов) ФБР, в середине 1950-х в этой школе (Центральная средняя школа в Сью-Сити) учились все трое братьев Ковалей. Знаем также, что Гейби (Гэбриел), заканчивал среднее образование уже на советском Дальнем Востоке. Крохи информации о школьных днях и делах Жоржа Коваля уместятся на одной страничке. Хотелось бы знать, каким был наш герой в школьные дни. С кем дружил в классе, как был одет, был ли в чем-то похож на Тома Сойера, была ли рядом с ним Бетти. Итак, клочки протокольной информации из архива университета Айовы (Ист. вестник РХТУ, № 3/2001, С. 33) – выписка из личной карточки студента Дж. Коваля:

В каких заведениях раньше учился:

Центральная средняя школа города Су. Окончил в 1929 году.

Число зачетных единиц при окончании школы:

английский язык - 4;

латинский язык - 3;

история и экономика - 3;

алгебра - 1,5;

геометрия - 1,5;

химия - 1;

коммерческое право - 0,5;

педагогика - 0,5;

психология - 0,5

итого - 15,5

Из статьи Уэлша: *«В 1929 году, когда он закончил замок (т.е. среднюю школу) в возрасте 15-ти лет, он был членом общества Чести и лидером Дискуссионного клуба. В этом июне у него была видная роль в классной игре – «Ничего кроме правды». Об этом из заметки в городской газете чудом и волей сохранившейся у потомков Жоржа Коваля (стр.30).*

Из былых разговоров: история практическая и безусловно ведет к незабываемому Тому Сойеру. Сметану на ужин в буфете под МАЗом. Жорж Абрамович просил «без сахара» и уже на столе обильно солил, тщательно размешивая, и с удовольствием вкушал (вспоминаю, что видел этот, несомненно томсойеровский, процесс – но попробовать не захотелось ни разу, а нынче уже не едят сметану из гранёных голубкиных стаканов...). Как-то спросил за столом: откуда такое вкусовое при-

ЖОРЖ КОВАЛЬ

страстие – «в детстве в Айове лазили с братом по соседским садам, а яблоки были зеленые, незрелые, приходилось страховаться. Соль была в карманах». Жаль, что Марк Твен скрыл этот айовский метод от советских пацанов послевоенной поры. Правда, соль в годы войны в СССР была дорога, на щи из крапивы «без забелки» не хватало.

Youngest Member of Central High Graduation Class an Honor Student

George Koval Also the Youngest Senior Good Debater.

INTERSCHOLASTIC debater, Honor society student and youngest member of the June graduating class are three honors held by George Koval, popular member of the June class at Central high school.

Young Koval is 15 years and five months old, surpassing his nearest competitor for the honor of "baby" member of the class by more than five months. Koval, who is a member of the Chrestomathian literary society, played an important part in the intercholastic debate work last fall, being judged one of the best speakers on the squad.

As a member of the Honor society, he is included in the first three of the June class in scholarship, leadership and character. George also has been cast in one of the leading roles in the class play, "Nothing But the Truth," to be presented June 11 and 12. He is the son of Mr. and Mrs. Abe Koval.

[Genell Studios]
George Koval.

Айова – СССР

На моей памяти в Союзе, в Москве было дело, мощно и громко заговорили о штате Айова. На календаре – сентябрь 1959 года. Вероятно, был раздел об Айове в экспозиции американской, ажиотажной для народа, выставки в августе того же 1959 года, но плотная толпа глазела на роскошные автомобили, стояла в очереди за стаканчиком пепси колы, и до кукурузы ли было дело – не рассмотрели – сужу по себе. Закрылась выставка в Сокольниках, а 22 сентября 1959 года в штате Айова появился, прибыл по воздуху советский лидер Никита Сергеевич Хрущев с огромной свитой. Большая пресса, шумиха, толпы зевак – все это можно было детально посмотреть в московских кинотеатрах хроники и документальных фильмов – и все в экспрессном режиме. «Новости дня» (киноеженедельник) выпускали чуть ли не через день. Огромный американский плакат: початок кукурузы с человеческим обликом вопит: ОК! Nikita! Это Айова.

Книги о поездке Н.С. пожалуй были второй (после Ильфа и Петрова) достаточно добротной попыткой представить Штаты для рядового советского человека. Из книги «Лицом к лицу с Америкой» (М., ИПЛ, 1960): «Об Айове наш народ (т.е. советский - А.Ж.) знает гораздо больше, чем о каком-либо другом штате Америки».

Здесь явный перебор – ни больше, ни меньше. Пожалуй, на первом месте всегда был Техас с ковбоями, магией кино и ширпотреба.

Индейское слово « Айова», что в переводе означает «прекрасная земля», прочно вошло в лексикон нашего колхозного крестьянства, решившего догнать и перегнать США по производству масла, молока и мяса на душу населения». Что-то перехвалил я группу журналистов-мудрецов с добротностью. Может быть, кто-то из них в это время чиркал слова для фольк-рока: «Тула – Калуга – Лос-Анджелос объединились в один колхоз...» И тем не менее, далее идет рельефное осязаемое описание самого кукурузного штата Америки:

«Природа с исключительной щедростью наделила своими дарами этот край. Богатые черноземы, обилие влаги и солнца создали Айове заслуженную славу самого плодородного штата Америки. Но чем особенно гордятся айовцы – это своей кукурузой. «Приложите ухо к нашей земле, и вы услышите, как растет здесь кукуруза», – с добродушной улыбкой говорят они своему собеседнику.

Кукуруза – кормилица айовского фермера. Ещё много лет назад воспел её Генри Лонгфелло, автор бессмертной «Гайаваты», назвав

ЖОРЖ КОВАЛЬ

этот знак «другом людей» и «даром небесным». И впрямь, о ней с такой любовью и нежностью поют под звуки банджо или перебор гитары айовские парни и девушки, как будто бы кукуруза – самое любимое их сердцу существо.

А с какой душевной теплотой они исполняют строки своей любимой песни: Айова, Айова, ты лучший штат на Среднем Западе,
ты прекрасна, как мечта поэта...

И потом, не нарушая ритма, все встают и рукой показывают: вот какая растет у нас кукуруза.

Мы, пожалуй, не ошибемся, если скажем, что айовцы в самом лучшем смысле этого слова помешаны на кукурузе; она стала поистине властительницей, источником радости и печали. Известно, что королеве полей нужны тепло и влажность. И мы сразу почувствовали то и другое. Приземлившись на аэродроме Де-Мойна – столицы кукурузного штата Айовы. Атмосфера здесь была как в хорошей бане. Но стоило нам только слегка пожаловаться на айовскую погоду, как исконная горожанка, поднесшая нам стакан кока-колы, принялась нас утешать: «Конечно, людям трудновато в нашем климате, но какая благодать для кукурузы».

Почему айовцы так боготворят и преклоняются перед своей «королевой полей»? Да потому, что кукуруза – это мука, каша, молоко, сироп, крахмал, яйца и множество других вещей, полезных и необходимых для жизни человека. Но главное: кукуруза – это говядина, свинина, птица.

Если вы спросите айовского фермера, почему он так гордится своей кукурузой, он наверняка лукаво с насмешкой ответит: «Мы выращиваем кукурузу для того, чтобы кормить свиней, а свиней выращиваем для того, чтобы скормливать им кукурузу. Суть этой мудрости заключается в том, что кукуруза и свиньи – главный источник благосостояния жителей Айовы».

А как же родной город Жоржа Ковалья Сью Сити – встретил ли он Никиту Хрущева в 1959 г. Увы, нет. (Почему, увы?: потому что для нас было бы больше информации: всякой и разной о родном городе нашего героя – не так ли?...) Многим айовцам хотелось видеть и принять у себя Н.С. Хрущева. Город Сью Сити направил советскому гостю приглашение присутствовать на традиционном ежегодном состязании – кто быстрее и лучше пропадет участок земли. На соревнование фермеров Хрущев не попал, даже в американскую айовскую Москву не заехал.

В Айове есть поселок, тезка древней столицы Советского Союза. Совет старейшин крохотной айовской Москвы, собравшись в местной кузнице, рассудил, что имеются все основания пригласить к себе гостя из настоящей Москвы. На имя Н. С. Хрущева была послана телеграмма: «Приезжайте в нашу Москву!»

«С соседом надо жить по-соседски», – сказал, услышав о предстоящем визите Н. С. Хрущева, парикмахер из поселка Байард. Он предложил организовать самый теплый прием советскому гостю.

Айова лежит в глубине, как бы в центре Соединенных Штатов Америки. Многие жители штата ни разу не бывали не только в Советском Союзе, но даже в Нью-Йорке или Вашингтоне. В словах рядового айовца хорошо передалось настроение, охватившее в эти памятные дни жителей штата, горизонты которых как бы расширились и они увидели то, что ранее для них было «тайной за семью печатями».

О той давней поездке Н. С. Хрущева автору вспомнилось потому лишь, что можно предположить, как ёкало, как билось сердце молодого (всего 45 лет) доцента кафедры ОХТ, в начале осеннего семестра 1959г., когда радио, пресса каждый день громко твердила о его дальней родине. (Детство, ты куда уходишь вместе с юностью на Миссури...)

Айовские университеты

В анкете 1934 г. для абитуриентов МХТИ Жорж Коваль ответит на вопросы о своем образовании: *«Кончил 2 курса института инженеров-электриков в городе Айова-сити (США)».*

Есть определенная путаница на наш неамериканский слух в айовских университетах (университет Айова и университет штата Айова). Не будем детально разбираться – что есть что.

Н.С. Хрущев, к примеру, в сентябре 1959 г. был в гостях в университете штата Айова. Принимали неважно – судя по газетным отчетам тех лет. Н.С.

Хрущев был в айовском университете, расположенном в городе Эймсе. Ж. Коваль четко указал место пребывания своего университета – Айова-сити (т.е. University of Iowa) заметим, что UI основан 25 февраля 1847 г, всего лишь через два месяца после правового юридического оформления самого штата Айова, работать первый колледж в Айове начал в 1855г. (это я к тому, как надо с уважением относиться к датам основания) раритеты и гордость университета – *«первым в мире начал послевоенное вещание образовательной программы (1932 г.)».*

Вероятно, Жорж Коваль обучался в Айова-сити с 1929 по 1931 гг. Если судить по современной структуре университета Айова, наш герой обучался в колледже прикладных наук, где подготавливают (так в 1920-е годы писали в уставах наших вузов), дипломированных специалистов (*по нашим нынешним образовательным стандартам уровень подготовки неясен – А.Ж*) в области химических, биохимических, биомедицинских наук, окружающей среды, электротехники, вычислительной техники и машиностроения. Майк Уэлш отмечает, что после окончания школы Жорж изучал электротехнику в течение двух с половиной лет. Информации о том, что Уэлш работал с архивами университета Айовы, нет, скорее всего парень отталкивался от дат в жизни Ж. Коваля: окончание центральной средней школы в Сью Сити и время отъезда семьи Ковалей из США в 1932 г.

Свидетельств об учебе Ж. Коваля в Айова-Сити практически нет. Встают два вопроса:

1. Почему в 1934 г. при поступлении в МХТИ им. Д.И. Менделеева Жорж Коваль не представил (академическую) справку об обучении в университете Айовы?

2. Почему нет такой информации о предоставлении справки в CCNY? (городской колледж Нью-Йорка в 1943 г.).

В автобиографии от 15 ноября 1938 г. Жорж Коваль подчеркивает, что для покрытия расходов (*на образование – А.Ж.*) одновременно работал уборщиком, чистил картошку в ресторане и т. д.

В 1931 году, в связи с кризисом, его отец и брат оказались без работы, и пришлось бросить учебу. В досье ФБР на Ж. Ковалья (цитируем по статье в «Российской газете») – один из одноклассников по средней школе Сью-Сити (осведомитель, интервьюируемый или что-то другое – неясно) доносил (судя по протоколу), что после окончания школы Джордж поехал поступать в университет Айовы учиться на инженера, чтобы, как он (*т.е. Джордж – А.Ж.*) говорил, «подготовиться к работе в России». Простим одноклассника – на допросе в ФБР и не такое скажешь, знаем по Голливуду.

О годах юности Ж. Ковалья времен великой американской депрессии известно, как видите, немного. «В США 3 года работал в союзе безработных» – это из графы «опросного листа абитуриента» от 31 июля 1934 года. (графа 16 – «общественный стаж» (работа в советах, кооперативах, профсоюзах, партии и т.д.) ФБРовское досье, несомненно подчищенное, немного раздвигает завесу времени сведениями об общественной деятельности George Koval тех лет.

«В августе 1930-го Джордж Коваль и его дядя Пол Силвер были делегатами конференции Компартии США в штате Айова: первый – от Лиги молодых коммунистов, а второй – от местной парторганизации Сиу-Сити». Об этом, между прочим, упоминалось в документах, переданных тогда же их бдительными согражданами на рассмотрение спецкомитета палаты представителей конгресса США по расследованию коммунистической деятельности в стране (1930-й год, дипломатических отношений СССР-США ещё нет – это одна сторона глобальной атмосферы действий, а другая сторона – подготовка к охоте на ведьм с пиком по «добыче» в 1946 г. и даже с участием бдительных сограждан от чего-то в текстах тех лет пока не действует по-американски «магическое» – «агенты Коминтерна».

В сентябре 1931 г. наш юный герой Коваль подвергнулся в родном городе аресту, и об этом даже писала местная газета «Сиу-Сити джорнэл энд трибюн». Согласно публикации, задержали нашего героя за то, что он вместе с группой единомышленников «захватил» служебный комитет местного уполномоченного по делам неимущих. Они требовали, чтобы тот нашел жилье для двух бездомных женщин, которых перед этим выселили из приюта. После вмешательства местного шерифа зачинщику

смуты пришлось переночевать в участке. О нем сообщалось, наверное, с его же слов, что парню 19 лет, что он изучает право в одном из университетов Среднего Запада и оказывает юридическую помощь Совету по делам бездомных, названному в заметке «коммунистической организацией». Между тем в регистрационной карточке, заполненной при оформлении привода, был указан, надо полагать, реальный возраст задержанного – 17 лет.

Из Личного листка по учету кадров, заполненного студентом Ж. Ковалем 11 октября 1938 года, интересен пункт 24 – «участвовал ли в революционном движении» и подвергался ли репрессиям за революционную деятельность до Октябрьской революции и после во время оккупации (за что, когда, каким)?» По полям листка-анкеты, жирное напоминание – *ответы должны быть исчерпывающие*. Студент Коваль ответил информацией в три рукописные строки: *«В США в 1930 – 1932 гг. участвовал в работе союза безработных. Был дважды арестован, но не судился за участие в демонстрациях»*. Арестован, но не судился – предельно исчерпывающе. Уметь бы толковать эти строки.

Таковы краткие, обрывочные осколки, мозаики информации, искомой нами атмосферы действий, в которой обитал и вырос Джордж Коваль. Хотелось бы взглянуть и на досье ФБР, и на публикацию в «Сиусити джорнэл энд трибюн» – хотеть не вредно, гласит расхожая, почти народная поговорка, да что там архив ФБР, до архива комитета ВЛКСМ Менделеевки 1930-х годов не просто добраться, но можно и нужно. Это посылка для следующего поколения биографов Ж.А. Ковалю, повторю ещё раз – верю, что это случится.

Маршрут от ИКОРа

Начинают всегда с простого вопроса (ответа четкого, как обычно на простой жизненный вопрос, к тому же в координатах нынешних реалий, на него нет): «Как случилось, что семья Абрама Ковалю с тремя сказочными сыновьями решила на очередной переезд после двух десятков лет жизни в Айове?» (*фото семьи Ковалей на стр. 38*) Есть американская версия принятия такого решения. Заметим, что эта точка зрения американских СМИ и их авторов родом из дел из 2007 г., т.е. через восемь десятков лет после принятия того решения праправнуки Абрама Ковалю сами расскажут об этом на российской земле.

Версия эта и подается по-американски – как последняя, т.е. без тени каких-либо сомнений: Марк Штейнберг (Seagull magazin от 1 декабря 2007 г.): «Его родители – правоверные члены американской компартии

были вовлечены в компанию под названием «ИКОР» по переселению евреев в советский Биробиджан». Неожиданный поворот дела с ключевыми для атмосферы действий терминами:

- *члены американской компартии* – уж если бы так, эхо от американских СМИ звучало бы в децибелах – «агенты Коминтерна», «рука Москвы», ан нет, ещё не слышно. И не от того, что нынче это не в политмоде, здесь другое – зацепок нет. Проверят – засмеют.

- ИКОР (ICOR) – забытая в России аббревиатура, когда в 1980-х готовили для печати в родном «Менделеевце» первые публикации о Ж. А., автор (в той заметке «Менделеевца») перепутал неведомый мне ИКОР с Икаром – как-то возвышеннее звучало название дальневосточной коммуны: «ИКАР» – античные крылья – мечты – полет...

Юрий Лебедев – один из первых биографов Ж.А. Ковалю на международной арене, – этих проблем не коснулся (стоит думать, пока не коснулся. Мнение Ю.А. – всегда находка, часто и импульс для исследователей, иногда и парадоксов, да и эмоций хватает. Ждем, Юрий Александрович, ждем. Думаю, к столетнему юбилею Ж.А. состоится).

Микаэл Уэлш из *Smithsonian journal* (май 2009-го года) – тот не обходит момент импульса – «толчка» в семье Ковалей к отъезду в СССР. «Время Великой Депрессии положило конец надеждам, Сью-Сити статья вторым Чикаго, и Абрам Коваль собрал свою жену и сыновей, чтобы искать благосостояние в другом месте. Он был секретарем организации, известной как ICOR, аббревиатура на идиш Ассоциации для еврейской колонизации в Советском Союзе, ICOR был коммунистической организацией, которая функционировала как конкурент к надеждам возвращения сионистов на еврейскую родину на Ближнем Востоке, и именно в Советский Союз Ковали направились в 1932 году».

Коммунистическая организация – это ещё не подразделение компартии США. Далее без ряда пояснений о структуре некоторых организаций в СССР и за рубежом не обойтись, чтобы достичь минимального значения понимания аббревиатуры ИКОР (ICOR).

В центре событий проблема – земля для евреев из бывших российских губерний. Начнем по порядку.

КомЗЕТ

Комитет по земельному устройству еврейских трудящихся при Президиуме Совета национальностей ЦИК СССР (КомЗЕТ) был образован постановлением Президиума ЦИКа от 29 августа 1924 года с целью привлечения еврейского населения Советской России к производительному труду. В цели КомЗЕТа также входило сотрудничество с междуна-

ЖОРЖ КОВАЛЬ

родными еврейскими организациями (в первую очередь, «Джойнтом») и создание альтернативы сионизму.

В журнале «Трибуна» за сентябрь 1929 года подчеркнуто, что, КомЗЕТ один из боевых органов Советской власти по проведению национальной политики среди еврейских трудящихся масс». Именно КомЗЕТ формировал переселенческую политику в рамках проекта еврейской земледельческой колонизации в СССР. В его ведении находились еврейские земледельческие поселения в Южной Украине и Крыму, а с 1927 года – в Биробиджане. В меньших масштабах КомЗЕТ действовал в Белоруссии, а также в Узбекистане, Грузии, Дагестане, Азербайджане и на Северном Кавказе. Ряд населённых пунктов СССР носил названия Комзет, Комзетовка, Амурзет.

Первым председателем СССР КомЗЕТа стал Пётр Гермогенович Смидович, партийный деятель, член президиума ВЦИК и ВСНХ. С. Чуцкаев сменил его на этом посту в 1935 году. Членами КомЗЕТа в разное время состояли такие видные общественные и политические деятели, как Чемерисский, Мережин, Страшун, Диманштейн. Гольде и Ларин. В 1938 г. в связи со сворачиванием проекта еврейской земледельческой колонизации в СССР, КомЗЕТ был расформирован.

Петр Смидович районным центром заявлен на географической карте СССР: смотреть чуть левее Хабаровска. Семья Ковалей историей жизни связана и не столько с работой П.Смидовича в КомЗЕТе, сколько географическим пунктом Смидович. Из списка «видных» деятелей КомЗЕТа в народе порой вспоминают Ларина – под сим псевдонимом жил и творил Михаил Залманович Лурье 1882 – 1932 гг., член президиума ВСНХ и Госплана. Одни помнят его как проводника украинизации, но чаще как тестя Н.И. Бухарина, отца юной жены партийного лидера, записками которой были заполнены издания начала перестройки.

Abram Berko KOVAL, Ethel KOVAL,
Issiah KOVAL, George KOVAL, and
Gabriel Koval Photo May 1932

Джойнт

Эта организация на слуху, особенно у советских людей 1920 – 1930-х годов, да и в годы войны в тылу звучала эта аббревиатура. Справки о Джойнте в Большом Энциклопедическом словаре РФ 1993 г. нет.

«Джойнт» (JDC) – «американский еврейский распределительный комитет», комитет помощи евреям, пострадавшим от первой мировой войны, создан в США в 1914 г. В РСФСР работал с 1920-х годов совместно с «еврейским общественным комитетом». В СССР «Джойнт» занимался аграризацией евреев, т.е. вместо философской удочки в деле накормления голодных использовали землю.

В пик голода, разразившегося в Поволжье и Восточной Украине, «Джойнт» по американским данным кормил до 2 миллионов человек.

Еврейский общественный комитет («Евобщестком»), при содействии «Джойнта», в 1922 году оказывал помощь 132 тысячам детям в детских домах, школах, детских садах, больницах, поликлиниках.

В 1924 году между «Джойнтом» и советским правительством был подписан договор о создании корпорации «Агро-Джойнт» (American Jewish Joint Agricultural Corporation), которая взялась за аграризацию евреев. КомЗЕТ выделял землю для создания новых коммун. Из Америки в подшефные хозяйства завозилась современная сельскохозяйственная техника, высокоурожайное посевное зерно, племенной скот. Агрономы «Агро-Джойнта» опекали еврейских земледельцев и обучали их передовым методам ведения сельского хозяйства. Кроме «Джойнта» в проекте участвовали также ОПТ и Еврейское колонизационное общество.

В атмосфере действий довоенных лет (Москва, интеллигенция, пропаганда) термин «джойнт» был слышен для кого-то по делам его, для других красной тряпичей, для иных как шорох политлузгания.

ОЗЕТ

В автобиографии от 15-го ноября 1938 г. студент Жорж Коваль отмечает: «В 1932 году наше семейство получило разрешение переехать в Биробиджан через ИКОРа – американское отделение ОЗЕТ. Прибыли туда в июле 1932 года».

ОЗЕТ – общество землеустройства еврейских трудящихся, было организовано 17-го января 1925 г., в Москве, формально как общественная организация для содействия КомЗЕТу.

Не забыл об ОЗЕТе и А.Н. Солженицын в книге «200 лет вместе» (М. 2002. С. 246) он пишет: «К осени 1924 был создан правительственный Комитет по Землеустройству Евреев Трудящихся (КомЗЕТ), впримык к

нему – ОЗЕТ (Всесоюзное добровольное Общество по Землеустройству Евреев Трудящихся). (Помню, в 1927-28 – нас, малых школьников, всех сплошь заставляли вступать и платить – просить у родителей, приносить из дому – Членские взносы в ОДД, Общество Друзей Детей, и... в ОЗЕТ). Во многих странах мира создавались вспомогательные ОЗЕТу организации.

Сразу было понято и учтено: «Помощь советской власти... переходу (еврейской бедноты) на землю» – это «явление международного значения»: по ней заграничные рабочие судят о «мощи и прочности советской власти». В развитии замысла активно участвовал и финансово поддерживал мощный американский Джоинт».

Видите, какова оценка Джоинта Александром Исаевичем комитета по распределению – «мощной американской...» Не помню (не обратил внимания), ссылается ли А.И. на эту книгу, но работе с детьми тех давних лет посвящена книга М. Левина и Д. Давидовича «ОЗЕТ работа среди детей» (М., 1930).

Для Агро-Джоинт ОЗЕТ собирал и распределял средства для помощи переселенцам, занимался мобилизацией общественного мнения, пропагандой, организацией общего и профессионального образования, культурной жизни, медицины для переселенцев, взаимодействием с международными еврейскими организациями. Лотереи ОЗЕТа проводились в 1928–1933 годах.

Руководство ОЗЕТа состояло из старых большевиков. Первым председателем ОЗЕТа был уже представленный нами Юрий Ларин. В конце 20-х годов его сменил на этом посту Семён Маркович Диманштейн – также упомянутый революционер и партийный деятель, первый глава Еврейского комиссариата при Народном комиссариате по делам национальностей, а затем Евсекции ВКП(б). В президиум входили Владимир Маяковский, посвятивший известные стихотворения ОЗЕТу, Соломон Михоэлс и другие общественные деятели.

Первоначально, еврейские сельсоветы создавались большей частью в Крыму, а также в районе «старых» еврейских земледельческих колоний, основанных ещё в начале XIX века. Для получения поддержки евреев Запада, ОЗЕТу была предоставлена беспрецедентная свобода по меркам того времени. В отличие от КомЗЕТа, ОЗЕТ официально не придерживался определённой идеологии. В ноябре 1925 г. ОЗЕТ даже объявил о своём нейтральном отношении к сионизму, который уже был объявлен в СССР наиболее реакционной разновидностью еврейского буржуазного национализма, и лишь в конце 1920-х годов руководство ОЗЕТа заняло откровенно антиссионистскую позицию (порой утверждают – было вынуждено занять).

До 1930-х ОЗЕТ был нередко представлен в советских павильонах на международных выставках и на кинофестивалях. О деятельности ОЗЕТа в 1927 году Абрамом Роомом был снят фильм «Евреи и земля», по сценарию Владимира Маяковского и Виктора Шкловского. В Ленинграде ОЗЕТ выпускал журнал «Трибуна» на русском языке, упомянутый нами.

В отличие от большинства советских общественных организаций того времени, членство в ОЗЕТе не требовало пролетарского происхождения. В 1926 году членами ОЗЕТ было 60 тысяч, а в начале 1930-х годов – 300 тысяч человек, но многие вступили в него добровольно-принудительно и числились лишь членами формально, поскольку в ОЗЕТ вступали целыми коллективами – заводы, воинские части, вузы и т. п.

Еврейским переселенцам было выделено в общей сложности около 500 тысяч га. План ОЗЕТа и КомЗЕТа включал переселение 500 000 «еврейских крестьян» за 10 лет. Вопрос по плану был прост – где найти столько еврейских земледельцев? В действительности, с 1925 по 1937 год переселились лишь 126 000, из которых только 53 000 остались на новом месте. В новосозданные еврейские земледельческие коммуны и коллективные хозяйства также влились переселенцы из Аргентины, британской (по существу) Палестины и некоторых других стран.

ОЗЕТ в Еврейской автономной области

С февраля 1928 года ОЗЕТ переориентировал свою деятельность на создание в перспективе Еврейской автономной области с центром в районе станции Тихонькая (будущий город Биробиджан).

28 марта 1928 года Президиум ЦИК СССР принял постановление «О закреплении за КомЗЕТОм для нужд сплошного заселения трудящимися евреями свободных земель в приамурской полосе Дальневосточного края». 20 августа 1930 ЦИК РСФСР принял постановление «Об образовании в составе Дальневосточного края Биро-Биджанского национального района». Постановлением ВЦИКа от 7 мая 1934 г. национальный район, основанный в 1930 г., получил статус Еврейской автономной области (К 1932 из 20 000 переселенцев лишь 7 000 остались в ЕАО, только 20-25 % населения области были евреи).

В мае 1938 года общество ОЗЕТ было ликвидировано указом ЦИК СССР.

В книге «Очерки истории еврейского народа» Т. 2 (б-ка Алия, 1993. Израиль) работа ОЗЕТа оценивается прозаично и однозначно: «Заселение Биробиджана не увенчалось успехом. За первые 5 лет туда прибыло 120 000 переселенцев, это из районов СССР и из-за рубежа – суммарно, из которых 60 % вскоре покинули его, все же в мае 1934 г. Биро-

биджан был объявлен еврейской автономной областью, хотя евреи не составляли даже 20 % его населения». Даже если цифры «очерка» все достоверны – заметим, что это была в первую очередь политическая задача создания нового территориального образования.

Семья нашего героя осталась в ЕАО – слово, данное ОЗЕТу, сдержали – край освоили.

Коммуна ИКОР

В нашей политграмоте атмосферы действий (США, СССР) 1930-х вновь дошли до ИКОР, который порой считают американским отделением ОЗЕТа. Студент МХТИ им. Д.И. Менделеева Ж. Коваль, ещё раз цитируем автобиографию 1938 г.:

В 1932 г. наше семейство получило разрешение выехать в Биробиджан через ИКОР (американское отделение ОЗЕТа). Прибыли туда в июле.

Из справки ОПТ-ОЗЕТ:

ИКОР – общество содействия еврейской земледельческой колонизации в России в скобках (The organization Jewish colonization in Russia). Основано в США в 1928 году, имело свои отделения в США и Канаде. В марте 1929 г. ИКОР заключил договор с Совнаркомом СССР по оказанию помощи еврейским переселенцам в освоении Биробиджана, согласно которому освобождался от общегосударственных и местных налогов, сборов при экспорте машин и инструментов в СССР. Как писал журнал «Трибуна» в 1931 году: «Трудно представить строительство Биробиджана без участия американского ИКОРа. Он снабжает район мощными тракторами, дорожными деревообрабатывающими машинами, электрическими станциями и, наконец, высококвалифицированными специалистами, которые организуют консультации...»

О первой международной коммуне ИКОР, о её создании писал Виктор Финк в книге «Евреи на земле». (М-Л, 1929). Он ехал до станции Волочаевка, в коммуну ИКОР. «Я рассчитывал, что на станции будет кто-нибудь из ИКОРа.

– Да вот ведь он из ИКОРа! – воскликнул железнодорожник, указывая на мордастого казака.

Мордастый, действительно, был членом коммуны «ИКОР», еврейский парень из-под Минска. Он приехал в Биробиджан в мае прошлого года и провел здесь первый и самый мучительный период колонизации, когда разбегались все, а оставались только фанатики. Он остался, перенес дожди, наводнение, гнус, голод. Падеж скота. Морозы, развал, деморализацию и склоку. И вот у него налились щеки здоровьем, которое можно взять руками, и над ухом раскачиваются кудри.

Коммуна ИКОР состоит из 16 молодых парней. Они все переехали в Биробиджан из Белоруссии, из жалких местечек, в которых люди в течение ряда поколений промышляли нищетой. Парень подбадривал лошадку кнутом, а на топких местах обращался к ней крепким словом. Парень – член правления коммуны. Он рассказал мне кое-что о ее делах.

Икоровцы, как приехали в Биробиджан все вместе, в мае 1928 г., по первому зову ОЗЕТа, так до сих пор и держатся вместе. Раньше они жили на Степном, в апреле этого года их перебросили сюда, на Волочаевку. Здесь было отделение опытной станции и ликвидировалось. Остались постройки и две тысячи гектаров земли.

– Но биробиджанские тысячи гектаров знаете, что это такое?

Икоровцы получили 2000 га земли, из них распаханых было 33 га, Они подняли еще 17, вот и засеяли 50 га. Больше не успели.

16 местечковых мальчуганов получили 7500 руб. обычной переселенческой ссуды и 6500 руб. кредита от сельского банка Дальнего Востока. Получили в начале апреля, успели немного вспахать, засеять и организовать молочную ферму. Нужно было сеять на релках, а они сеяли на пади. Летом ударили дожди как из ружья. Низины были затоплены.

Виктор Финк: «Коммуна сдавала Дальсельсоюзу сливки, получая за 1 литр сливок стоимость 7 литров молока. Коровы малорослые, но дают из 5 л молока 1 литр сливок. Кроме того, при изготовлении сливок остается творог, который съедается, а остатки продаются на сторону. Остается еще и отгон (обрат), он идет на выкормку свиней. Икоровцы готовят беконных экспортных свиней, за которых рассчитывают получить сельскохозяйственную машину.

С 1931 года коммуна начинает быстро расти. Расширяется и ее хозяйственная программа. В том же году коммуна переименовывается в «ИКОР-Соцгородок». В нее вливаются 86 человек из США (26), Аргентины (43), Польша (3), Германия (9), из-за рубежа (среди этих 26 переселенцев семья Ковалей).

По замыслу организаторов этой первой международной коммуны Соцгородок должен был развернуться в агроиндустриальный городок. Только в течение 1932 года американские рабочие прислали коммуне электростанцию в 250 лошадиных сил, трактор, шпалорезку, лесопильную раму, 2 бетономешалки, полное механизированное оборудование деревообделочной мастерской, 3 нефтяных двигателя мощностью 108 лошадиных сил, столярный и слесарный инструмент, 15 тысяч метров толи, гвозди, электротехнические материалы и принадлежности. В 1933 году завершили строительство механизированной фабрики по производству технического оборудования и учебных пособий для школ.

Коммуна начала снабжать сливками и молоком Хабаровск, породистыми поросятами – колхозные фермы Биробиджанского района.

На состоявшемся в 1932 году 3 пленуме Далькрайисполкома в выступлении икоровца Амрона (произнесенного на идиш), переселенца из США говорилось: «Переселенцы евреи в «ИКОРе» – это выходцы из-за границы, главным образом из США и Аргентины. Переселенцы-евреи начали строительство соцгородка в июле 1930 г. Сейчас мы имеем 2 отстроенных больших дома на 150 человек. Выстроен большой коровник на 100 голов скота и свиноводческий на 64 головы свиней, а так же 2 колодца. Строим 2 дома по 86 комнат». Перед коммуной стояли большие задачи на ближайшее будущее: довести ее состав до 5000 человек, развить высококультурное огородно-оранжерейное и молочно-свиноводческое хозяйство.

Отсев коммуны произошел в 1932-33-х годах, а в 1934 году эта уникальная коммуна распалась, ее доконал сильнейший голод, охвативший практически всю территорию нынешней Еврейской автономной области в 1933 году».

Для полноты ощущения атмосферы действия (района семьи Ковалей) напомним: в 1930-м ещё не были установлены дипломатические (государственные) отношения между СССР и США. (Еще не «приехал из Америки посол» – в кавычках слова из популярной в предвоенные годы городской песенки, слова, да и прозорливость, как обычно, народная).

Семья Ковалей решила принять участие в земледельческой колонизации в России, что было толчком к тому, конкретно указать нельзя, а в мировом масштабе – страшный экономический кризис, мощная пропаганда и, конечно, без каких-то политических завес, неведомых простому еврею, дело не обошлось.

Давид Вайсерман в книге «Биробиджан: Мечты и трагедии» описывает тех, кто приезжал в коммуны из-за рубежа. Первая ссылка на И.И. Блехермана – переселенца из Аргентины: «В 1930-м к нам в Аргентину приезжал секретарь Биробиджанского райкома партии Я.Л. Левин. Он рассказал о перспективах будущей еврейской области. Мы все поверили ему и поехали сюда. Все мы были коммунистами». Даю цитату из Д. Вайсермана (думается, уж как-то все очень просто): «Все мы были коммунистами...» (звучит в XXI веке как какое-то оправдание перед атакующим капитализмом).

Другой юный переселенец из западного полушария Земли Давид Эдберг так объясняет переезд своей семьи (отец, мать и трое братьев – почти наш ковальский вариант) в Биробиджан.

«Тогда, – писал Давид Эдберг (в письме писателю Давиду Вайсерману (1998 г.), в самом начале тридцатых годов, было очень трудно найти

работу, поскольку Америка переживала период депрессии. Мои родители Яков и Рохел заинтересовались планами строительства Еврейской автономной области в районе Дальнего Востока. Большое количество семей собирались ехать туда, где строилось первое в мире еврейское государство. Тридцать три семьи из Лос-Анжелеса, разбившись на три группы, отбыли в разное время туда, в далекий Биробиджан.

Летом 1932 года вместе с дюжиной других семей – второй группой добровольцев, мои родители, я и мои братья сели на корабль, который повез нас через Иокогаму. Мне тогда было тринадцать лет (*ровесник Гейби Ковалей – А.Ж.*), и я хорошо запомнил, как мы прибыли в Японию на корабле, а затем пересели на поезд и прибыли в морской порт в Японском море под названием Цуруоко. Оттуда на небольшом грузовом судне направились в г. Владивосток. Затем во Владивостоке мы пересели с судна на поезд и по железной дороге направились в Хабаровск, где пересев на баржу прибыли в «Икор- Соцгородок». Живя в очень примитивных условиях, сначала в жару с угнетающими комарами, а затем в свирепый, принижающий холод зимой, мой отец Яков Эдберг серьёзно заболел сразу несколькими болезнями. Мы захотели вернуться назад, но в связи с тем, что у нас отсутствовали связи со своей бывшей страной США, это не представлялось возможным. Помню, мы сели на поезд и по железной дороге, проделав шестнадцатидневный путь, приехали в Москву. Оттуда отправились на юг, в теплый Крым, в город Севастополь. Почти весь 1933 год мой отец и я работали на авиационном заводе, а мой брат Самуэль – в торговле. После долгих и трудных месяцев нашей семье было разрешено выехать во Францию, а затем оттуда в США.

Из письма Давида Эдберга юного переселенца 1930-х годов можно извлечь несколько деталей для анализа атмосферы действия семьи Ковалей:

-во-первых, политический смысл колонизации (из ИКОР) – строилось первое в мире еврейское государство;

- во-вторых – очень ценная информация о маршруте пересечения Великого океана – лето 1932 г. (Ковали – июль) Эдберги из Лос-Анджелеса, Ковали -???

Через Иокогаму из Японии на небольшом грузовом судне во Владивосток – «открыт (пока) закрытый порт Владивосток».

Владимир Лота в книге «Ключи от ада» даёт свой вариант версии к толчку для переезда семьи Ковалей в Биробиджан: «Ковали прожили в США около двадцати лет. В их семье появилось трое детей, которых нужно было не только кормить и одевать, но и обучать в школе. За все

надо было платить. Несмотря на упорные старания главы семейства, денег в семье постоянно не хватало. Плотник поддерживал связи с друзьями из России, в которой происходили различные события – революции, гражданская война, стабилизация обстановки, коллективизация и индустриализация. (*Предложение трудно поддается расшифровке – «поддерживал связи с друзьями из России» – А.Ж.*). Планомерно и разумно решался и национальный вопрос. В 1932 году семья Ковалей в полном составе решила возвратиться в Россию. Путешествие, скорее всего, через Тихий океан – они совершили на пароходе «Левитан».

Информационно вариант Лота пожалуй не беднее, нежели версии по Д. Вайсерману, с эмоциями только скупее, но есть зацепка по маршруту – не ясно лишь, откуда сомнения, – *«скорее всего через Тихий океан...» – «пароход Левитан»*. Будущим исследователям биографии советского человека по фамилии Коваль Жорж Абрамович есть над чем поработать. Верю не только специалисты из ФБР, ЦРУ, Голливуда и др., но и наши менделеевские правнуки будут достойно заниматься биографией Ж. А., и они смогут проследить маршрут следования летом (июль) 1932г. парохода «Исаак Левитан» по портам тихоокеанского побережья.

Газета «Биробиджанская звезда» в своем №16198 от 08.03.2011 г. вспоминает о коммуне «ИКОР» – «Коммуна ИКОР»: они были первыми – таковы первые слова материала. Организовала коммуну в начале апреля 1928 г. группа из 12-ти человек – учащихся курасовщинской еврейской организации из-под Минска «коммуна ИКОР по своему устройству, распределению доходов, эффективному ведению хозяйства следует считать прообразом израильских кибуций» – таково резюме. Ответа (ответов, хотя бы вариантов) на вопрос, почему не получилось до конца реализовать поставленные цели в районе станции Тихоньякая, нет, не прозвучало. Расхожее и удобное: ко времени причина, что, мол, система была виновата, – на сегодня, в условиях дикого капитализма в России, эта версия – и очень, и слишком тривиальна.

Об израильских кибуцах на кафедре ОХТ в Менделеевке с интересом говорили в конце 1980-х. Разговор вел приехавший из поездки в гости к сыну (руководителю одного из кибуцев) заведующий кафедрой графики Николай Николаевич Демченко. Николай Николаевич рассказчик был знатный и говорил дельно и толково. Об опыте «ИКОР-Соцгорода» никто не вспомнил.

В литературе последних лет мне попались занимательные записки Евгения Примакова, точнее фрагменты записок с точечными впечатлениями о посещении кибуца в сентябре 1971 года. Дипломатических отношений в тот период между СССР и Израилем не было. Поездка Е.Н. была конфиденциальной и даже секретной: «Побывал на севере Изра-

иля, но отказался поехать на оккупированные территории – Голанские высоты или Западный берег. Сопровождавшему меня гиду был представлен как «ученый из Финляндии». Краткие впечатления от поездки запечатлел в записной книжке: «Северные районы. Действительно, повсюду убежища от обстрелов. В кибуцах религиозное влияние слабо. Нет синагог. Дети живут отдельно. Спортплощадки, небольшие бассейны. С 4 до 7 часов каждый день плюс суббота детей забирают родители. Общие для всех столовые. Если приезжают гости, можно забрать еду домой. Коммуна владеет средствами производства. Многие кибуцы имеют фабрики. Все решает собрание, даже поступление ребенка в университет. Выйти из кибуца можно, но при этом все оставляется общине. Эмигрантские городки. Дома очень разные. В каждом – спецкомната от обстрелов. Очень много солдат на дорогах. Голосуют, просят подвезти. Обязательный срок службы: три года для юношей, два года для девушек».

Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI века) - Н.; ИИК «Российская газета» 2006. С. 275-276.

Почему «ИКОР»? На этот вопрос ответил еще в 1992 году Давид Вайсерман, работавший материал для своей первой книги по истории ЕАО «Как это было?» (вышла в свет в 1993 году).

На идише это звучит так: «*Идише Колонизация Орбайтер*». Так по мнению Д. Вайсермана именовалась в конце 20-х и в начале 30-х годов американская общественная организация помощи землеустройству евреев. Сначала ее основали выходцы из России и Прибалтики, осевшие в штате Оригон. Они организовали широкую кампанию по сбору денежных средств для поддержки Биро-Биджанского проекта. Проводились митинги, собрания сказал он, – ИКОР собрал и направил в Биро-Биджан с 1931 по 1934 год 250 миллионов рублей. Откуда рубли в Оригоне – неясно.

Икоровцы не просто «перекачивали» средства из США в строящуюся еврейскую автономную область, а полагали, что они будут использованы по назначению – на организацию рабочих мест, устройство быта зарубежных переселенцев, поддержку коммуны «ИКОР». Кроме подробных отчетов, которые давал этой организации тогдашний Совнарком СССР, американская комиссия ИКОР в составе пяти активистов больше месяца жила в Биро-Биджанском районе и давала положительную оценку реализации проекта создания ЕАО.

Поселок Икор-Соцгородок стоял недалеко от реки Тунгуски, в 130 километрах от Биробиджана. И коммунары, освоив секреты местной рыбалки, готовили в период осеннего хода лососей на нерест как мини-

мум по десять тонн кеты и по несколько сот килограммов красной икры.

Пропагандисты Биро-Биджанского проекта ставили коммуны «Икор-Соцгородок» (второе имя ей присвоили сразу после основания) в пример другим иностранцам как образец успешной «акклиматизации» в Приамурье. Между тем не все было так безоблачно в этом большом трудовом коллективе, как, впрочем, и в других хозяйствах, на предприятиях, в артелях, где работали иностранцы. Многие, разочаровавшись в успешной реализации идеи обрести достойную жизнь в социалистическом государстве, стали покидать Биро-Биджанский район, возвращаясь в свои прежние капиталистические страны. «Исход» принял массовый характер, а приезд новых иностранцев почти прекратился. Это обстоятельство и стало причиной созыва первой (и последней) конференции иностранных переселенцев, состоявшейся в Биробиджане 5-6 февраля 1933 года. Кстати, конференция велась на идише, отчет хранится в госархиве ЕАО. На русский язык его перевела журналистка газеты «Биробиджанер штерн» Елена Сарашевская.

По большому счету, вся конференция свелась к одному вопросу: почему уезжают? Ответ был простым: испугались трудностей и встали на позиции классовых врагов – ибо дезертирство с трудового фронта социалистического строительства и есть та самая классовая борьба. Им, дезертирам, даются коммунистические лозунги (примерно такого содержания: работа прежде всего, а вот накормлен ли ты, одет-обут – не главное). А ведь бежали иностранцы не только от каторжного труда: на том же, к примеру, Лондоковском известковом заводе или от скотских условий быта в нетопленых общежитиях или в «отдельной» комнате, где на 12-ти квадратных метрах ютились по 6-8 человек. Нередко переселенцы голодали из-за идиотизма в снабжении рабочих бригад тем же хлебом. (Кстати, тогда страна жила по продуктовым карточкам). И еще немаловажная причина для выезда: полный запрет на религию. А ведь большинство зарубежных колонистов воспитывались в религиозных семьях. В тех странах, откуда они прибыли, синагоги были такими же привычными, как католические костелы или мечети...

Бежали в том числе из коммуны «Икор-Соцгородок», хотя коммунары вроде бы жили получше: рыба, молоко, овощи, картофель – свои. Питались в общественной столовой. Но вот что сообщил на конференции в своем докладе секретарь Биро-Биджанского райкома ВКП(б) Янкель Левин: «Кто уезжает из Соцгородка?»

Меклер – из Америки. В США был подрядчиком, имел собственный дом. У нас не смог найти для себя подходящую работу.

Шерер – из Америки. Холост. В Нью-Йорке был снабженцем. Поставлял окна и двери на стройки. В Лос-Анджелесе имел собственный

автомобиль и развозил на нем фрукты.

Фельдман – из Америки. Холост. Был там лавочником, но обанкротился и стал рабочим на швейной фабрике. Какое-то время был штрейкбрехером. Позже присоединился к левым.

Баумерт – из Америки, был там мелким торговцем. Имел в Америке собственный дом и перед отъездом в Советский Союз продал его. Геллер – американец. Имел в Америке собственное кустарное предприятие и магазин. Тоже имел «пару рублей».

Свед – американец. Семейный. Но приехал без семьи. Занятие – снабженец строительными материалами.

Концевой – американец. В Америке держал с компаньоном мастерскую по производству окон и дверей.

Розенблат – американец. Приехал без семьи. В Америке был кантором (главным певцом в синагоге и торговцем. Здесь работать не хотел».

Досталось на конференции и тем, кто пытался «делать свой гешефт». Вот фрагменты из доклада: «... переселенец Рейтер привез с собой из Франции много жира, продает его тут по 50 рублей за килограмм и еще кричит, что ему есть нечего. В коммуне «Икор» за такую спекулятивную торговлю устроили общественный суд над одним переселенцем, а тут (имелся в виду завод «Фибролит») – ничего». И тогда Я. Левин подсказывает участникам конференции способ «воспитания» «плохих» иностранцев: «Есть иностранцы, которые в капиталистических странах трудились не покладая рук, а здесь работают спустя рукава. Печально, что коллектив не реагирует на это. Когда я забрал у одного немецкого переселенца хлебную карточку, потому что он отказывался работать, коллектив фибролитового завода осудил меня, а не его».

В докладной записке, отправленной председателем Облисполкома Либербергом в Совнарком в феврале 1935 г., указывалось, что «большой отсев иностранных переселенцев в 1932 году был вызван зсоренными, социально чуждыми и политическими враждебными элементами вследствие неорганизованного отбора; исключительными трудностями, характерными для того времени переселенческой работы в Биро-Биджане; и в значительной части вследствие того, что районные власти не повели необходимых значительных работ по приему и устройству переселенцев».

Впоследствии коммуна «Икор-Соцгородок» объединилась с украинской коммуной «Тихоокеанский Октябрь», а затем её доконал сильнейший голод в 1934. (Из книги Давида Вайсермана « Биробиджан: Мечты и трагедии»).

Вот такова атмосфера действий в районе станции Тихоньякая (Биробиджан), когда туда прибыла из Айовы семья Абрама Ковалю.

Отчего мы на кафедре никогда не поговорили с Жоржем Абрамовичем хотя бы мимоходом о тех днях – объяснить не могу. Скажут, может оттого, расхожее на сегодня – «табу, мол, было», но правда в том, что никакого табу не существовало вовсе. Может оттого, что мое поколение выросло из дней жестокой войны, и все довоенное представлялось где-то в других измерениях, за сингулярной точкой (плоскостью ли) времени как небылое. Не слышал, чтобы и старшее поколение ровесников Ж.А. говорило о тех днях. Даже в средствах советской пропаганды о Дальнем Востоке 1960-х – 1980-х почти ничего не было слышно об удачном, вроде бы, реализованном проекте – Комсомольск-на-Амуре. Его вяло вспомнили к 35-летию основания. Допускаю мысль, что тень Сталина на политической атмосфере жизни СССР тех лет «организовывало» это табу. Даманский и БАМ – вновь приоткрыли информационную завесу. Повод поговорить с Ж.А. о Дальнем Востоке был и очень прямой – его поездка в командировку в те края по делам целлюлозно-бумажным. Говорили о том о сем – помню, он восторгался любовью дальневосточников к хоккею с мячом: мороз 25 – 30 градусов, на стадионе в Хабаровске больше 25 000 болельщиков – мужчин и женщин...

Владимир Лота о первых днях жизни семьи Абрама Ковалю в СССР пишет: *«Оказавшись в России, семейство Ковалей обосновалось в Биробиджане, который в мае 1934 года стал столицей Еврейской автономной области. Началась новая жизнь. Переселенцы из США стали членами коммуны «Икор».*

Им выделили жилье. Отец стал работать по специальности, строил новые дома. Сыновья работали в коммуне. Жорж вначале трудился на лесозаготовках, затем работал драноколом (*точнее, дранкоколом – А.Ж.*), потом – слесарем по ремонту сельхозтехники.

Коммуна «Икор» была особым образованием. В ней, в основном, жили переселенцы из США и других стран. Само слово «Икор» в русских словарях отсутствует. Нет его и в американских справочниках. Скорее всего, это – аббревиатура, за которой скрывалась в те годы какая-то благотворительная организация. Возможно – Иммиграционный комитет, помогавший переселенцам из России. Первые буквы названия такого комитета в английском переводе как раз и дают сокращение «ИКОР». Подтверждением этой версии служит то, что в те далекие годы, когда в Биробиджане образовалась коммуна «Икор», в США действовала одноименная организация «ИКОР», которая издавала собственный журнал «Найлебен» и действительно занималась вопросами оказания помощи переселенцам».

Микаэл Уэлш напоминает (без ссылок и уточнений): «В 1936 году американец по имени Пол Новик (Novick), который издавал коммунистический еженедельник на идиш в Нью-Йорке, посетил город (*Биробиджан – А.Ж..*) и встретил Ковалей. Семья, как он утверждал своим читателям, обменяла свою неуверенность в жизни как маленькие владельцы магазина в городе Сиу-Сити на спокойную жизнь для себя и своих детей».

Эта ссылка на книгу канадского политолога Генри Шребринника (Srebrinik) об ИКОР и Биробиджане. Мне не удалось добраться ни до Найлебен, ни до еженедельника на идиш из Нью-Йорка, и в этом запутанном (или просто несуществующем) клубке информации ни я, ни мои коллеги, интересующиеся биографией семьи Ковалей, пока не разобрались.

Владимир Шевченко – историк ЕАО писал в декабре 2011 года в «Биробиджанской звезде» № 92 (16994): «Думаю, историкам нашей области предстоит ещё большая работа по установлению фактов жизни родителей и родственников Ж. Ковалю в ЕАО. Историк Давид Вайсерман в упомянутой уже нами книге «Биробиджан: Мечты и трагедии» заметил, что в газетах области за 1937 год неоднократно упоминается ударная работа Абрама Ковалю (отца Жоржа) в коммуне «ИКОР», а затем в колхозе «имени XVIII съезда ВКП(б). Последняя ссылка – 1946 год – жена бывшего председателя колхоза Нина Фарер в письме в секретариат УНКВД упоминает в качестве свидетеля, который может дать сведения о работе её мужа, колхозника Абрама Ковалю». (*фото на стр. 54*)

Тот же Владимир Шевченко ссылаясь на Софью Моисеевну Неудачину уточняет обстановку 1930-х годов: «Мы приехали в ИКОР в 1932 г. из Кировограда. Хорошо помню Шаю и Жоржа Ковалю. Журналист Д. Маневич в конце 1930-х годов писал в газете «Биробиджанская звезда»: «Колхозник Абрам Коваль соединяет американскую деловитость с широким размахом социалистического труда. Он член президиума райсполкома. За честный труд и стахановские методы работы правление колхоза премировало Абрама Ковалю путевкой в дом отдыха».

Правда о трудовых подвигах старшего сына Ковалей достигла и североамериканского континента. Много раз упомянутый нами М. Уэлш пишет: «Работая в колхозе, Исая (Шая), старший сын Ковалей стал ударником-трактористом и женился на еврейской девушке из Киева, у них родилось три девочки и мальчик. Он (*Исая - А.Ж.*) умер в мае 1987 года в деревне около Биробиджана».

На дальневосточной земле закончили свою жизнь и родители братьев Ковалей – мама Этель Абрамовна умерла 28 августа 1952 года,

отец прожил дольше и умер 11 января 1965 года. В селе Камышовка Шмидовического района ЕАО (совхоз «Волочаевский»).

Для нас интересно все, что относится к жизни, да и делам семьи Ковалей. Фантастические планы первопроходцев Биробиджана впечатляют. Гигантский труд поколения икоровцев должен быть отражен, осмыслен на страницах книг, в фильмах и пр. по истории нашей родины. В атмосфере действий нашего героя – это большой период времени жизни. 1931 год – слоган тех дней: «Время, вперед» – колхозник, дранокол, слесарь...

Это мы сегодня знаем, некоторые из нас пытаются объяснить, чем отличить дранку от шпона или гонта, другие пытаются представить американскую деревообрабатывающую машину и как называть того, кто на ней работает: *дранщик*, или *дранкокол*? Парню 20-й год, что же он думает об одной лишь дранке? Чем занят его досуг, для нас сегодня темный лес, круче дебрей тайги. Наша цель – атмосфера действий Ж. Ковалья – постоянно перемещается по времени и пространству.

Вместо заключения в этой главе о пионерах создания Биробиджана две цитаты из популярного издания 1937 года книги Леона Фейхтвангера «Москва 1937» (глава «Национализм и интернационализм»):

«Еврейское государство Биробиджан – это утопия. Устройство национального еврейского государства натолкнулось вначале на невероятные трудности, и противники Союза, да и не только они одни, считали, что этот проект является столь же дерзким и безнадежным предприятием, как и построение социалистического хозяйства в одной стране. Недостаток финансовых средств затруднял осуществление проекта; многие из переселенцев уезжали обратно, и противники, уже торжествуя, объявили, что этот утопический план, как они предсказывали с самого начала, потерпел крушение из-за отдаленности области, из-за неблагоприятных геологических условий почвы, малярии, местного бича – комаров, а больше всего из-за непригодности вырождающихся русских провинциальных евреев к пионерской деятельности. <...>»

«Еврейское государство Биробиджан – это действительность. Однако теперь в Биробиджане стоит настоящий город – со школами, больницами, правительственными зданиями, театром, и прямого сообщения экспресс привозит вас туда прямо из Москвы. Хотя план иммиграции на ближайшие три года предусматривает переселение ста тысяч евреев, все же властям приходится проводить весьма строгий отсев, так как желающих переселиться слишком много. Я получил из Биробиджана много писем и говорил с довольно большим количеством людей, приехавших оттуда. Жизнь там – этого никто не отрицает – пока еще тяжела, но никто не отрицает и того, что самое трудное уже сделано

и что мнимая утопия превратилась в действительность. Еврейская социалистическая республика Биробиджан существует. Она крепко стоит на месте, хотя геологические условия почвы так же не допускают этого, как вечные законы национальной экономики не допускают построения социалистического хозяйства в одной, отдельно взятой стране».

Пророков, как видно, нет не только в своем отечестве, но и в дальнем, по политмеркам XXI-го века, зарубежье тоже. И все-таки безумству пионеров первопроходцев песни должны быть пропеты. Через век, через два... Его бы, Л. Фейхтвангера, словами...

... 2 февраля 2012 г. Исторический центр РХТУ получил от Владимира Шевченко (историка ЕАО) электронное письмо: «*Высылаю в Ваш адрес материалы по коммунне ИКОР. Спасибо за Ваши материалы по Ковалю, очень признателен*». На стр. 54 приводим фотографии из этих материалов, наиболее ценна для менделеевцев, конечно, память об отце Ж. Коваля – Абраме Ковале...

Фото на стр. 54: 1- Председатель колхоза ИКОР Иосиф Фарер. 2- Арн Бурунштейн, пастух ИКОР. 3 - Коваль Абрам, ударник кол. ИКОР, переселенец из США. 4 - Блехерман Рива, пересел. Аргентины. 5 - На мебельной фабрике ИКОР.

Атмосфера: Москва 1930-х - книжная реплика

Жизнь города, люди и дела, мистика и реалии. Москва 1930-х ярко и колоритно описана литераторами и журналистами тех лет. Узнаваемо и студенческое общежитие имени монарха Бертольда Шварца в «Двенадцати стульях» И. Ильфа и Е. Петров – находятся/лись знатоки, утверждающие, что дело было в общежитии нашей Менделеевки (периода до Головановского переулка).

Как жил наш Жорж в общежитии, да так же, как и сотни менделеевских и ещё тысячи других студентов московских вузов. Учились в вузах студенты различных возрастов и 21-летний первокурсник удивления не вызывал. В первой истории МХТИ (XX лет МХТИ им. Д.И. Менделеева М. 1940. С. 54) отмечали, что среди студентов преобладали лица в возрасте 20-25 лет, как видно из следующего сопоставления:

 моложе 20 лет – 430 человек
 от 20 до 25 лет – 980 человек
 от 25 до 30 лет – 798 человек
 свыше 30 лет – 283 человека

Были среди наших студентов люди с жизненным опытом, как у Ж. Коваля? Безусловно, да. Контингент студентов на 05.02.1934 г. насчи-

тивал рабочих и крестьян – 1238 человек (1093+144). Это 60 % студенческой семьи.

Есть данные о национальном составе, согласно анкетным данным, представленным в приемную комиссию. Студенческий коллектив Менделеевки составляли (чел.):

русские - 1596, евреи - 407, украинцы - 66, белорусы - 38, армяне - 37, латыши - 15, татары - 13, немцы - 1, грузины - 9, прочие - 43.

Согласно приведенным выше данным, можно представить, какая компания жила-поживала в общежитиях МХТИ. По обычаям предков-студентов – сдал сопромат, можно жениться. Ж. Коваль сдал курс сопротивления материалов в 3-м осеннем семестре 1935 года и в 1936 году женился на однокурснице Людмиле Ивановой, москвичке с Большой Ордынки, д. 14, кв. 1 (*фото на стр.87*). Людмила Александровна Иванова к моменту поступления на дневной факультет МХТИ им. Д.И. Менделеева окончила школу семилетку в 1928 г. и Московский текстильный техникум им. И.С. Токарева. Работала техником- химиком в ЦНИТИ. Училась на вечернем факультете МХТИ им. Д.И. Менделеева («попала под сокращение» согласно приказу ГУУЗ-НКТП в январе 1934 г.). С 1934г. – студентка дневного отделения ОТФ Менделеевки.

Как жили рядовые москвичи: коренные и прибывшие с разных направлений огромной страны. В основном тяжело, уплотненно. Квартира, где проживали теща и жена Ж. Ковалья была коммунальной (принадлежал ли дом до революции отцу Л.А. – вероятно, хотя некоторые историки указывают на другого Иванова, как хозяина дома 14 по Б. Ордынке). Как жили в такой квартире. Поверим описанию великого Михаила Булгакова (д. 13, кв. 47 по Садовой), заглянем в старые номера журнала «Москва» (гарнитура шрифта удобнее для чтения).

«В громадной, до крайности запущенной передней, слабо освещенной малюсенькой угольной лампочкой, под высоким, черным от грязи потолком, на стене висел велосипед без шин, стоял громадный ларь, обшитый железом, а на полке над вешалкой лежала зимняя шапка, и длинные её уши свешивались вниз. За одной из дверей гулкой мужской голос в радиоаппарате сердито кричал что-то стихами...» Стихи продолжались и в ванной ещё до «иванокозыревской» в черных страшных пятнах от сбитой эмали при свете тлеющих в колонке углей, безусловно березовых «она близоруко прищурилась на ворвавшегося Ивана и, очевидно обознавшись в адском освещении, сказала тихо и весело: Кирюшка! Бросьте трепаться! Что вы, с ума сошли? Федор Иванович сейчас вернется. Вон отсюда сейчас же! – и махнула на Ивана мочалкой...

На кухне же никого не оказалось, и на плите в полумраке стояли безмолвно около десятка потухших примусов...»

Далее маршрут поэта через черный ход – ныне совсем забытой реликт московского быта, нам не оставленный от старого мира. Это объективный антураж московской квартиры в 1930-х. Его в 1960-х развалили блочно-панельные Черемушки. Для других писателей Москва, как атмосфера действий, выглядит порой совсем иначе.

Из СШАского далека (точнее, из Голливуда) советский писатель («других писателей у меня нет», помните расхожую фальшцитату «о тех годах и людях») Евгений Петров писал открыточку в Москву (можно сказать и для всевидящего ока, и для жены, и для истории):

«10 декабря 1935 г. Холливуд: Хочу домой, в Москву. Там холодно, снег, жена, сын, приходят симпатичные гости, звонят по телефону из редакции. Там я каждый день читал газеты, пил хороший чай, ел икру и семгу. А котлеты! Обыкновенные рубленые котлеты! С ума сойти! Или например, щи со сметаной, или беф-строганов. Ну, размечтался».

Читал ли Жорж Коваль «Одноэтажную Америку» в конце 1936 года, сейчас не скажет никто, но уверен, что мимо № 4-5 «Роман-газеты» за 1937 год студенты Менделеевки пройти не могли, а если один из группы тех былых лет прочитал, то и все прочитали, атмосфера жизни была коллективная.

Москва - Миусы: студенческие годы (1934-1939 гг.)

Свое очередное тысячекилометровое путешествие по делам 20-летний паренек родом из Сью-Сити штат Айова (не раздражайтесь, читатель; вот мол заладил, Сью-Сити, Айова....Это точка опоры, порт вечной приписки – оттуда и плывем) совершил в июле 1934 г. по маршруту Биробиджан – Москва. Цель поездки, говоря анкетным языком XX века, деловая – поступление в Московский химико-технологический институт имени Д.И. Менделеева: Менделеевский, Менделеевка, иногда фамильярное Менделавочка. Как гласил студенческий фольклор былых лет (на мотив старинной студенческой песни «Через тумбу-тумбу раз...через тумбу-тумбу два...):

«На Миусской институт Менделавочкой зовут».

Задумался – кто слышал, пел ли Коваль в студентах, доцентом не пел, точно... Вернись, мгновенье..., и много бы вопросов (именно в согласительном наклонении) я попытался так или иначе задать своему учителю, герою этой книги. Время не воротишь, а в наших воспоминаниях лишь осколки атмосферы былого. Один из основных вопросов напрямую я никогда бы не задал, но именно этот вопрос не в облаках, он в жизни каждого, живущего на земле. Внутренний, прямо говоря, вопрос, но именно на него должны, обязаны пытаться ответить все, кто волей судеб занялся жизнеописанием ЧЕЛОВЕКА. Вопрос простой, человеческий, на всякого в нашей версии, бунинский. Вспомните строки И.А.:

*...срок настанет,
Господь сына блудного спросит:
был ли счастлив он в жизни земной?*

Вот именно *он* и именно в *его* жизни (без кавычек земной).

Почти вся сознательная жизнь, более семи десятков лет у Ж.А. связана с Миусами, оттого и фрагмент вопроса очевиден – «*Был ли счастлив он на Миусах?*»

Любая авторская модель ответа подвергнется сомнению. Согласен. Однако, настаиваю: на этот вопрос должен быть ответ – семь десятков лет – дней и ночей: студенческая юность, любовь, уход в разведку (да и там он оставался аспирантом МХТИ им. Д.И.Менделеева), возвращение на Миусы, творчество, работа, т.е. почти вся жизнь человека прошли здесь, в тихом районе Москвы, таком ныне лакомом уголке для спекулянтов- нуворишей.

Наше «ау» вслед за вопросом И.А. Бунина – без эха. Кто лишил нас, поколение людей тех лет, права на ответную реплику – НТР, дикий капитализм, мы сами !..?

«Был ли счастлив он в жизни земной?» – вопрос не только к камням (кирпичам) менделеевского корпуса, к липам сквера, но и к нам, тем, кто помнит, знает...

Американский автор M. Weesh – в режиме своего знания напишет: «Джордж, после улучшения своего русского языка в колхозе был направлен на учебу в институт Химической технологии Менделеева в Москве». М. Уэлш не ведает (нет базы, знаний не хватает, ментальность не та) о знаменитой советской бюрократии тех лет – бумажку всякую любили, подшивали для потомков, вот в одной из справок архива университета Менделеева четко прописано: «Прием свободный», т.е. абитуриент не был направлен в институт по целевому набору (профсоюзному, национальному и проч.), а сам изъявил желание учиться на Миусах, да и колхоза не было – была коммуна «ИКОР».

ЖОРЖ КОВАЛЬ

Как ехал до Москвы, гадать не надо – на поезде (иначе невозможно). Поезд № 1 Владивосток – Москва, от владивостокского вокзала красного кирпича, псевдорусского стиля постройки начала XX века. На берегу бухты Золотой Рог он садился в поезд еще в 1932 году и вот в 1934 г. вновь подсел в него на станции Тихонькая(?) В довоенном советском кино поездка по железной дороге с Дальнего Востока (туда или обратно) – одна из любимых декораций популярных фильмов: «Девушка с характером», «Поезд идет на восток» и др. Добирался с Комсомольской площади до Миусской, конечно же трамваем, самым популярным московским транспортом 1930-х.

Знаменитое московское метро, в строительстве которого примут участие сотни менделеевцев, еще не действует, да и станция Новослободская войдет в строй после войны... (вполне допускаю, что Жорж Коваль был участником многочисленных субботников на строительстве метрополитена).

Первый адрес в Москве (для связи): Большой Сухаревский пер., д. № 21, кв. 15 (Погребняку). Кто такой Погребняк, не совсем ясно – должно быть кто-то из сотрудников Комзета/Озета? (Как-то в недрах интернета мелькнуло это имя в списках Озета).

В Менделеевке 1934 года функционировали следующие факультеты: общетехнический, где работали со студентами трех первых курсов, органической технологии, минеральной технологии (позднее были вновь объединены), силикатный, вечерний. В 1934 году была восстановлена работа инженерно-химического факультета. Наш абитуриент Жорж Коваль (1913 г. р.) выбрал как будущую специальность основную химическую технологию. Знал ли он при поступлении, что руководит кафедрой коренной дальневосточник, профессор Н.Ф. Юшкевич? Неизвестно. Наряду с копией метрики о рождении и копией личной карточки студента Университета штата Айова (см. ИВ № 3/ 2001 г.), абитуриент заполнил опросный лист для поступающих в МХТИ им Д.И. Менделеева из 21 пункта.

Опросный лист для поступающих в МХТИ им. Менделеева

1. Фамилия, имя , отчество *Коваль Жорж Абрамович*
2. Пол *мужч.*
3. Год, месяц и число рождения. *1913 год, 25 декабря*
4. Национальность *еврей*
5. Который раз подает заявление в ВУЗ *первый*
- б. Семейное положение (кол. членов семьи, находящихся на его иждивении) *один*

7. Профессия и специальность *слесарь*
8. Сколько лет, месяцев, в качестве кого, где и в 1 каком производстве или учреждении работал / и работает: *13 месяцев, член с/х коммуны «Икор» (Евр. автоном. область.) 2 месяца - шофер пересел. пункта, 3 месяца на строительстве, 5 месяцев - слесарь в мехмастерской.*
9. В каком профсоюзе состоит членом, с какого времени и номер членского билета. *чл. профсоюза строителей с мая 1934г. чл. б. №18/38292*
10. Отношение к воинской повинности и участие в гражданской войне (сколько времени и в качестве кого) *-----*
11. Образование (общее, специальное, закончено ли, если не закончил то указать в каком объеме получено образование) *Кончил 2 курса института инженеров — электриков в гор. Айова Сити (США).*
12. Постоянное местожительство. *Еврейская автономная область, гор. Биробиджан.*
13. Кем командирован (в случае, если направлен в ВУЗ в порядке командировки) *-----*
14. Партийность в настоящее время (время поступления и № билета) *беспартийный.*
15. В каких политических партиях состоял прежде *-----*
16. Общественный стаж (работа в советах, кооперативах, профсоюзах, партии и т.д.) *В США 3 года работал в союзе безработных. В Биробиджане 2 года работал в культкомиссии, редколлегии стенгазеты.*
17. Социальное положение родителей до конца 17 г., после 1917 г. Указать сколько времени, в | качестве кого, на каком предприятии работал. *Отец до и после 1917 г. (до приезда в Биробиджан) - 1 плотник. С 1932 года член комунны «Икор».*
18. Не лишен ли избирательных прав (он и его родители). *Нет*
19. Материальное положение родителей (какое имущество имеют, какой заработок.) *Имеют корову, свинью.*
20. На какие средства живет подавший заявление (получаемый им оклад на службе или работе и т.д.). *На собст. заработок - 250 руб. в месяц.*
21. Адрес, по которому могут быть возвращены документы. *Москва, Б. Сухаревский пер., д. №21 кв. 15 (Погребняку)*

Как следует из Испытательного листка, из семи вступительных экзаменов абитуриент (из рабочих) Каваль Ж. А. (так в тексте) сдавал лишь четыре.

ЖОРЖ КОВАЛЬ

На обороте документа председатель приемной комиссии А.П. (следует полагать, Александр Писецкий) напишет: «Карточку принять без оценок по обществоведению и русскому языку, т. к. товарищ слабо владеет русским языком».

Испытательный листок №8

1. Фамилия Каваль Ж.А.
2. Соц.положение *рабочий*
- 3.Партийность *б/п*
4. Образование *среднее*

Предмет	Оценка (четырёх об'ем)	Подпись преподавателя
1 Математика (письменная работа)		Уд.
2 Математика (устная)		Удовл.
3 Физика		Хор. В.Ивлиева
4 Русский яз. (письменная работа)		-
5 Русский яз. (устн.)	-	
6 Обществоведение	-	
7 Химия		Удв.
8 Подпись		

Четко видно, что физику «принимала» Варвара Петровна Ивлиева. Кто «принимал» экзамены по математике и химии, не ясно (не удается идентифицировать подписи).

Оценки (*четырёх об'ем*) означает ли, что высшая оценка «хорошо»?

Первое «заявление» новоиспеченного студента Жоржа А. Ковалья традиционно для студента довоенного и, пожалуй, послевоенного времени:

*Секрариат Общетеchnологического факультета
от Жоржа А. Ковалья студента I семестер*

Заявление

Настоящим прошу выдать мне стипендию, так как не имею других средств к существованию. Настоящее время живу в общежитии. Прошу не отказать.

Коваль Ж. А.

2/ IV/ 34

Стипендия, стипендия – как же иначе прожить московскому студенту 1930-х. Обращает внимание форма заявления в «Секретариат» (секрариат) и проч. Идет постепенное освоение русского языка – письменным русским Ж.А. будет владеть строго по прописям. Лично мне, автору этой книги, он впоследствии будет править в статьях запятые (синтаксис). Кто не грешен.

Справка

Студент III курса Моск. Хим.-Техн. и-та Коваль Ж.А. имеет следующие оценки успеваемости по предметам:

I семестр

1. Математика ОТЛ .
2. Физика ОТЛ.
3. Полит. эконом. ХОР.
4. Неорг.химия ОТЛ.
5. Начерт. геом. ОТЛ.
6. Черчение ОТЛ.
7. Немецк.язык ОТЛ.

II семестр

1. Математика ОТЛ.
2. Физика ОТЛ.
3. Неорг.хими ОТЛ.
4. Теор. механ. ОТЛ.
5. Черчение ОТЛ.
6. Немецк. язык.ОТЛ.
7. Воен. дело ХОР.

III семестр

1. Математика ОТЛ.
2. Диамат ОТЛ.
3. Качеств, анализ ОТЛ.
4. Сопромат ОТЛ .
5. Теор. механ. ОТЛ.
6. Немецк. язык ОСВ.
7. Орг. химия. ХОР .
8. Воен. д.: ВХД ХОР.
артиллер. - ОТЛ.

IV семестр

1. Орг. химия ХОР.
2. Термодинамика ОТЛ.
3. Сопромат ОТЛ.
4. Колич. анализ. ОТЛ.
5. Детали машин ОТЛ.
6. Эконом, полит. ОТЛ.
7. Техн. и.вод и топ. ОТЛ.
8. Немецк. язык ОТЛ.

ЗАМ.ДЕКАНА Ф-ТА:/Писецкий/
СЕКРЕТАРЬ: /Янукович/

Неясно назначение (куда, с какой целью) следующего архивного документа: «Справка» от 9/VII.36. Самый простой вариант ответа – справка необходима для введенного Постановлением СНК Союза ССР и ЦК ВКП (б) от 23/VI-1936 г. («О работе высших учебных заведений и руководстве высшей школой») единого матрикула (зачетной книжки).

«В матрикул заносятся все предметы, обязательные для прохождения, и запись о сдаче экзаменов и зачетов. Такая книжка за № 064633 будет выдана Ковалю Ж.А. от имени зам. директора по учебной части (подпись неразборчива) 2.VI. 37 г.

Интересно для биографии Жоржа Ковалья, уже студента технологического факультета, заявление от 15/IX/-37 г. (Заявление третьекурсника декану технологического факультета вроде бы рутинное, но информация интересная есть: «т. к. живу с женой студенткой и материальной помощи не имею».

Виза размашиста: «Зачислить 135 р. Подпись неразборчива.

ЖОРЖ КОВАЛЬ

«В 1936 г. женился на студентке МХТИ Ивановой Л.А.» – напишет Жорж Коваль в своей автобиографии 15 ноября 1938 г. (И.В.№ 3/2001. С. 32). (Фото на стр. 87 из архива семьи Ковалей).

Печально известные события 1937 года коснулись и молодой семьи: «арестована двоюродная сестра жены: (1937 г.) – в связи с этим я получаю выговор из комсомольской организации, потом снят райкомом!»

Об «атмосфере» 1937 г. у нас на Миусах можно судить по статье «Против показной бдительности в газете «Московский технолог» 18 февраля 1938 г. : «Студент Н. Жук (из потока Ж.А.) был исключен из ВЛКСМ за потерю политической бдительности», выразившуюся в том, что не сумел разоблачить оказавшегося врагом народа своего тестя, которого видел один раз. Была исключена из рядов ВЛКСМ одна комсомолка за потерю политической бдительности по отношению к подруге, арестованной органами НКВД. Дело было так: эта комсомолка училась в одной группе (а там учатся еще десять студентов) с указанной студенткой. После перехода на учебу на факультет 138 комсомолка поехала за своими книгами к этой студентке и застала ее как раз в момент ареста органами НКВД. Приехав в институт, комсомолка тут же заявила об этом в комитет ВЛКСМ. Последний же, не проверив фактов связи, в тот же день исключил ее из рядов ВЛКСМ. Это называется «чуткий подход к человеку...»

 Место печати <i>Коваль Ж.А.</i> Минусинский студент	<p>«Всех студенты обязаны сдавать экзамены за полный курс каждого предмета пошедшего и учебные планы, а также сдавать зачеты по практическим работам после того, как данный курс прослушан студентами полностью.</p> <p>Экзамены по сложным предметам, имеющим самостоятельные разделы, производятся по частям, но не чаще чем два раза в год.</p> <p>Экзамены производятся профессорами и доцентами (ведущими соответствующие лекционные курсы), утвержденными в этом звании.</p> <p>Внести во всех высших учебных заведениях единый студенческий билет и единый матрикул (зачетная книжка). В матрикул заносится все предметы, обязательные для прохождения, и занисы о сдаче экзаменов и зачетов.</p> <p>Отмечать в матрикуле сдачу экзаменов и зачетов и предоставлять отметки имеет право только профессор, производивший экзамен и доцент, принимавший зачет.</p> <p>Установить во всех высших учебных заведениях следующие ступени оценки успеваемости студентов (отметки): 1) неудовлетворительно, 2) удовлетворительно, 2) отлично».</p> <p>Из постановления СНК Союза ССР и ЦК ВКП(б) от 23/VI—1936 г. („О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой“).</p>
	<p>СССР—НКТП</p> <p>Московский Химико-Технологический Институт им. Д. И. Менделеева</p> <p>ЗАЧЕТНАЯ КНИЖКА № 064633</p> <p>Фамилия, имя, отчество <i>Коваль Ж.А.</i></p> <p>Факультет <i>общехимический</i></p> <p>Поступил (переведен) на _____ курс из _____</p> <p>Зам. директора по учебной части _____</p> <p>Декан факультета _____</p> <p><i>2.11.37г.</i> (дата выдачи зачетной книжки)</p>

Зачетная книжка № 064633 от 2.VI. 37.г. позволяет вспомнить о преподавателях Менделеевки, чьи уроки, занятия, свою педагогическую чуткость, да и премудрость воспринял наш славный предок.

6 семестр 1937 г. Практические занятия:

1. Теплотехника. лаб.22 ч. – нет записи

2. Электротехника – нет записи

3. Общ. хим. тех – нет записи

4. Физическая химия 10 ч. - *Прейс*. отл. 2/11/37 г.

(Елизавета Михайловна Александрова-Прейс. (1898-1978). Окончила 2-й МГУ. Первый аспирант кафедры физической и коллоидной химии (руководитель – профессор П.П. Песков). В Менделеевке с 1929 г. Любимица студентов-менделеевцев многих поколений).

5. Иностр. язык - нет записи

6. Физкультура - нет записи

7. Лаборат. орг. химия – Белов В.Н. отл. 9/VII/37г.

(Владимир Николаевич Белов (1900-1963). Выпускник МВТУ, ветеран гражданской и Великой Отечественной войн, профессор. В 1933 г. по приглашению профессора П.П. Шорыгина перешел на кафедру органической химии МХТИ, где трудился до конца своих дней. Заведующий кафедрой и декан факультета технологии органических веществ, ветеран Менделеевки).

Проект теплотехника - Краснопольский - отл. 4/VII/-37 г.

(В.В. Краснопольский - профессор. В МХТИ заведовал кафедрой теплотехники. Перешел в МИХМ. Вероятно, как было широко распространено, работал в МХТИ по совместительству).

Теоретический курс:

1. Теплотехника 88ч. – Власов отлично 29/VII/37г.

(Владимир Иванович Власов – доцент. Выпускник МХТИ (1930) г. Основатель династии Власовых в Менделеевке. Работал на кафедре теплотехники. В годы войны оставлен за старшего на Миусах на период эвакуации. Заведующий кафедрой техники безопасности в 1960-х годах).

2. Электротехника - нет записи.

3. Общая хим. технол. –Федоров Н.Е. отл.21УII/37г. (процессы и апп)

(Николай Евстигнеевич Федоров (1901-1974). Выпускник МХТИ (1930 г.) Вел раздел «Процессы и аппараты» в рамках цикла «Общей химической технологии». Профессор и доктор технических наук, декан и заведующий кафедрой оборудования мясокомбинатов Московского технологического института мясной и молочной промышленности).

4. Физическая химия - нет записей

5. Диамат - нет записи.

7 семестр 1937/1938 уч. год

Теоретический курс (вероятно, опечатка - правая сторона зачетки всегда практические занятия.)

1. Насосы и компрессоры 23 ч. – Беляков. Зачет. 25/I/-38 г.

(В.Беляков - информация об этом преподавателе отсутствует).

Теоретический курс:

1. Ленинизм - Востриков, отл. 17/1/- 38 г.

2. Коллоидная химия - 66 ч. – Авербух. Отл. 23/XII/37 г.

(Самуил Борисович Авербух – доцент, декан заочного факультета. Как преподаватель великой (общей) кафедры физхимии 1950-1970-х годов (заведующий С.В. Горбачев) известен многим поколениям менделеевцев. Из воспоминаний: «В 1930-м году я закончил Киевский политехнический институт и был принят в аспирантуру в Пищевой институт, где должен был одновременно читать курс коллоидной химии». 30 ноября 1931 года мне предложили поехать как аспиранту на стажировку. Принять решение мне помог профессор И.А. Тищенко. С тех пор я работаю в Менделеевском институте». («Менделеевец» 38/1970)

3. Процессы и аппараты 58 ч. – Федоров Н.Е. отл. 5/1 - 38г.

4. Химическая термодинамика 60 ч. Казарновский отл. 23/1 -38 г.

Удивительно, но есть сомнения, какой это Казарновский – уж не И.А. Казарновский (1890-1981) лауреат Сталинской премии?

5. Спец. техн.серной кислоты и солей 108 ч. Шульц отл. 11 /IV - 38 г.

(Владимир Николаевич Шульц (1890-1940) - выпускник Московского Коммерческого института (1916: г.). с 1925 г. Преподает в Менделеевке. После ареста по ложному навету проф. Н.Ф. Юшкевича (1938 г., январь) возглавил кафедру «Основной химической промышленности» (ТНВ). Профессор, доктор химических наук. Ушел из жизни в 50 лет - 1937-й год, ох как сказался).

8 семестр 1938 г. Теоретический курс

1. Техника безопасности

2. Противопожарная безопасность – С.Чиркин отл. 25/II - 38 г.

(С.Чиркин - доцент, один из первых преподавателей и организаторов курса и кафедры «Техника безопасности химических производств»).

3. Экономика химических производств – Калмыков отл. 28/V - 38 г.

(Николай Николаевич Калмыков (1903 – ? выпускник МХТИ 1931 г. – первый выпуск экономического факультета. Доцент, заведующий кафедрой «Экономика химической промышленности». Государственный деятель СССР).

4. История химической технологии - Осипкин отл. 3/VI - 38 г.

(Информации о преподавателях курса «История химической технологии» - нет).

5. Технология криогенных процессов

6. Технология связанного азота 128 ч. –Торочешников отл. 15/VI -38 г.

(Николай Семенович Торочешников (1909 – 1996) - выпускник МХТИ (1931г.). Ветеран и заведующий кафедрой ТНВ, после войны занимался с Ж.А. исследованием криогенных процессов).

7. Минеральные удобрения - Фогт отл. 26/VI 38 г.

(А.Ф. Фогт – доцент кафедры основной химической технологии. На кафедру его пригласил Н.Ф. Юшкевич).

8. Технология щелочей - Шокин отл. 22/VI 38 г.

(Иван Николаевич Шокин (1898 – 1973) – выпускник МХТИ (1927 г.). Оставлен для преподавательской работы Н.Ф. Юшкевичем. В 1937 г. Подвергся резкому политическому давлению за отказ «участвовать» в осуждении, как врага народа, профессора Н.Ф. Юшкевича, своего учителя «Шокин умывает руки» – так институтская газета «Московский технолог» описывает события тех давних жестких дней и людских отношений. Иван Николаевич Шокин, да и не он один из «основников», выстоял, выдюжил. Наверное, «на зубах», на характере. И в июне 1938 г. принимал экзамены у четверокурсников-неоргаников).

9 семестр – оценок в зачетной книжке нет.

10 семестр

Организация производства – Волынец отл. 16/XI - 39 г.

(Доцент Ф.И. Волынец руководил кафедрой экономики химических производств, после войны защитил докторскую диссертацию).

Из личной карточки студента Коваля Ж.А., получившего диплом с отличием следует, что на оценку «хорошо» преподаватели (фамилии не установлены) Менделеевки оценили подготовку (знания и работу) по следующим дисциплинам:

Военное дело

Политработа (II семестр)

Топография (II семестр) ВХД (III семестр)

Органическая химия (III и IV семестры).

В приложении к диплому с отличием № 207162 из 48 позиций – лишь органическая химия не оценена на «отлично».

Осенью 1937 г. «политические» тучи сгустились над молодой студенческой четой Жоржа Коваля. 23 сентября на технологическом факультете прошло отчетное комсомольское собрание. Время «большой критики» – «работа старого комитета была признана неудовлетворительной». («Московский технолог» № 32/1938г.) Далее – еще жестче, пишет Яков Машкевич: «Собрание, отметив полную бездеятельность парт- прикрепленного товарища Лотинова, просило партгруппу факультета дать нового партприкрепленного». А вот и атака (вольная или невольная – сегодня ответа нет): «Но к выборам в свой комитет комсомольская организация подошла несерьезно, была проявлена политическая беспечность, не была соблюдена элементарная бдительность. Не помогли собранию и секретарь ВТУЗ комитета ВЛКСМ тов. Поликарпов,

ни член ВТУЗовского комитета тов. Минц (*фирменный огонь по штабам - А.Ж.*). Собрание избрало в комитет т.т. Ершову, Ковалю, Иванову, Стракову, Машкевича, но уже 8 октября комитет вынужден был вывести из своего состава тт. Ковалю и Иванову. При выборах в комитет Иванова не сообщила собранию, что две ее тетки были высланы за спекуляцию золотом. Не сказал об этом и Коваль, знавший об этом факте. Иванова не проявила бдительности к врагам народа. Этот серьезный урок должна учесть комсомольская организация факультета». Концовка заметки в «МТ» явно смягчена в пользу Жоржа и Людмилы, автор Я. Машкевич или отв. редактор А. Третьяков, как могли, сбавляли обороты.

Об этом времени, ярко и рельефно, вполне осязаемо даже без хитростей Бройля в известной главе булгаковской «Маргариты» – «Сдавайте валюту». 2/3 жителей Москвы того времени можно было подвести под эту «статью». Ю.А. Лебедев, менделеевец, достаточно хорошо знавший Жоржа Абрамовича и его жену Людмилу Александровну в быту, несколько иначе описывает около-событийную ситуацию 1937 года в израильских «Окнах» на русском языке: (без указания источника информации) «Коваль <...> не мог не понимать, что проживание в семье с тещей, купеческой дочерью, в коммунальной квартире дома, бывшего до революции ее собственностью, с женой, имеющей выговор за утерю бдительности (какова выразилась в недонесении в комитет комсомола о факте ареста своей двоюродной сестры), сделает его отказ от комсомольского предложения просто самодоносом со всеми вытекающими последствиями». Для справки сообщим, что выговор был снят в том же 1937 г.

«Нитей в жгут состояний» Юрий Лебедев накрутил много – только не надо, на мой взгляд, резко скакать по времени из 1937 г. в 1939-й. Теряется пульс времени.

В личном листке по учету кадров МХТИ им. Д.И. Менделеева, заполненном Жоржем Ковалем 11 октября 1938 года, несколько пунктов следует подчеркнуть:

27. Отношение к военной службе в настоящее время – ответ:

3) военно-обязанный рядового состава.

Да, чуть не пропустил п. 24.

24. Участвовал ли в революционном движении и подвергался ли репрессиям за революционную деятельность до Октябрьской революции и после, во время оккупации (за что, когда, каким).

«В США в 1930 – 1932 годах участвовал в работе Союза безработных. Был дважды арестован, но не судился за участие в демонстрации».

Вот это «но не...» – какая добротная нить для жгута состояний Ю.А.

Лебедева, да с булгаковской казуистикой фантазмагорий 1937 г. Чуть позже, 15 ноября 1938 г., Жорж Коваль добавит в эту копилку-лампадку светильного масла: «За границей у меня родственники: дядя, тетка, и трое детей, сестра отца и ее две дочери, племянница матери, ее муж и трое детей. Все они проживают в городе Сью-Сити, США – они уехали из царской России или родились в США. Знаю, что в Польше имеются родственники, но кто именно, мне неизвестно».

Еще один документ из студенческих, менделеевских лет Жоржа Ковалья приводит в своей книге «Ключи от ада» историк ГРУ В.И. Лота: «Социалистическое обязательство» (допризывника РККА Ж. Ковалья):

«Я, допризывник, рождения 1913 года, учусь в МХТИ им. Д.И. Менделеева и беру на себя обязательство использовать свободное время ... для подготовки себя к призыву в ряды нашей непобедимой Р.К.К.А.

Я обязуюсь явиться на призывную комиссию с высшим образованием, подлечиться, особенно зубы, и заниматься спортом.

Обязуюсь защитить диплом на «отлично», проявлять большевистскую бдительность, регулярно читать газеты, сдать зачет по курсу «Основы марксизма-ленинизма» на «отлично», а так же беру обязательство оказывать помощь допризывнику, студенту МХТИ, Вадиму Руденко...
Жорж Коваль 11 / 11 - 39 г.

(Руденко Вадим Юрьевич - выпускник МХТИ 1939 г.)

Интересен для дальнейшей удыбы Ж. Ковалья документ, зарегистрированный в МХТИ 28/V - 39 г.

Это письмо из НКХП за № 02605/018 от 26/V - 39 г.

*ДИРЕКТОРУ МОСКОВСКОГО
ХИМИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО
ИНСТИТУТА им. МЕНДЕЛЕЕВА*

26 .V. 39 02005/018

Военный Отдел НКХП просит срочно выслать деловую и политическую характеристику на студента технологического факультета тов. КОВАЛЬ Ж.А.

*ЗАМ. НАЧАЛЬНИКА
ВОЕННОГО ОТДЕЛА НКХП /ФИЛИППОВ/*

Вероятно, письмо было доставлено курьером, о чем говорит приписка на документе: «площадь Ильича, д.8» (Миусская пл. в те годы именовалась Площадь Ильича).

ЖОРЖ КОВАЛЬ

29 мая 1939 г. (вот как работала административно- бюрократическая система: ни слова о комсомольском запросе, тем более о запросе РУКА – Разведывательного управления Красной Армии) последовал ответ на запрос Военного отдела НКХП (наркомат-то только создан):

ХАРАКТЕРИСТИКА

КОВАЛЬ Ж.А. Родился в 1913 г. В США/ гор. Сио Сити штат/ приехал в СССР в 1932 г. вместе с семьей в Биробиджан. Семья КОВАЛЯ сейчас живет в Евр. Автоном.Области. Оканчивает МХТИ им. Менделеева по специальности технологии неорганич. веществ. Успеваемость отличная. К учебе относится добросовестно. Член ВЛКСМ с 1936 года. Политически развит. Принимает активное участие в общ. работе – работал председателем профцехбюро факультета. До института работал в колхозе, а также в слесарных мастерских. Может быть использован в качестве цех.инженера, а так же на работе по проектированию. За границей имеет ряд родственников, с 1937 года связи с ними не имеет.

Директор /Пильский/

Секретарь Партбюро /Новиков/

В архиве под копией характеристики подпись лишь секретаря партбюро К. Новикова (В строке: за границей имеет ряд родственников, с 1937 года, связей с ними не имеет– рукой секретаря партбюро после запятой зачеркнуто). Можно долго рассуждать об этом факте, но в военный отдел НКХП справка безусловно должна была поступить в редакции секретаря партбюро.

Один из последних документов в студенческой карточке Ковалья Жоржа Абрамовича (где в п.5 помечено – свободный прием) - ШТАМП «на заседании Квалификационной комиссии 20/V1 (39г.) ...№ 24

Коваль Ж.А. ... на тему «Сорбционный метод обогащения криптонового концентрата» и ему присвоена квалификация инженера-технолога по спец. неорг. веществ, утвержденная приказом по МХТИ «26» VI 1939 г. за № 365.

*Директор Пильский
Декан факультета Каменева*

3 ноября 1939 г.

Народный комиссариат ЭЛЕКТРОСТАНЦИЙ
и ЭЛЕКТРОПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР
(сектор подбора и учета кадров)

№ ЭС 23/8 в адрес МХТИ:

Директору Московского Химико-Технологического института им. Менделеева.

Адрес: Площадь Ильича дом 5/2

На ваше отношение от 29 октября 1939 за № 077 Сектор подбора и учета кадров НКЭП сообщает о том, что молодой специалист тов. Коваль Ж.А. прибыл в наше распоряжение и с 8/VIII-39 г. работает в ВЭИ.

Начальник Сектора Подбора и Учета Кадров НКЭП /ГОЛУБИН/
Диплом об окончании вручен Жоржу Ковалю 1 августа 1939 г.

**ДИПЛОМ
С ОТЛИЧИЕМ**

№ 207162

Предъявитель сего тов. **К О В А Л Ь ЖОРЖ АБРАМОВИЧ** в 1934 г. поступил и в 1939 г. окончил полный курс Московского Химико-Технологического Института имени Д.И.Менделеева по специальности технологии неорганических веществ и решением Государственной Экзаменационной Комиссии от 20 июня 1939 г. ему присвоена квалификация инженера-технолога с отличием.

Председатель Государственной
Экзаменационной Комиссии
проф. **РАКОВСКИЙ**

Директор **ПИЛЬСКИЙ** ПОДПИСЬ

Секретарь **ЯРОСЛАВЦЕВА** ПОДПИСЬ

город Москва 29 июня 1939 г.

Регистрационный № 94

Диплом с отличием № 207162

Предъявитель сего тов. Коваль Жорж Абрамович в 1934 г. поступил и в 1939 году окончил полный курс Московского Химико-Технологического Института им. Менделеева по специальности технологии неорганических веществ и решением Государственной Экзаменационной Комиссии от 20 июня 1939 г. ему присвоена квалификация инженера-технолога с отличием.

Председатель Государственной Экзаменационной Комиссии

Директор

Секретарь

Город Москва 29 июня 1939 г. Регистрационный № 94

Менделеевка довоенная

Атмосферу Москвы, Миус, довоенной Менделеевки реконструировать можно, может быть, лоскутно, мозаично, но можно. Оснований тому множество – архивные документы, воспоминания, книги, газеты и журналы, кино, музыка, коллекции самых разных направлений и т.д. Попытаемся сделать небольшую подборку материалов о Менделеевке тех дней.

Начнем с воспоминаний Леи Кизнер (выпускница спецфакультета 1939 г. – Елизавета Борисовна Кизнер) из книги, написанной Л. Кизнер на ПМЖ (если говорить по-московски из 1980-х) в Канаде (выезд по израильской квоте) – «Ракета к старту готова».

В аннотации книги выпускница МХТИ им. Д.И. Менделеева представлена как одна из авторов разработки знаменитой «катюши»(!), громившей врага в годы Великой Отечественной, и других мощных советских ракет». Без предпоследнего слова аннотация повторена на 5-й странице книги в разделе «Вместо предисловия» за подписью главного редактора русскоязычной общеканадской газеты «The Yonge Street Review (Toronto) Геннадия Дерткина. К захватывающей внимание истории создания БМ-13 и боеприпасов для нее менделеевцы (и профессора, и выпускники) имеют непосредственное отношение. Вклад их весом, и историки науки и техники это подтверждают. К нашей книге этот великолепный творческий проект отношения, увы, не имеет. Вот почему из Леи Кизнер процитируем те две-три страницы начала книги, на которых речь идет об учебе Лизы (так звали Кизнер в МХТИ) на общетехническом факультете (с 1934 года) МХТИ им. Д.И. Менделеева, где Лея Кизнер могла (обязана) быть знакомой Жоржа Ковалья, студента набора того 1934 года.

В заметках, написанных (продиктованных) о событиях семидесятилетней давности возможны любые aberrации, но мы исправили лишь написание фамилий некоторых известных профессоров – Якова Ивановича Михайленко, Павла Полиевктовича Шорыгина, Игоря Николаевича Хлодовского.

«Я закончила техникум и поступила в Московский химико-технологический институт (МХТИ) им. Менделеева, где мне довелось слушать лекции самых крупных химиков: Михайленко, Шорыгина, Пескова, Шмидта, Бакаева и др. Меня увлекли особенно лекции математика Игоря Николаевича Хлодовского.

Однажды на лекции этого профессора я узнала, что какой-то интеграл не берется обычным методом. Ночью, во сне, я завела полемику с ученым, доказывая ему возможность вычисления этого интеграла обычными методами. Моя сестра Соня разбудила меня:

— Ты что это во сне разговариваешь?

Я тут же проснулась и до рассвета мне удалось взять интеграл и опровергнуть мнение, известное в литературе по математике. Я пришла в институт на colloquium и рассказала, что мне удалось решить эту задачу. Студенты не поверили, принялись кричать: «Докажи!» Два часа у доски я докладывала полученные мною результаты. После чего все пришлось повторить перед студентами всего потока, а профессор Хлодовский только помогал передвигать и вытирать классную доску. К сожалению, те записи не сохранились. Моя тетрадь со всеми преобразованиями осталась на кафедре математики, и ее мне не возвратили. Помню, как на занятиях по качественному анализу преподаватель Чичинадзе, чтобы проверить мои знания, вместо раствора химических элементов налил в пробирку чернила, но его хитрость не удалась. Я, сделав химический анализ, поняла, что это всего лишь чернила, за что и получила пятерку.

В другой раз Чичинадзе дал похожее задание студенту Устинову, но на сей раз он налил в пробирку воду. Почти все студенты помогали Устинову решать эту задачу, в том числе и я. Никто ничего не мог определить. Я же в какой-то момент поняла, что это просто вода и лизнула к ужасу всех присутствующих содержимое пробирки. Студенты были готовы спасти меня, предположив Бог знает что. Когда я объявила, что лизнула обыкновенную воду однокурсники едва не перебили все банки с химикатами, а сам же Чичинадзе, как потом оказалось, наблюдал за всем происходящим, стоя у двери, после чего поставил Устинову двойку, заявив:

— Это ведь ты лизнул содержимое пробирки!

Я почувствовала себя неловко...

Общую химию читал профессор Михайленко. С подлинным вдохновением излагал он систему элементов Менделеева, толковал об электронно-ядерном строении атома и протонно-нейтронной модели ядра, об искусственном превращении ядер, осуществленном Резерфордом в 1919 году с помощью альфа-частицы, о работах Нильса Бора, Пьера и Марии Кюри, Ирен и Фредерика Жолио-Кюри, Планка и Эйнштейна. Однако находились такие слушатели, которые обвиняли профессора в аполитичности и в том, что в его лекциях мало диалектики, но много метафизики. Мы же, студенты, не обращали внимания на такие глупые

ЖОРЖ КОВАЛЬ

претензии и поддерживали профессора. Его лекции почти всегда заканчивались бурными аплодисментами. Помню, профессор Михайленко прочитал последнюю лекцию курса общей химии в нашем потоке и обратился к нам:

– Ну, кто готов сдать экзамен без подготовки?

Все молчали, никто не отозвался. Тогда он прошелся по аудитории и вдруг остановился возле меня:

-А ты что молчишь? Тебе тоже нужно готовиться? Ведь у Чичинадзе ты была из лучших. Выходи к доске, живее.

- Мне страшно, – ответила я.

Аудитория, 250 человек, нервничала и радовалась каждому моему ответу. Тогда профессор спросил аудиторию:

- Какую оценку ей поставить?

Все хором закричали:

- Пятерку! Пятерку!

Так без подготовки я сдала экзамен по общей химии.

Лекции по физической и коллоидной химии читал профессор Песков. Красавец мужчина, он был очень артистичен, слушать его лекции было для нас огромным удовольствием, и мы дружно ему аплодировали. Ему часто случалось читать лекции в легком подпитии, тогда он отличался еще большим остроумием и обаянием. Мы постоянно удивлялись тому, как можно такой скучный материал, как физическая и коллоидная химия, преподносить так увлекательно. Мы готовы были носить его на руках в знак благодарности.

Таким образом, моя учеба в институте проходила настолько интересно, я была так увлечена ею, что не заметила, как прошли три года общетехнической подготовки. После этого началась специализация, и я попала на факультет по изготовлению топлива для изделий боеприпасов. На этом факультете студентам первого выпуска отделения пороходелия читал лекции профессор Н.И. Жуковский – крупный ученый химик, заслуженный деятель науки и техники, военный инженер-технолог, председатель 5-й секции Арткома. Старшекурсники нам рассказывали, как они ловили каждое его слово. Нам же, студентам второго выпуска, не повезло: к тому времени, в 1937, году профессор был арестован. Нашим кумиром же стал профессор Александр Семенович Бакаев, который читал технологию изготовления нитроглицериновых порохов. Особенно интересны были лекции по изготовлению пороха «Н», рецептуру которого он разработал в 1936 году вместе с сотрудниками кафедры пороходелия МХТИ им. Менделеева по требованиям ракетчика Г.Э. Лангемака. (А.С. Бакаев. «К вопросу о применении простейших ароматических нитропроизводных в составе нелетучих растворителей при

изготовлении бездымных порохов”. Отчет Военно-химического треста ВСНХ СССР за 1928 г.). В 1936 году порох рецептуры «Н» внедрили сначала в ствольную артиллерию взамен рецептуры «НГВ», затем начали изготавливать опытные партии для применения в реактивных двигателях снарядов РС-82 и РС-132.

И вот как-то во время занятия мы заметили у дверей странного гражданина. Спросили у него, чего он хочет. В ответ он, подойдя к Бакаеву, заявил:

– Вы арестованы.

Все были в шоке, но профессор А.С. Бакаев все же закончил лекцию».

В воспоминаниях Леи Кизнер речь о делах учебных. Но жили-то студенты Менделеевки не только учебой. 1934 –1939 гг. – подмосковные студенческие вылазки, романтические экскурсии к местным водоемам, лыжные походы, да и друзья не на дачах. Было, все конечно было, но для нашей кругосветки «маловато будет». Ездил ли студент Ж. Коваль к родным на каникулы. Сведений нет, не вспоминал и в нашем кругу, хотя не исключена возможность такой поездки на Дальний Восток – студентам тех лет выписывали в каникулы так называемые литерные билеты, народное хозяйство было плановым, и поезда на Дальний Восток с Казанского вокзала шли по расписанию ежедневно.

Об одной дальней поездке мне рассказал сам Ж.А.. Речь шла о поездке в дом отдыха МХТИ им. Д.И. Менделеева на кавказском побережье Черного моря. Ситуация почти невероятная для сегодняшнего студента или сотрудника нашего университета – свой (профсоюзный) дом отдыха на Черном море. Располагался дом отдыха между Туапсе и Лазаревским, в районе поселка Вишневка. Место сказочное, известное для всех наших, кто работал или отдыхал в ИСЛ «Буревестник - 2» во второй половине XX века. 3-е отделение пансионата «Буревестник» курировали летом вначале МГУ им. М.В. Ломоносова, затем Плехановский институт. Кто помнит дорогу к пансионату от Батумского шоссе через прекрасный фруктовый сад. Сад этот был заложен менделеевцами еще в 1930-х. Работу дома отдыха МХТИ критиковали на страницах «Московского технолога». Как обычно в те годы – питание, проживание, организация, т.е. обслуживание не на высоте. Но в студенческие годы – что на море главное? Море, солнце и романтика. Это подтверждала в нашем давнем разговоре И.Э. Фурмер – юная менделеевка, отдохавшая там в чьем-то бывшем имении на крутом скалистом берегу.

Был ли Ж. Коваль романтиком в те далекие 1930-е. Безусловно. Документально это подтверждают американские информаторы того же М. Уэлша. «Выжившие однокашники Ковалья (по колледжу университета го-

рода Нью-Йорка) ...так же говорили, что он был дамским угодником». Изабелла Эммануиловна Фурмер все это подтверждала: «Жорж был красавчик. На юге отбоя от девчонок не было». Только ли на юге?..

Вот так представляет читателям «Московский технолог» свой институтский дом отдыха на юге (МТ.16.12.1934г.):

«На живописном берегу Черного моря расположен дом отдыха нашего института. При активном содействии общественности и дирекции полуразрушенные, принадлежавшие когда-то известному владельцу типографии Сытину дачи превращены в помещение, годное для жилья, закуплено динамо- и электрооборудование и приступлено к строительству электростанции. Развернуты большие работы по садоводству и огородничеству. 27 га к севу. В садах проводятся работы по посадке 1000 молодых фруктовых деревьев разных пород. Приступлено к ремонту старой животноводческой базы. Все, кто был в доме отдыха МХТИ, желает быть еще и еще раз. Природа, море, горячее южное солнце, горы, сады, фрукты. В 1935 году наши студенты получили 500 путевок в свой дом отдыха на льготных условиях. Путевка в дом отдыха стоит 350 рублей для других организаций. Студент нашего института получает путевку за 120 рублей в рассрочку на 5 месяцев, т.е. по 25 рублей в месяц (апрель, май, июнь, июль, август). 100 человек будут премированы бесплатными путевками в дом отдыха за лучшие академические и общественные показатели».

Жорж Коваль учился прекрасно. Не ошибемся, что в списке лучших, премированных бесплатными путевками на юг было и его имя.

В 1934 году «Московский технолог» опубликовал первую заметку студента Ковалья. Этот материал позднее не раз упоминался и цитировался (см. стр. 75).

В подшивке «Менделеевца» за 1968 г. сохранилась и другая любопытная заметка. В ней доцент Ж. Коваль, отвечая на вопросы корреспондента по случаю выхода 1000-го номера газеты, вспоминает о своей первой публикации в «Московском технологе»:

«Мне дали прочесть мою заметку 1935 г., в которой говорится о том, как мне жилось в США до приезда в Советский Союз. Она выглядит сейчас немного наивно, многие фразы кажутся стандартными, но ведь все равно, все было именно так. Кризис. Отец плотник - безработный. За учебу, учебники – плати. Перспективы на работу по специальности почти нулевые. Одно дело «учить» это по книгам, а другое почувствовать на своей шкуре. А в Советском Союзе? Закончил институт и аспирантуру. Занят любимым делом. Конечно и у нас встречаются карьеристы, подхалимы и различные пройдохи. Но там – это норма поведения.

Пожалуй, самое главное – это работать, жить среди людей высоких

Мои впечатления

Я хорошо знаком с американским университетом и с тем большим интересом вступил в советский институт. Я видел, что американский университет превратился в дом развлечений. Учеба там только предлог для сближения, на студента, желающего учиться, смотрят свысока. На фоне роскоши, в которой живут богатые американские студенты, особенно ярко подчеркивается нищета студентов, выходцев из рабочего класса. Окруженные презрением высших слоев, прозябающие в подвалах и чердаках, они голодают, работают уборщиками и посудомойками в ресторанах, исполняют любую работу, (чтобы иметь возможность учиться, платить за жилище и книгу.

Я хорошо видел то резкое различие, от которого страдают евреи, итальянцы, китайцы и особенно негры в американских университетах. Уклад жизни в СССР является резким контрастом с жизнью в Америке.

Случается, что проучившись 4–5 лет люди превращались в бродяг за неимением работы. Поступив в институт МХТИ, я был поражен организованностью постановки учебы, стремлением сделать «наших инженеров лучшими в мире».

Правительство заботится о

быте студента: стипендия, благоустроенное общежитие и хорошее питание – все это немыслимо в условиях США. Учеба организована так, чтобы студенты имели все материальные предпосылки для продуктивной работы.

В СССР студент – это человек, пришедший учиться, борющийся за овладение наукой и техникой. Особенно поразило меня отношение к нацменам, которым предоставляются особые льготы при поступлении и в течение учебы, отношение к которым особенно чутко и внимательно. Пожалуй, самое приятное впечатление оставляют товарищеские отношения между студентами. Совершенно неожиданно для меня, что студенты товарищески помогают друг другу в учебе. И все-таки наша жизнь не такая, какой она должна быть. Я считаю, что мы могли бы жить интересней и полней, если бы ходили коллективно в театры и на выставки, коллективно проводили свой досуг. Мы мало помогаем отстающим, такие студенты, как Ермакова, Шульгина, Черкасская, Юровская, Мордкович могли бы хорошо работать. Я берусь помогать тов. Ермаковой и вызываю т. Кесслер, Иванову, Наумову, Воротова последовать моему примеру и взять на буксир отстающих товарищей.

Коваль.

«Московский технолог» 1934 г.

идеалов, душевных, всегда готовых прийти друг к другу на помощь. О «Менделеевце»: Разве о ком-то очень близком можно сказать, нравится он тебе или нет?

...Желаю меньше стандартных, трафаретных заметок, больше о том, что волнует студентов, преподавателей, больше боевитости, критики «не взирая...»

Вот такая атмосфера действий через десятилетия и океаны.

Миусы 1935 г. 17 декабря.

Сокурсник Ж. Ковалья, в скором будущем участник Великой Отечественной, профессор кафедры технологии керамики Виктор Балкевич прокомментировал в «Московском технологе» собрание отличников общетехнического факультета, где выступал американец тов.Коваль».

В этих на сегодня нескладных строчках, атмосфера, дух времени.

Необычайное собрание

17 октября происходило необычайное собрание, первое в истории нашего института. Профком общетехнического ф-та собрал лучших «своих людей - отличников учебы. В дружеской беседе принимал участие треугольник института, профессора: Макаров-Землянский, Хлодовский, Зернов, Муравьев, доцент Чичинадзе и др.

Отличники учебы собрались для того, чтобы поделиться опытом своей работы, услышать от своих учителей о том, как учились они, обсудить животрепещущие вопросы, выдвинутые статьей проф.: Юшкевича.

«Такое удивительное собрание возможно только в СССР, за границей между студентами и профессурой стоит стена», – взволнованно говорит отличник, студент 3-го сем., американец тов. Коваль.

Большинство выступавших останавливалось на причинах, мешающих заниматься.

«Не хватает времени для глубокой проработки. Часто приходится выезжать на старом авторитете». .. «На семинарах нечего делать».

Однако, проф. Юшкевич говорил не только о бюджете времени студента. Он бросил заслуженный упрек инженеру последних выпусков. И на слете отличников, прозвучал отклик.

Инженер – это творец, это командир и такому инженеру будет принадлежать руль социалистической техники и индустрии. (Седин И.К. – секретарь партбюро ВКП (б) института, Герой Социалистического Труда 1944 г.)

«Надо любить труд, ибо только в труде, упорном и настойчивом, залог успеха. Надо быть отличником в хорошем смысле этого слова». (Орлов - директори МХТИ им. Менделеева).

«Я учусь на отлично потому, что я комсомолец». (Н. Жук).

«Не отдавать завоеванных позиций. Внедрить, методы работы отличников в студенческие массы и бороться за повышение академической успеваемости» – заканчивает открывшая собрание тов. Еременко.

Профком общетехнического ф-та показал хороший образец работы со студенчеством. Результаты, слета уже есть. Деканат решил освободить отличников от обязательного посещения семинаров. Это даст возможность планировать свое время и заняться серьезной глубокой учебой.

В. Балкевич

Танцы под струнный оркестр

Вновь об отличниках. Сессия закончена. Гуляем. В заметке «Московского технолога» (МТ № 8/1936) нет ни одной фамилии, но чувствуем через 3/4 века, что Жорж Коваль там, на этом пароходе вместе с подружкой Людмилой Ивановой, тоже отличницей. Где им еще быть в светлый солнечный (см. прогноз погоды по Москве в интернете на 29.06.1936 г.) день.

«29 июня 1936 г. для отличников учебы ЦБ студенческих организаций при ЦК союза азотной промышленности и спецхимии и профкома МХТИ, МИИХМА и Политехникма им. Ленина организовали массовку на пароходе в Коломенское. Менделеевцев на борту парохода 170 человек. В программе массовки: «выступление одиночек художественной самодеятельности, массовые игры, танцы под струнный оркестр и оркестр духовой музыки».

Песни, песни – не забылись:

Мы рождены пролить все то, что льется,

Просыпать то, чего нельзя пролить.

Наш институт химическим зовется,

Мы будем вечно химию любить.

В альбомах, да и настенных фотоподборках во многих советских (московских) семьях хранились достаточно четкие (но пожелтевшие от времени) групповые (100-150 чел.) фотографии («карточки») таких веселых летних массовок. Трезвый, добрый веселый праздник окончания учебного года. О тех далеких днях напоминает и вырезка из «Московского технолога» почти восьмидесятилетней давности, бережно сохраненная Людмилой Александровной через многие годы:

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

**МОСКОВСКИЙ
ТЕХНОЛОГ**

Орган комитета ВКП(б), ВЛКСМ, профкома и дирекции МХТИ им. Менделеева

№ 25 (95) || 23 ноября 1934 г. || Цена 5 коп.

„Сильная и мощная диктатура пролетариата, вот что нам нужно теперь для того, чтобы развеять в прах последние остатки умирающего класса и разбить их воровские махинации“.

(СТАЛИН)

Отличник Коваль

Недалеко от Чикаго есть маленький город. Там родился Жорж Коваль. Отец его рабочий-плотник. Семья жила бедно. Жорж кончил среднюю школу. Ему хотелось учиться дальше, но чтобы учиться, надо иметь деньги. Это же Америка, а не СССР – стипендию не дадут. Он занимается в университете и по вечерам работает в больнице (плата за работу – питание). Так 2 года. Кризис сковал и приостановил бешеные темпы американской жизни. Из больницы выгнали, отец безработный. Денег нет. Безработных 2 миллиона. Университеты пустеют. Да и зачем учиться? Тысячи инженеров ходят без работы. Но бывает на свете счастье. Повезло и Жоржу: в 1932 году он вместе с семьей приезжает в Советский Союз. Два года работает в Биробиджане мотористом-механиком.

– Хорошо здесь: нет хозяев, все работают на общее дело.

В 1934 году исполняется мечта: Коваль поступает в институт. Да, у нас счастливо и радостно жить, есть все возможности учиться отлично, кончить институт и заняться интересной работой. Призрак безработицы не стоит у нас за спиной. Ведь это СССР, а не Америка!

Несколькими днями раньше массовки отличников 25 июня, в БАЗе Менделеевки прошел большой митинг (собрание такое – моментально и по поводу).

Этот митинг был организован в связи с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) о работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой. «Московский технолог» пишет: «Выступили секретарь парткома Н.М. Павлушкин, директор А.М. Маслов: «Это постановление является логическим развитием лозунгов Сталина: «Кадры решают все.» Профессор Б.Ф. Швецов остановился на примерах, из-за которых в высшей школе появились лабораторно-бригадные методы, узкая специализация и др.

Постановление от 23 июня 1936 г работает даже сегодня, например, положение – «Ввести во всех высших учебных заведениях единый студенческий билет и единый матрикул (зачетная книжка -А.Ж.) «В матрикул заносятся все предметы и запись для сдачи экзамена» – живет уже больше 3/4 века, и не нашлась пока реформатора, чтобы его отменить.

26 декабря этого же 1936 г.

«Московский технолог» в статье **«На политкружках скучно!»** (без подписи автора) обсуждают очередное занятие комсомольского кружка по изучению истории партии: *« Очень хорошо сказал Жорж Коваль, что мы не сумеем внести в наших кружках революционной романтики, не сумеем показать замечательных примеров самоотверженной борьбы, которыми так богата история партии. Кто из комсомольцев может забыть героические традиции рабочих кружков до 90-х годов, кто может забыть темные кривые окраины Петербурга за Норвской заставой, где тщетно разыскиваемый третьим отделением Ильич изучал с рабочим в 1890-х годов «Капитал», кто может забыть, наконец героический испанский пролетариат под грохот крупповских пушек, под зловещий гул бомбовозов «Капрони» изучающий творения Ленина-Сталина. Ведь смешно сказать, что мы, живущие в Москве, ни разу не сходили организованным порядком в музей революции или музей Ленина...»*

По тексту статьи трудно сказать, где кончается высказанное Жоржем Ковалем, где критика идет от безымянного автора – но «на кружках скучно».

Скучно – вечная московская категория – для себя дорогого и для коллектива (студентов). Скучают в Москве А.Н. Островского, скучно московским героям А.П. Чехова, скучно на Миусах 1930-х. Заметим лишь, что коренной москвич никогда не скажет скучно – только скушно...

Ветераны кафедры ОХТ могут вспоминать кафедральные политсеминары, что вел незабвенный Александр Петрович Иванушкин с кафедры экономики химической промышленности, а собирал и назначал докладчиков парторг кафедры. Одно время парторгом был Жорж Абрамович. Неплохие были семинары, реальные уроки политсамообразования. Ларчик открывался просто. Все зависело от организации дела и интереса участников.

В ноябре 1936 года в институте (МТ № 26/1935) были проведены факультетские слеты отличников – это все отголоски уже помянутого постановления СНК СССР и ЦК ВКП (б) все, а какие классные кадры, особенно для отраслевой химико-технологической науки, которая интенсивно организовывалась и развивалась, отличники Менделеевского института.

«Московский технолог» о слете отличников на факультете минеральной технологии (в дальнейшем факультет ТНВ): «Минеральной технологии, (где среди отличников Жорж Коваль) – лучшие студенты рассказали о том «каким образом они работают, как бы хотели работать, чтобы выковать из себя стохановцев учебы».

Единой методики подготовки отличника не обнаружилось, судили да рядили по результатам сессии. Выяснилось, что всякое возможно – «многие работают не систематически, а наскоками (Крылов В. в примерах). Другие наиболее рациональным считают предварительную подготовку к лекциям (Поляк). Это мечта всех лекторов – иметь среди слушателей таких студентов.

Широко развернулись прения по вопросу о ведении конспектов и проведении семинаров. Отличники Циклис, Тимофеев аккуратно и внимательно ведут конспекты, считают, что конспекты облегчают проверку материала, отличник Блох заметил, что более глубоко он прорабатывает материал без конспекта, роясь в литературе, его мнение разделило большинство».

Такое вот большинство из отличников грызло азы минеральной технологии в 1936 году.

Попал отличник Ж. Коваль и в газетный фельетон – любимый жанр читателей газет и довоенных, и послевоенных лет. Газета без фельетона для читателя Москвы и окраин, что для парижанина «обед без сыра – красавица с одним глазом». Уникальный случай: в фельетоне есть положительный типаж, в нашем случае отличник Ж. Коваль.

В этом «маленьком фельетоне» газеты «Московский технолог» № 5 за 1936 год «Проба терпения» автор Е. Минкин – обсуждает проблему, точнее подход к кассе, премированным за учебу менделеевцам. Нас привлекает один абзац. *«Но не унывайте, товарищи Мамет и Зеленковая. Вы не одни. Профессор Федоров 8 месяцев ждет грамоты, отличник Коваль дожидается обещанных ему 150 р. (стоимость путевки в дом отдыха на черноморском побережье). Левин ждет. Подумаешь важность».*

Вы уловили смысл цитаты: МТ – пишет об отличнике Ковале, а в 1936 году в Менделеевке был лишь один отличник Коваль – наш Жорж.

Перед новым 1937 годом «Московский технолог» в «Популярном словаре» пошутил о бедности оснащения кафедры физики в мини-справке «автомобиль» – наиболее популярная в нашем институте вечно зеленая машина проф. Муравьева является единственным наглядным пособием на лекциях физика. (Не сомневаюсь, что лекции по физике Жорж Коваль слушал у профессора Муравьева, предшественника по кафедре популярного профессора Василия Васильевича Тарасова.)

28 декабря 1936 г. комсомольцы института «на общевузовском собрании» в ответ на потопление советского теплохода «Комсомол» (с грузом для республиканской Испании) фашистскими пиратами постановили отчислить в фонд строительства корабля имени Николая Островского 1% от фонда стипендий или заработной платы.

Был ли построен теплоход «Николай Островский»? По Волге плавал и даже не воевал колесный бункер «Николай Островский» (до 1937 г. «Беднота», первое название «Коммерции советник», но это из другой оперы). Минный заградитель «Островский» (б. т/х «Чайка») затонул от фашистской бомбежки в порту Туапсе 23 марта 1942 года(?)

19 апреля 1937 года

В Менделеевском институте – широкое собрание актива научно-исследовательских работников, преподавателей, студентов, рабочих и служащих, посвященные решениям пленума ЦК ВКП(б) и перестройке всей работы института в духе этих решений» (против многопредметности).

«Тов. Коваль в своем выступлении остановился на вопросе о продукции института, об уровне наших выпускников. Тов. Коваль призывал бороться с многопредметностью, которая ведет к слишком беглому ознакомлению с предметом. Дирекция должна пересмотреть планы в сторону большей их реальности.

«Надо дать четкий план работы студента на каждом курсе».

«Легкую кавалерию» Менделеевки, в делах которой активно проявлял себя Ж. Коваль интересовали дела более земные. Самым приземленным для студентов объектом размышлений и критики всегда была столовая (канувшая в Лету только с приходом Ельцина к власти). «Московский технолог» (№ 19/1937) в заметке «Хозрасчет до бесчувствия» замечает о беспризорности столовых в институте.

Студенческим питанием никто не интересуется. Об обследовании столовой № 12 МХТИ. Цитируем:

«Многие студенты Акользин, Коваль, Лернер и др. заявляют, что в котлетах преобладает хлеб, обеды систематически даются в холодном виде, плохо организована работа подавальщиц и т.д.»

(О подавальщицах – время на нашем дворе такое, но Ильф с Петровым уже давно с Адамсами прокатились по «одноэтажной»; А.И. Микоян тоже вроде бы сгонял и не раз в Штаты, но подавальщицы...)

Официантки подавали обеды в преподавательском зале столовой Менделеевки до конца 1980-х. Ж. Ковалю все официантки узнавали ... такой был стаж у едока.

Людмила Александровна Иванова

(Документальный портрет)

Документ №1.

Полное удостоверение личности (РСФСР, 1919 г.)

Уникальнейший документ. Зачем он был нужен в личном деле студентки Ивановой, начатом в 1934 г.? Называется документ «Удостоверение личности» (бессрочное). На обложке еще аббревиатура Р.С.Ф.С.Р., и герб Р.С.Ф.С.Р. (скрепки из обычной стали, т.е. ржавые, не на века).

Интересна плохо читаемая из-за дурного почерка делопроизводителя о/м Москвы графа № 7 Удостоверения – *«на основании каких документов – удостоверение – метр(ическая) вып(иска) за № 19 выд(анная) Моск(овским) Зам(оскворецкого?) Сорока Воскресен. в Кадашов. Церкви».*

Можно понять, что крестили младенца и нарекли Людмилой в квартале (сороке) Москвы – Кадашах. (Судя по данным, то была церковь Воскресения Словущего в Тарасовской богодельне – Москворецкого благочиния).

Документ № 2

Справка о социальном происхождении

Выдана ЖАКТом № 220 Ленинского района г.Москвы в июле 1933 г. (№ 39). Москва, Б.Ордынка, дом № 14.

Какая нужда в этой справке? Цель? С одной стороны просто бюрократическая – заполнить графу № 17 «Опросного листа для поступающих в МХТИ им. Д.И. Менделеева: «Социальное положение родителей до конца 1917 года., после 17 года. Указать, в качестве кого, на каком предприятии работал».

С другой стороны – это надежда на более или менее достаточную жизнь в будущем.

Из 17-го пункта опросного листа в 1930-е проблемой была позиция «родителя до 17-го года». Дело-то в том, что в Москве еще было известно о том (см. справочник «Вся Москва») за 1914 год – «Иванов Александр Васильевич, потомственный почетный гражданин. Б.Ордынка 14. Тел 90-43. Член торгового дома И.Д. Иванов с сыновьями.» (Да что там «Вся Москва за 1914г. сегодня смотри в Википедии справку «Малая Ордынка: дом 25/4 – котельная при Первой шоколадной фабрике И.Д. Иванова с сыновьями – 1909 г. арх. Шервуд»).

Гремела «сладкая» фамилия Ивановых по московским кондитерским. Людмила тоже молодец – пробила жизнью и делом себе в анкетной графе – социальное положение запись – «из служащих».

И на это безусловно имела право, и за отца тоже четко ответила.

Документ 3

Характеристика

ИВАНОВА ЛЮДМИЛА АЛЕКСАНДРОВНА

Работает в химико-технологическом секторе ЦНТИ с 11/Х -31г. в качестве техника-химика в хлопковой группе. Тов. ИВАНОВА проявила себя как действительно ударница в процессе работы глубоко вникает в порученную ей работу, выполняет (её) старательно и аккуратно

Нач. Хим.Крас.Сект. /Иткина/
7 .I.1934 г.

Алексей Стаханов еще не выдал на гора свой мировой рекорд по вырубке антрацита и высший отзыв о рабочем человеке – ударник, ударница.

Документ 4

Автобиография Ивановой Л.А. (написанная собственноручно).

Я родилась в 1912 г. 25/VI, в г. Москве. С 1921 г. по 1928 г. окончила семилетку в г. Москве, с 1928 по 1931 г. училась сначала на спецкурсах при 2-й шк. ЗОНО с химико-красильным уклоном, была переведена (вследствие ликвидации спецкурсов) в Московский текстильный техникум, который окончила в 1931 г. со званием техника-химика крас. отд. производства. В 1931 г. принята кандидатом в члены ВЛКСМ, в 1934 г. переведена в члены.

С 1931 по 1934 г. работала в качестве техника лаборанта в научно-исследовательском институте текстильной промышленности в Москве, в 1934 г. поступила на дневное отделение МХТИ им. Менделеева.

Мои родители:

Отец до революции был сыном фабриканта-кондитера, до 1914 г. работал на фабрике своего отца в Москве. С 1914 по 1917 служил в качестве прапорщика в царской армии. Я и мать все это время находились в доме моего деда со стороны отца.

Перед Октябрьской революцией отец находился на службе в Ташкенте, оттуда он приехал в Москву, в начале 1918 г. заявил о своем прибытии в военный комиссариат и вступил в ряды Красной Армии. С 1918г. по 1924 служил в рядах Красной армии в военном комиссариате по снабжению и был на царицынском фронте. В 1921 захворал ту-

ЖОРЖ КОВАЛЬ

беркулезом легких и был поэтому демобилизован и признан инвалидом Красной армии, с 1921 по 1923 служил на кондитерской фабрике «Красный Октябрь» в качестве помощника зав. производством. В 1924 умер. Мать была домохозяйкой, затем получала пенсию, как вдова инвалида Красной армии. С 1929 работает. В данное время работает техническим секретарем райкома работников начальных и средних школ Москворецкого района гор. Москвы.

Родители избирательных прав не лишались. Из родственников имею арестованные в 1937г. двоюродную сестру. Муж этой двоюродной сестры - австриец в 1936 г. уехал в Австрию и до сих пор НКВД не впущен обратно в СССР. Ни с сестрой, ни с ее мужем связи не имею, сестру не видела 3 года.

В связи с арестом сестры получила строгий выговор от комсомольской организации ин-та. В данное время выговор Райкомом не снят. Подано мною заявление о снятии его.

С осени 1936 г. замужем за студентом МХТИ Ковалем Г.А, уроженцем США, приехавшим в СССР в 1932 г. Муж советский гражданин комсомолец. У него имеются за границей родственники, с которыми он не имеет связи с 1937 г. До этого имел письменную связь. Я связи с ними не имела и не имею. Ближайшие родственники мужа (отец, мать и братья) приехали с ним вместе в СССР и данное время проживают в Еврейской автономной области. Колхозники, все советские граждане.

15/XI/1938 Л. Иванова

Документом, традиционным для большинства студентов тех лет, является заявление с просьбой о назначении на стипендию:

Декану технологического ф-та
от студ. Ивановой Л.А.
(VII с. гр.№1)

Заявление

Прошу дать мне стипендию, т.к. живу с мужем студентом и материальной помощи не имею. На ОТФ стипендию получала все время.

15/09/1937г. Л. Иванова.

Виза : зачислить 157р.

Заметьте, что зарплата матери Л.А. в райкоме профсоюза (есть справки) была 150 руб.+ хлебные 15 р. По-всякому можно судить-рядить – для меня строка «на ОТФ стипендию получала все время», так в заявлении говорится, очень много говорит, в том числе и об атмосфере 1937 года.

Документ 6

*Письмо из отдела кадров Дербеневского химического
завода им. т. Сталина
от 1 декабря 1939г
Площадь Ильича д. №5/2*

МХТИ им. Менделеева

Отдел кадров Химзавода им. Сталина сообщает, что т. Иванова Людмила Александровна прибыла на завод 2.08 -39 г. Работает химиком в гл. лаборатории с окладом содержания 450 руб. в месяц.

Нач отд. кадров

/Кадайдов/

Документ 7

Фрагмент справки из личного дела Ковалея Жоржа Абрамовича (архив РХТУ им Менделеева).

Сведения о близких родственниках (жена, (муж, дети, мать, взрослые братья сестры):

Жена: Иванова Людмила Александровна родилась в Москве в 1912г, работает в НИИ органических полупродуктов и красителей в качестве старшего инженера, проживает в Москве ул. Большая Ордынка д № 14 кв.1.

Вот так в нескольких документах можно показать почти всю жизнь москвички Людмилы Ивановой, человека XX века, пережившего вместе с огромной страной катастрофы и катаклизмы своего столетия.

Я встречался (пересекался) с Людмилой Александровной всего несколько раз. В конце декабря 1964 г. на Мичуринском проспекте в новой кооперативной квартире семьи Ковалей Жорж Абрамович хотел посмотреть мою дипломную работу: Работу посмотрели, нашли, что все нормально, сели пить чай на кухне. В черед дежурных тем неожиданно заговорили о разведчике Абеле – тогда на экраны только что вышел прекрасный фильм «Мертвый сезон» с Д. Банионисом и Р. Быковым. «Открывал» картину сюжет с самим Абелем, газеты много писали о разведчике, смаковали сцену обмена. Я рассказал где-то услышанный эпизод из жизни нашего, как выяснилось позже, псевдо Абеля: как они с коллегой задержали фашистского лазутчика в подмосковной электричке. В толпе пригородного поезда осенью 1941-го занервничал пассажир: «Что, Москву-то мы не проскочили?» Ассоциативно Абель подумал, что только в Берлине пригородные поезда пересекают город от одной

ЖОРЖ КОВАЛЬ

окраины до другой. (В Москве в те годы электрички шли по радиусу и заканчивали свой путь на московских вокзалах). На Казанском вокзале Абель вызвал патруль, парня задержали.

Людмила Александровна вдруг сделала реплику, что мол она встретила Жоржа Абрамовича в воинском эшелоне, когда он следовал через Москву. Она пришла на какой-то полустанок (тупик, платформу, но не на вокзал, это точно), повидались и потом до конца войны они не встречались. Мне запомнилось, что год этого действия – 1941-й, но вероятно это моя аберрация – было это в 1940-м.

Разговор быстро перешел на другие темы – на носу у москвичей был Новый 1965-й год, у меня защита диплома. Вроде бы все сложилось удачно и с Новым годом, и с защитой. Лет через 30 я пытался реконструировать тот разговор за чаем на Мичуринском, но эта фраза Л.А. о том, что она встретила с Ж.А. в эшелоне, который следовал через Москву в начале 1940-х, стала стержневой, центральной после того, как биографию Жоржа Ковалья (свои варианты) растиражировали мировые телеграфные агентства и многочисленные клиенты сети www.

Другая встреча с Людмилой Александровной (а по времени первая) сегодня мне кажется мистической. Она состоялась осенью 1963г. Осень стояла чудесная, последний теплый выходной приглашал москвичей насладиться общением с природой (урожаем картофеля на подмосковных полях в этот день убрали другие жители столицы). После обеда собрались на футбол в Лужники, по дороге зашли на Новодевичье (доступ при всех «диктатурах» был свободный), к вечеру оказались во Дворце съездов в Кремле на балете. Жоржа Абрамовича с супругой мы увидели случайно в банкетном зале Дворца на верхнем этаже во время антракта. Они стояли у длинного стола с высокими бокалами взбитых сливок (фирменное блюдо ДС). Мы еще только собирались сделать заказ и, глядя на чету Ковалей, добавили к традиционному «киндзмарули» дамский десерт – взбитые сливки. Вино оказалось действительно грузинским (имеретинским и не пахло) – кислым и невкусным, а вот сливки пришлись всем по душе. Но запомнился день не этим – везде: на Новодевичьем, в Лужниках и здесь, в очереди ДС, впереди нас стоял сам Зорге – не очень причесанный Томас Хольцман. Московская толпа его почему-то не очень узнавала, может быть, не очень показывала свое узнавание, демонстрируя хорошие манеры. Да, он был без грима, с двумя-тремя щебетуньями (гид, переводчица, подруги в те годы не приветствовались). Через годы эта встреча в банкетном зале стала казаться не случайной: кто знал, кто ведал... всяких пересечений хватало. Но все это и создает атмосферу – и жизни, и действий.

В декабре начала XXI века с Георгием Каграмановым в последний раз навестили Учителя в его московской квартире. Уже все ясно (без Героя России, конечно), кто есть кто. Встреча за тем же самым кухонным столом (увы, уже без Людмилы Александровны) началась с рюмки «Кристалловской». Практически все свои вопросы и ответы Ж.А. я помню. Один из них четко связан с образом Л.А. – на вопрос: «Когда Вы узнали о гибели брата Гейби?» Ж.А. ответил: «Через месяц после того, как это случилось, пришел человек и принес письмо от Людмилы Александровны...» Бесполезно пытаться воссоздать атмосферу 1943 г. – Штаты, может быть Нью-Йорк, да мало ли штатов у янки, и вот приходит человек: Сидоров ли, Адамс ли и приносит письмо из холодной ледяной Москвы с еще более жутким известием от Людмилы Александровны...

На пенсию она ушла из хорошо известного менделеевцам НИОПИКа, где работала в должности старшего научного сотрудника.

РУКА – «черный ящик»

РУКА (Разведывательное управление Красной Армии) – это предшественник современного ГРУ Генштаба Российской армии.

Сразу не вспомнишь, в какие годы У.Р. Эшби ввел в научный оборот понятие о «черном ящике» как об элементе или системе с неизвестным соотношением между входной и выходной величиной (причиной и следствием). В сознание менделеевцев «черный ящик» внедрил академик В.В. Кафаров с учениками. В биографии Жоржа Ковалья для нас к неизвестным фактам относятся не только службы РУКА, но и вход с выходом. Остается лишь уповать на наш основной посыл к биографии Ж.А. – атмосфера действий.

Можно было бы в качестве эпитафии взять слова, приписываемые И.В. Сталину (якобы сказанные на совещании на совещании по организации ГРУ 15 декабря 1952 г.): «Коммунистов, косо смотрящих на разведку, на работу в ЧК, боящихся запачкаться, надо бросать головой в колодец». Атмосфера передана ярко, но в аутентичности текста сегодня можно усомниться.

Как свидетельствует историограф ГРУ Владимир Лота, Жорж Коваль попал в поле зрения советской военной разведки в 1939 г. Кто руководил нашей военной разведкой в те годы (1939 – 1949 гг.) сейчас можно узнать без особого труда. Открываем книгу В. Лурье и В. Кочика «ГРУ: дела и люди» (СПб., 2002) – боже ты мой, руководителей, как в плохом колхозе (наблюдение В.А. Солоухина) – за неполные 10 лет сменилось великое множество, пальцев на руках не хватит, чтобы пересчитать.

Май 1938 – апрель 1939: и.о. начальника Управления **Орлов Александр Григорьевич**, комдив.

Апрель 1939 – июль 1940: начальник РУ НКО СССР **Проскуров Иван Иосифович**, генерал-лейтенант.

Июль 1940 – ноябрь 1941: начальник РУ НКО СССР **Голиков Филипп Иванович**, генерал.

(Филипп Иванович – герой многих художественных и документальных фильмов о предвоенной поре и первых днях Великой Отечественной войны. И герой, и злодей, и посередине – так в кино, а в начальниках разведки он ходил меньше года).

Ноябрь 1941 – август 1942: **Панфилов Алексей Иванович**, генерал, начальник РУ Генштаба РККА.

Авг. 1942 – март 1943: **Ильичев Иван Иванович**, генерал-лейтенант.

Март 1943 – сентябрь 1947: **Кузнецов Федор Федорович**, бригад-

ный комиссар, начальник ГРУ Генштаба ВС. (как видится, перманентная перестройка, судя по наименованию подразделения – как назовут, так и поплывет...) Для памяти скажем (см. дальше), что в 1947 – 1949 Кузнецов Федор Федорович – 1-й заместитель председателя Комитета информации при СМ СССР,

Сентябрь 1947 – январь 1949: **Трусов Николай Михайлович**, генерал – начальник разведывательно-диверсионной службы МВС СССР.

С января 1949 – **Захаров Матвей Васильевич**, генерал – Начальник ГРУ Генштаба Советской Армии. (Матвей Васильевич и демобилизует, он и отпустит в свободное плавание рядового необученного Ж. Ковалева...)

Такая вот чехарда творилась на верхах отечественной военной разведки, но об этом писано-переписано. Атмосферу действий в ГРУ тех лет помогает понять (в определенных пределах) все та же книга «ГРУ: дела и люди».

«В 1939 г. волна репрессий в военной разведке не прекратилась, но уже пошла на убыль. В этот период, как правильно отметила в своих воспоминаниях М.И. Полякова, в военную разведку пришло много новых людей, и далеко не все из них знали дело. Во главе разведки, вопреки его желанию, поставили прекрасного летчика, Героя Советского Союза (1937 г.) комдива И. И. Проскурова, отличившегося в период гражданской войны в Испании. Путь от старшего лейтенанта до комдива он прошел за три года. Проскуров никогда ранее не имел отношения к разведке, но быстро осваивал дело и становился, по мнению Поляковой, талантливым руководителем. Начальниками основных подразделений Управления стали майоры, или полковники, недавно произведенные из майоров. Да и майорами многие из них были всего лишь год.

Новые назначения произошли в связи с присвоением центральному аппарату военной разведки номерного наименования (5 Управление РККА) в мае 1939 г., а 29 июня были утверждены новые штаты (341 военнослужащий, 189 вольнонаемных) и структура, продержавшаяся ровно год».

Можно подумать, в силу публикаций 2000-х годов, что Жорж Коваль был среди вольнонаемных, но это не так и по документам, и по атмосфере 1939 г. – принят закон о всеобщей воинской обязанности граждан СССР, и многие выпускники вузов шагнули в ряды РККА.

«Работник IV Управления Штаба РККА – ГРУ Генштаба Красной Армии с 1933 г. по 1946 г., резидент в США, заместитель начальника Агентурного управления ГРУ, генерал-лейтенант Михаил Абрамович Мильштейн полагал, что советская военная разведка, «несмотря на понесенные по-

тери, не только восстановила свои прежние связи, но превратилась в одну из самых сильных, если не сильнейшую военную разведку в мире». И перед войной она «своевременно и в полном объеме предоставила политическому и военному руководству страны все необходимые данные о сосредоточении немецких войск, их составе, планах и сроках возможного нападения фашистской Германии на Советский Союз». Однако «главная трудность для нашей (и не только нашей) разведки состояла не в том, чтобы добывать информацию, а в том, чтобы в нее поверило политическое и военное руководство – особенно если собранные сведения не укладывались в схему, в плену которой находилось само это руководство».

М.А. Мильштейн, резидент ГРУ в США, полагаю, не раз пересекался с «Дельмаром» или с кем-то другим, но в курсе дел Ж. Ковалья он был. Кстати, имя нашего героя по документам на момент высадки «Дельмара» в Новом свете так и не названо.

Как отбирали в военную разведку. Цитируем по неофициальной (частный вариант) автобиографии Ж.А., подготовленной, по мнению Юрия Лебедева, в первые годы XXI века:

«Закончил институт в 1939 г. и осенью этого года был зачислен в аспирантуру (без экзаменов) по рекомендации ГЭКа МХТИ им. Д.И. Менделеева, продолжал связи с МХТИ». Заключительную часть фразы следует понимать, что аспирантские дела Ж. Ковалья начинались, а конкретнее продолжались, по теме дипломной работы в лаборатории редких газов ВЭИ (О лаборатории ВЭИ читайте на стр. 135-136).

В этой части текста практически все ясно, кроме термина «без экзаменов» (см. стр. 137 – экзаменационный лист поступающего в аспирантуру).

Дальше: «По рекомендации Комитета комсомола МХТИ со мною начали вести переговоры (как потом оказалось) работники Разведывательного управления Генштаба Советской армии (на тот момент Красной Армии – А.Ж.) о поездке на нелегальную работу за границей. Я согласился и 25.X.1939 г. поступил на военную службу».

Не надо быть герменевтиком (толкователем текстов), чтобы увидеть нестыковки в этом фрагменте. Начнем с даты призыва в ряды РККА (о возможном призыве в армию студент Коваль знал, о чем свидетельствует «Социалистическое обязательство допризывника РККА» (документ из досье ГРУ, в личном деле студента МХТИ Ж. Ковалья такого обязательства нет).

В книге В. Лоты «Ключи от ада» ситуация с призывом объясняется несколько иначе – проще и даже осмысленнее, в духе времени и атмосферы действий. В этой схеме привлечения Жоржа Ковалья в военную

разведку видна четкая логика, но все ли так однозначно было в 1938 г.

«Майор ГБ Семен Гендин, возглавивший военную разведку, был профессиональным чекистом. (Следует заметить, что майор закончил Высшие военно-химические курсы РККА в 1921 г. Было бы интересно проследить возможное участие профессоров Менделеевки в работе этих курсов. Определенные основания для этого есть). Он, несомненно, смотрел на сотрудников военной разведки глазами представителя НКВД. Отозванного из служебной командировки резидента в СССР Артура Адамса Гендин не принял. Адамс (не путать с Адамсами Ильфа и Петрова) сдал пропуск в Разведуправление и несколько месяцев ждал, когда же решится его судьба. Пока уточнялись обстоятельства, из-за которых Адамс попал под подозрение сотрудников НКВД, его резиденатура в США бездействовала. Заменить Адамса в Нью-Йорке должен был другой разведчик. Однако найти равнозначную замену было непросто.

В ходе проводившейся в Разведуправлении чистки военная разведка лишилась не только своих руководителей, но и многих талантливых оперативных сотрудников. Отобранные для работы в разведке выпускники военных академий иностранных языков не знали и, естественно, не владели навыками разведывательной работы. Среди всех этих кандидатов не было ни одного, способного заменить Артура Адамса». Видите, как стоит задача поиска кадров – замена резидента РУКА А. Адамса в Нью-Йорке.

«В конце 1938 года военной разведке повезло. Один из ее сотрудников заинтересовался выпускником Московского химико-технологического института имени Д. И. Менделеева Жоржем Ковалем, который на тот момент уже был принят в аспирантуру Московского энергетического института». (На самом деле в аспирантуру МХТИ им. Д.И. Менделеева, а работать аспирант Ж. Коваль должен был во Всесоюзном электротехническом институте – ВЭИ, где он выполнял дипломную работу по разделению воздуха (криптон), да и зарабатывал на московские сайки в качестве инженера).

«Коваль являлся редким исключением из кандидатов, отобранных для работы в военной разведке. Молодой инженер имел хорошую специальность, скромную положительную характеристику и свободно владел английским языком. Более того, он родился и вырос в США, хорошо представлял себе, как устроена жизнь в этой далекой заокеанской стране. Такой кандидат в то время действительно был находкой». Версия В. Лоты мне видится правдоподобной (точнее, реальной): Ж. Коваль – редкая находка для военной разведки, можно утверждать, редчайшая.

«Биография Жоржа и привлекла военную разведку. Она увидела в

ЖОРЖ КОВАЛЬ

нем человека, из которого можно было подготовить хорошего специалиста для ведения научно-технической разведки в США. По крайней мере, его характеристики и общая профессиональная подготовка позволяла на это надеяться. Жорж Коваль верил в светлые идеалы коммунизма и готов был их защищать. Его личные и деловые качества соответствовали тем, которыми должен был обладать разведчик.

Интересы Разведуправления и личные планы молодого инженера в то время не могли не совпасть. Во время одной из бесед с представителем военной разведки Коваль принял предложение. Предварительно он обсудил эту сложную проблему с молодой женой, которая тоже окончила МХТИ. Поменять профессию, даже на некоторое время, отложить работу над кандидатской диссертацией и отправиться в США на несколько лет – решиться на это было тяжело. Но Коваль был примерным и активным комсомольцем, лучшим профоргом студенческого курса. Он согласился с предложением представителя неизвестной для него организации».

С такой схемой событий в Разведуправлении РККА не согласен Ю. А. Лебедев, он сомневается в искренности фразы Ж.А. из последней автобиографии «Я согласился и ...» Основной аргумент – анонимное письмо, полученное Ж. Ковалем от неизвестного «друга»....

Письмо, даже анонимное, безусловно, свидетель, и проблемы со своей «Галиной Львовной» были во многих московских коммуналках. Но кто датировал эту записку? Какой год на Большой Ордынке – 1939-й или 1949-й, а может 1953-й ?

Дорогой друг Жорж!

У Вас в квартире живет Громова Галина Львовна, которая имеет большую связь с милицией и со следственными органами. Своим болтливым языком разглашает этим лицам - кто Вы есть, чем Вы занимались дома и откуда Вы явились в Москву. Вы бывшие помещики, имеете печатную машину, на которой все время дома печатаете, устраиваете часто вечера с неизвестными лицами. Будьте осторожны.

Ваш друг.

Сожгите эту письмо.

Есть четкое ощущение, что записка с машинописным текстом «писана» в конце 1940-х или в начале 1950-х в коммунальной квартире № 1 дома № 14 по Большой Ордынке (кто помнит, сколько «звонков» в дверной звонок было сигналом для Ковалей?), где «стучались» черновики или беловик кандидатской диссертации по массопередаче в условиях барботажа.

Логическую схему привлечения Жоржа Ковалю в военную разведку (по В. Лота) подтверждает запрос из военного отдела НКХП от 26 мая 1939 г. (см. стр 67).

Проверки, страховки, допускаю, что это может быть авторским дополнением к абрису атмосферы действий 1939 г.

Генерал ГРУ Михаил Мильштейн (уже упомянутый наш резидент в США) в книге воспоминаний «Сквозь годы войн и нищеты» рассказывает о своем личном отборе в военную разведку:

«Прошло всего несколько дней после демобилизации, как меня неожиданно вызвали по незнакомому адресу в Большой Знаменский переулок, 19, в бюро пропусков. Зачем и к кому меня приглашают, об этом не было сказано ни слова. А спрашивать, понятное дело, в моей ситуации было не положено. В назначенный час я явился в указанное место. Дверь в бюро пропусков оказалась закрытой, и первое, что меня поразило, это то, что она открылась, как по команде, после того, как я нажал кнопку. Причиной такой оперативности, как я тогда думал, были последние достижения нашей советской техники. Там мне дали пропуск к комиссару Озолину. В то время он возглавлял (если не ошибаюсь в нумерации) седьмой отдел НКВД. В дальнейшем, в 1937 году, Озолин был репрессирован». Как видно из текста, речь идет о начале 1930-х.

«Комиссар НКВД встретил меня в кабинете. Начались расспросы, показавшиеся мне допросом (*помните, в ФБР эта процедура называется «интервью» - А.Ж.*). У него на столе уже лежало мое «дело». «Дело», собственно говоря, состояло из анкеты и биографии. Выслушав мой рассказ, Озолин был предельно краток:

- Ну что ж, вроде ты нам подходишь. А теперь пойдем к «старика».

Мы прошли в другой конец коридора и попали в приемную, где нас встретила Наташа Звонарева – секретарь Берзина. Переговорив со своим шефом, она впустила нас к нему в кабинет.

За столом я увидел плотного сложения человека, довольно молодого на вид, но седого, с очень добрым и симпатичным лицом. На петлицах у него было три ромба. Этому «старика» в то время было всего 44 года, а был он уже начальником Главного Разведывательного Управления (ГРУ). Спустя пять лет армейский комиссар 2-го ранга Берзин был, как и Озолин, репрессирован.

Встреча с Берзиным круто изменила мою жизнь. Меня взяли на работу в ГРУ. Мне только что исполнилось 23 года. Я был слишком молод, слишком неопытен, но в то же время энергичен и исполнительен».

Из ЦК ВКП(б) (по мнению Ю. А. Лебедева путь Ж. Коваля в разведку начинался там) спустимся по иерархической лестнице власти ниже, на уровень РУКА. В подразделение, где ведется работа на США. Что происходит там в годы, начиная с 1938-го, когда по информации В. Лота

ЖОРЖ КОВАЛЬ

военная разведка заинтересовалась нашим менделеевским студентом. В 1938-м году на нелегальную работу в США приехал Артур Александрович Адамс.

В 1939 г. отозван в СССР нелегальный резидент Б.Я. Буков («Саша»), имевший широкую агентурную сеть, позволявшую ему получать ценные материалы политического, экономического и научно-технического характера. В Москве он 2 года преподавал в разведшколе, а затем отправлен на работу в Институт иностранных языков. Продолжала свою работу (до 1945 г.) резидентура З.В. Литвина («Мулат»), работавшего в Калифорнии под именем Игнатия Витчака. Агентурная сеть «Мулата» добывала и передавала в Центр информацию по США и Японии».

Из справки популярного (т.е. для нас, простых смертных из виртуального клуба любителей научно-технической разведки не по Бонду) издания известен небольшой круг работавших в РУКА по США на 1939/1940 гг. Краткий словарик «Кто был кто» в этом подразделении. Люди эти, сегодня ясно без комментариев, были уникальные, каждый по-своему.

Адамс Артур Александрович – (25. 10.1885 г. Экильстуна, Швеция – 14. 01.1969, Москва)

Швед. Инженер-полковник (1946). Герой РФ (1999, посмертно).

В России с 1891. Член компартии с 1904. Окончил школу морских механиков в Крондштадте (1903), университет в Торонто (Канада) по специальности «инженер-механик» (1913). Работал в ряде городов на юге России, активно участвовал в революционном движении, неоднократно арестовывался. В эмиграции (1907-1919) работал на предприятиях Канады и США, участвовал в рабочем движении этих стран. В 1908 вступил в члены Американской социалистической партии. Сотрудник представительства РСФСР в США (1919-1920). Первый директор и одновременно заведующий производством завода АМО в Москве (июль 1921 – август 1923). С августа 1923 работал на руководящих должностях в различных управлениях ВСНХ, на заводе «Большевик» в Ленинграде и в авиационной промышленности.

Выезжал в США, работал в Амторге в 1927 как представитель Автотреста, а с 1932 – Авиатреста.

В военной разведке с 1934. Нелегальный резидент в США (декабрь 1935 – август 1938), получал от агентуры ценную информацию по радиотехнике и военной химии. Отозван в Москву и уволен из разведки, восстановлен, в распоряжении РУ штаба РККА (август 1938 — май 1939).

Нелегальный резидент в США (июнь 1939 – февраль 1946), переслал в Центр большое количество военно-технической информации. Особую важность представляли данные по ядерной проблематике (свыше 5 тысяч листов документов и десятки образцов различных материалов).

Официально в США Адамс был владельцем технической лаборатории в Нью-Йорке (с 1938), участвовал в реализации химической продукции (с 1942). Среди его агентов называют президента Федеральной торговой корпорации в Нью-Йорке (импорт-экспорт текстиля) Филиппа Леви, который помог Адамсу открыть лабораторию, и главу Электронной корпорации Америки Сэма Новика, фирма которого выполняла заказ ВМФ США по созданию радара. Когда в 1938 г. Адамс прибыл нелегально в США из Канады, Новик заверил иммиграционные власти, что Адамс работал у него 10 лет. Агентом Адамса называют также руководителя фирмы «Киноут рекординг компани» Эрика Бернея. С помощью завербованных им агентов удалось получить доступ к информации о ядерных исследованиях в стране.

С 1944 Адамс установил, что за ним ведет слежку ФБР, и в конце 1946 г. покинул страну, *(сделал это весьма изящно – А.Ж.)*.

С 1948 в отставке. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

Буков (Альтман) Борис Яковлевич

Еврей. Полковой комиссар (05.11.1935). Член РКП(б) с 1919. Окончил Курсы усовершенствования комсостава при РУ штаба РККА (1929) военно-промышленный факультет Военной академии химической защиты РККА им. К.Е. Ворошилова (сентябрь 1932- февраль 1935) (т.е. по образованию инженер химик-технолог!), промышленный факультет Военной академии механизации и моторизации РККА им. Сталина. Владел немецким языком.

Сотрудник военной разведки (1920-1941). Работал в Германии. С 1928 начальник сектора 2-го отдела, в распоряжении Управления, помощник начальника 2-го отдела РУ штаба

В 1935 выехал за границу. Нелегальный резидент РУ в США (1936-1939).J

Преподаватель по агентурному циклу ЦШПКШ (июль 1939 - сентябрь 1940), старший преподаватель кафедры разведки 3-го факультета Высшей специальной школы Генштаба Красной Армии (сентябрь 1940 - июнь 1941).

С июня 1941 начальник кафедры страноведения 2-го Московского государственного педагогического института иностранных языков.

(Обратите внимание на даты преподавательской деятельности Б.Я. в РУКА: июль 1939-сентябрь 1940. Мог общаться с призывником Ж. Ковалем. Вероятность огромная...)

Мильштейн (Мильский) Михаил Абрамович – один из лучших специалистов по военной агентурной разведке.

ЖОРЖ КОВАЛЬ

Еврей. Из служащих. Генерал-лейтенант (08.05.1966). Доктор военных наук, профессор. В Красной Армии с 1932. Член компартии с 1931. Окончил педагогический техникум в Москве (1930), Высшую военную специальную школу (1941), Высшую военную академию им. К. Е. Ворошилова (1948).

Руководитель группы контроля и исполнения ЦК профсоюза работников просвещения (1930–1932), красноармеец первого полка связи Московского ВО, прошел курс подготовки в команде одногодичников, командир взвода (1932—1933)

С 1933 в распоряжении РУ штаба РККА. Сотрудник 1-го (шифровального) сектора (1933–1934), сотрудник резидентуры (1934–1936) РУ штаба РККА, Секретарь генконсульства СССР в Нью-Йорке под фамилией Мильский, там же легальный резидент РУ штаба РККА (1936-1938).

Начальник 6-го (США, Англия) (сентябрь 1938 — сентябрь 1940), 3-го (сентябрь 1940 — апрель 1941) отделений 1-го отдела РУ Генштаба Красной Армии.

Участник Великой Отечественной войны. Заместитель начальника РО штаба группы войск Западного направления – Западного фронта, Резервного фронта начальник отдела, заместитель начальника 1-го (военно-стратегическая разведка) управления ГРУ Генштаба КА (1942–1946).

Старший преподаватель кафедры вооруженных сил иностранных государств (1948-1954), начальник кафедры оперативной и стратегической разведки (1954–1972) Высшей военной академии им. К. Е. Ворошилова. Генерал-майор (08.08.1955).

С февраля 1972 в отставке. Главный научный сотрудник, начальник отдела Военно-политических исследований Института США и Канады АН СССР (РАН) (февраль 1972 – 1992).

Награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны I ст., Красной Звезды, медалями.

Некролог: «Красная звезда» 25.08.1992.

Литвин Залман Вульфович

1908 г. Верхнеудинск, ныне г. Улан-Удэ — 1993, Москва

Еврей. Из служащих, в РККА с 1929. Окончил китайское отделение восточного факультета Дальневосточного университета (1926), Южно-Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе (1941).

Работал в системе Наркомата внешней торговли. Работал на военной разведработе в Китае по легальной линии (1934–1936), помощник резидента Л. А. Бородина. Добывал информацию о вооруженных силах Японии в Китае, Монголии и Корее. По окончании пребывания в Китае предоставил подробный отчет о состоянии Квантунской армии.

Нелегальный резидент военной разведки в США под именем польского эмигранта Игнасия Самуэля Витчака (1937–1945). Научный сотрудник факультета политических наук Южно-Калифорнийского университета. В 1938 создал эффективную резидентуру, способную поставлять информацию, интересующую Центр, в том числе о военно-технических разработках и военной ценности США и Японии. Вынужден покинуть страну в ноябре 1945 из-за предательства шифровальщика аппарата военного атташе в Канаде И. Гузенко. В марте 1946 США нелегально покинула и его семья. С 1946 работал в Европе, до 1953 преподавал в ВДА СА. В начале 1953 уволен из академии и из армии. Научный сотрудник ИМЭМО АН СССР - РАН (1956–1993).

«Дельмар» из РУКА

Вот как описывает рождение секретного сотрудника «Дельмар» Владимир Лота. « В РУКА тех дней 1939 года проблем хватало, но наш герой, думаю, о них не подозревал. В Разведуправлении новому сотруднику был присвоен псевдоним «Дельмар». Так началась одноименная операция военной разведки *«по выводу»* Жоржа Ковалья в США (*термин ГРУ – А.Ж.*).

Для того чтобы послать Жоржа в США и поручить ему руководство агентами, с которыми работал Артур Адамс, бывшего аспиранта нужно было обучить премудростям разведывательной работы. На это требовалось время. Пока Жорж познавал основы новой для него профессии в разведывательной школе, в 1939 году произошло невероятное по тем временам событие. Командование военной разведки доказало сотрудникам НКВД, что Адамс ни в чем не виновен и связей с врагами Советской власти не имел. Вероятно, эту борьбу за судьбу Адамса начал Семен Гендин, который досконально разобрался во всех деталях и попытался убедить руководство НКВД в том, что разведчик Адамс – честный человек, успешно выполняющий задания военной разведки. Заступничество Гендина спасло Адамса. Но сам Семен Григорьевич, посмеявшийся поставить под сомнение и даже опровергнуть замыслы командирования НКВД, 22 октября 1938 года был арестован. Ему тоже было предъявлено обвинение в участии в антисоветской польской военной организации, в проведении подрывной работы в органах НКВД и в шпионаже в интересах иностранного государства. 22 февраля 1939 года С.Г. Гендин был расстрелян.

В начале 1939 года Артур Адамс был приглашен в Разведуправление.

Новый начальник разведки Орлов А.И. предложил ему возвратиться на работу в Разведуправление и снова отправиться за океан. Предложение было очень рискованным. Но Адамс согласился на эту специальную командировку. Он оставил на неопределенное время в Москве жену, которая с трудом согласилась с его решением».

Происхождение оперативного псевдонима «Дельмар» пока никто не объяснил, я тоже не могу. Кто его придумал, с какого потолка бралось, из какой атмосферы выкристаллизовалось. Несколько предположений:

а) в испаноговорящих городах Латинской Америки порой так называется прибрежный район портового города;

б) полковник Дельмар из книги Жорж Санд «Индиана». Героиня романа страдает от деспотизма старика-мужа, этого самого полковника Дельмара;

в) «Делмар», по другим данным «Дельбар»(?) называлось акционерное общество, где директором Чудовского сернокислотного завода (станция Чудово Октябрьской железной дороги) работал заведующий кафедрой основной химии МХТИ (которую окончил Ж. Коваль) профессор Н.Ф. Юшкевич. Здесь есть одна историко-географическая зацепка – Артур Адамс – руководитель нелегальной резидентуры военно-технической разведки жил в начале XX века в Чудове в семье будущего академика АН СССР А.В. Винтера. Быть может, Адамс вспомнил о забытом названии акционерного общества с сернокислотным заводом в Чудове. Натяжка в этой моей версии видна невооруженным глазом.

По сумме указанных выше версий истоки псевдонима Дельмар остаются не расшифрованными. Об эмоциональной для воздействия на разведчика стороне (атмосфере) псевдонима «Дельмар» говорить не приходится: не с кем. Дальше вновь некоторая мистика: псевдоним разведчика превращается (легкое фэнтези) в «Операцию Дельмар». «Я согласился на операцию «Дельмар» и вступил на военную службу» (цитирую Ж.А. Ковалю). Историк ГРУ В.И. Лота, придумавший дефиницию «операция Дельмар» на добротной основе работы нашего разведчика в США, вводит нас в курс дел 1940 года: «Такой кандидат действительно был находкой». Операция «Дельмар» продолжала реализовываться, но получила самостоятельное направление, независимое от деятельности резидентуры, созданной Адамсом. «В начале 1940 года (дата нуждается в уточнении – А.Ж.) «Дельмар» отправился за океан. Его главной задачей было добывание сведений о разработке в американских лабораториях новых химических отравляющих веществ. В создании химического оружия американцы в те годы опережали фашистскую Германию и достигли значительных результатов».

Нас химиков-менделеевцев учили (учителя были боевые полковники

ки с дипломами МГУ), что немцы с заринном, зоманом и табуном были впереди планеты всей, однако Корея 1950-х, Вьетнам 1960-х показали, на что способен «ученый интернационал» Соединенных Штатов.

Из письма Ж. Ковалю – А. Крамишу: «Я был призван в армию в 1939 году, чтобы скрыть мое исчезновение из Москвы. Мне даже не пришлось пройти военную подготовку и службу, как это следовало бы сделать в то время. Я не принимал присяги и никогда не носил военной формы».

По поводу «военной подготовки» (здесь имеется в виду, по-видимому, строевая подготовка, Уставы РККА, владение оружием и т.д.) не совсем ясно. Чем-то же занимались в те годы в лагерях, на базах военной разведки. В декабре 1939 года Жорж Коваль был призван в РККА, в октябре 1940 года сошел на берег Северной Америки в Сан-Франциско. 10 месяцев в РККА и никакой подготовки. Непонятно.

Военное дело в довоенном МХТИ им. Д.И. Менделеева тоже входило в учебный план. Из справки об успеваемости при переводе студента Ж.А. Ковалю с общетехнического факультета на факультет технологии неорганических веществ:

2 семестр:

Военное дело – хорошо (единственный курс, не освоенный на «отлично» в этом семестре)

3 семестр:

Военно-химическое дело – хорошо

Артиллерия – отлично.

Можно было бы порассуждать, почему – «хор», кто автор оценок, но зачетную книжку (образца 1936 года) студент Ж. Коваль получил лишь в июне 1937 года, поэтому автографов преподавателей военного дела в книжке нет. Достоверно известно лишь два имени из преподавателей военного дела в Менделеевке (на 1940 год) – «Военное дело» (кабинет, тир) – руководитель старший преподаватель Л.Ф. Заам. Второе имя из справки «Мемориала» (Исторический вестник РХТУ № 34/2011) – Зонне Иван Иванович (р. 1885 г.) – зав. военным кабинетом химико-технологического института. Занятно, проживал Иван Иванович так же, где и наш герой, на Большой Ордынке, чуть дальше от центра, по другой стороне: дом 31, кв. 5.

Порой ГРУшники вспоминают о подмосковной базе на Сходне... Говорится и о наличии в структуре разведки РККА – Высшей специальной школы и Разведывательных курсов усовершенствования Высшей специальной школы.

Приходится констатировать, что о спецподготовке красноармейца Жоржа Ковалю в первой половине 1940 года ничего (для автора) неизвестно. Где-то лишь в фантазиях контуры атмосферы действий (не о по-

литической атмосфере, ее каждый может прикинуть на свой лад, а об атмосфере в хронике действий).

Почему красноармеец призыва 1939 года Жорж Коваль не принял присягу – «Я гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Рабоче-крестьянской Красной Армии...» Ответ в личном деле красноармейца или в пробелах памяти живого человека. Предложить третью версию, быть может, очень легко. Попробуйте...

«Вывод» «Дельмара» на орбиту разведки

Отец Жоржа Абрамовича – Абрам Коваль, как вы помните, прибыл в США на Восточное побережье Америки, пароходом он пересек Атлантический океан в начале XX века. Наш герой Жорж Коваль: «Я прибыл в США в октябре 1940 года в Сан-Франциско на маленьком танкере с капитаном, его женой и маленькой дочерью, которая приплыла вместе с ним». Это из письма Жоржа Ковалья Арнольду Крамишу, известного у нас в РФ по американским источникам. Уникальная и богатая информация для историков и аналитиков FBI – столько ключевых слов для расшифровки (даже без погружения в атмосферу действия):

Известно:

- Октябрь 1940 г. (информация однозначная или ?)
- Сан-Франциско (порт)
- Танкер (по тоннажу небольшой)
- Контрольный пункт (в порту Сан-Франциско)
- Капитан (женат, малышка-дочка)

Неизвестно:

- Имя члена экипажа (пассажира, нас уверяют, что не Жорж Коваль)
- Название судна (порт приписки)
- Маршрут (порт отправления)

В цивилизованной стране должна быть архивная служба, включая ведомственные архивы, в данном случае пограничного контроля, таможни и т.д. Обнаружить даже небольшой танкер в известной ситуации, на мой взгляд дилетанта, можно без больших хлопот (при условии, если он был). Интерес к танкеру вот отчего. Откуда танкер? (Можно не сомневаться, не из Владивостока, Находки, Петропавловска-на-Камчатке, Магадана и тем более не из Анадыря). Порт отправления позволит проследить маршрут «выводимого» (командированного) по делам РУКА красноармейца (стрелка, солдата) Ковалья Ж.А. Вот только вычислить этот самый порт отправления небольшого танкера, прибывшего в октябре 1940 года, сидя за письменным столом на Миусах или в Отрадном,

даже на огороде под Аймусовым, что в районе Талдома, весьма сложно.

Можно порассуждать от примитивной логики. Вариантов пункта отплытия немного:

1) из СССР напрямую. Вероятность такого маршрута ничтожна. Капитан с женой и маленькой дочкой через океан? Как-то не принято это в наших морях;

2) из Канады – вероятность больше. У людей моего поколения, прочитавших много «шпионских» историй, такой маршрут не вызывает сомнения, через Канаду пролегал маршрут многих на этом пути (от того-то предательство Гузенко в 1946 г. «натворило» громаду трагедий);

3) из Мексики. Вариант возможный. Танкер – нефть (во-первых), о работе успешной (и не очень) разведки в Мексике сказано много. Казалось бы, все просто и очевидно – послать e-mail в FBI, и ответ готов. У меня с самого начала истории с Жоржем Ковалем было сомнение, что он прибыл в Штаты под собственным именем. Очень уж не логичным выглядело это решение для военной разведки. Сомнения подтвердились, но как-то вяло – ни американцы, ни наши не назвали имя, под которым наш «Дельмар» сошел на берег тихоокеанского побережья США.

Одна литературная цитата о доперлхарборовских Штатах. Ильф с Петровым на морской базе западного побережья США в Сан-Диего: «Мыс был пустынен. Ни один человек не попался нам навстречу. Даже самый неквалифицированный японский разведчик мог бы без помехи сделать нужное ему количество снимков с военных построек, четко вырисовывавшихся внизу. Надо полагать, что снимки эти конечно давно сделаны, и морские базы американцев так же хорошо известны японцам, как свои собственные Нагасаки».

Это всего лишь о японцах докладывают наши «необученные рядовые» Ильф с Петровым, причем каждый под личным псевдонимом.

Итак, в октябре 1940 года Жорж Коваль высадился в Сан-Франциско. Восемь лет назад он с родными покидал Штаты под стягом идей ICOR именно отсюда. Восемь лет не вечность, но сколько же перемен преподнесла судьба! Тихий океан, необжитые пространства Биробиджана, дорога на Москву, Миусы, Большая Ордынка, РУКА в переулке на Знаменке и вновь дорога в щемящую, тревожную даль. Вроде бы на родину.

Большинство, абсолютное большинство читателей этой книги не бывали в Сан-Франциско. Не посчастливилось этого и мне. С Жоржем Абрамовичем разговоров о Сан-Франциско не помню. Из хаоса сиюминутных ассоциаций не сразу выгянет святой Франциск, веками почитаемый христианами-католиками, да мы грешные не раз всеу поминали Франциска Ассизского, произнеся (написав) из ведомой многим латыни – «Sic transit gloria mundi».

Из школьного курса истории Сан-Франциско – родина ООН. Дальше из памяти студенческих лет – стоп-кадр фотохроники 1960-х у редакции «Известий»: трамвай в Сан-Франциско, поворот или крутой подъем на холм, на задней площадке четверо худых парней, короткостриженных (по американским стандартам) – это же наши Астахов, Бубенов, Зиганшин, Поплавский. (Коваль точно видел эту фотохронику). Парней судьба и океанские волны занесли в Сан-Франциско. (Зиганшин – рок, Астахов – буги: стучат ударные из нарративного фольклора).

Дорога разведчику NN (имя его нам неизвестно) предстояла дальняя – в Нью-Йорк (бывал ли в городе желтого дьявола юный Коваль, неведомо – скорее нет, чем да). Через всю страну, как в 1934 г. через всю Россию. Конечно поездом, и в 1932 г. из своей Айовы к Западному побережью Ковалей доставил поезд. Американский пассажирский поезд для любителей (и не любителей) голливудских фильмов не секрет. Помните Мерлин Монро из «В джазе только...» – треть действий фильма происходит в поезде. Прочно, надежно, service на уровне – В.В. Маяковский пробасил – «на хорошее и мне слов не жалко».

Нью-Йорк. По словам А. Крамиша, там Коваль (еще не Коваль по документам в бумажнике) встретился с резидентом РУКА. Кто это был? Адамс либо кто-то другой. Упоминается псевдоним одного из резидентов – «Фарадей». Явка находилась под прикрытием Raven Electric Company.

2 января 1941 г., спустя больше двух месяцев после прибытия в Сан-Франциско, он (еще NN для нас, менделеевских) зарегистрировался на бирже труда в Нью-Йорке.

Владимир Лота объясняет события последних месяцев 1940 г. для Дельмара: «Дельмар, он же Жорж Коваль, как и Артур Адамс (в этом «как и» не чувствуется ли маршрут – через Канаду – А.Ж.), тоже в 1940 году обосновался в Нью-Йорке, наладил связь с Москвой, получил указание, куда и как устроиться на работу, но сделать этого не смог. Его документы на вымышленное имя несколько месяцев не позволяли ему найти надежную «крышу», то есть работу, без которой нельзя было заниматься разведкой». (В чем проблема с документами, не ясно – А.Ж.)

В Центре заранее не исключали возникновения такой ситуации, поэтому разведчику предоставлялось право воспользоваться своими американскими документами. Когда другого выхода не оставалось, Коваль пошел на риск – снова стал Жоржем из Сью-Сити, который родился, учился и проживал в Айове». Написано просто, почти доходчиво, только, как это выяснилось, что документы (где подготовленные?) слабые. «План Б» переход на свои кровные данные – действительно задумка Центра или инициатива «Дельмара» от тупиковой неопределенности,

даже безысходности. Задача ой-ё-ёй какая для историка разведки, для психолога со стажем, да и для нас, искушенных «правдой» XX века, тоже.

Вскоре новый «старый» Коваль «без затруднений» устроился на работу. «Приобрел много новых полезных знакомых», – сообщает В. Лота. Где работал, кем работал, как проводил досуг в Бронксе, (бывает же у разведчика свободное время?), какие вести получал из Союза от Людмилы Александровны, от брата-менделеевца, от родных с Дальнего Востока?

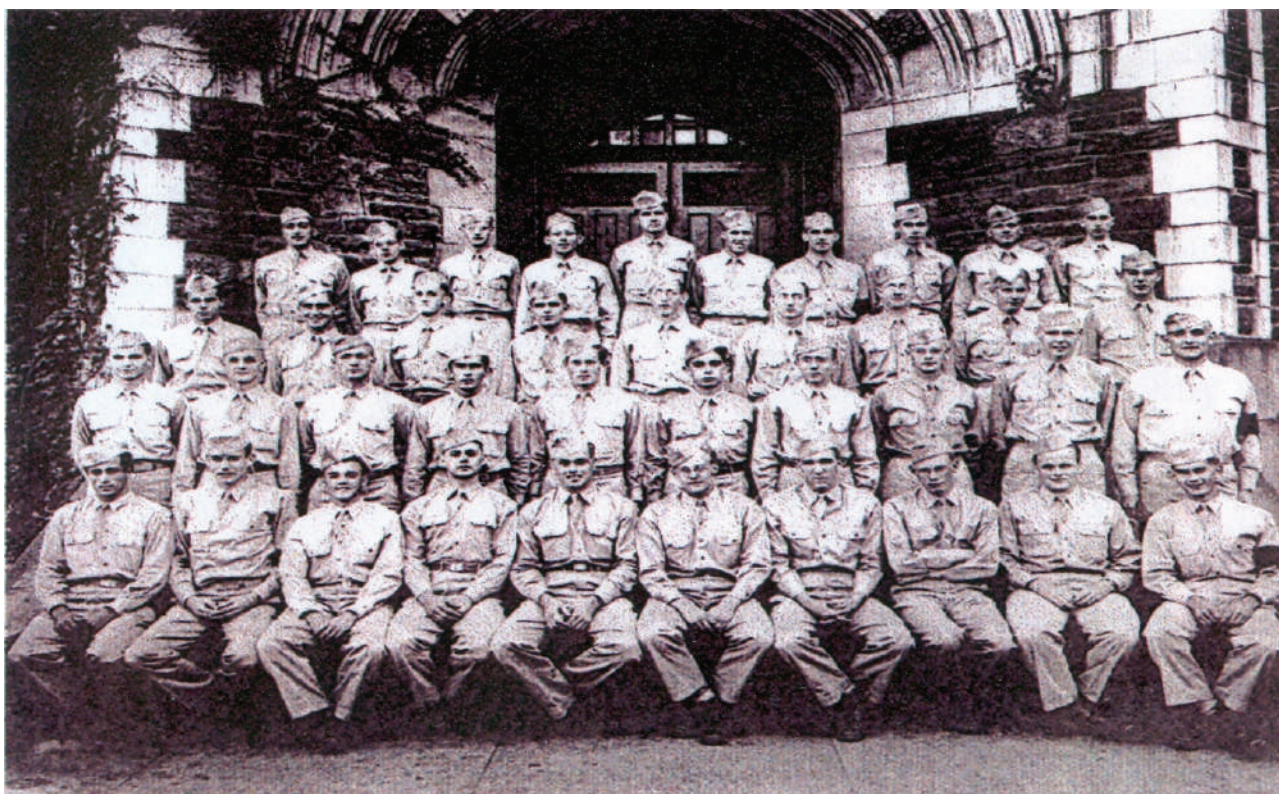
Практически ничего не известно о деятельности «Дельмара» в Нью-Йорке. Жил на Бронксе, работал в Raven Electric Company, где-то на Манхэттене, входил вроде бы даже в совет директоров компании, однако мы-то точно знаем – впереди их ждут великие катастрофы, а нашего разведчика великие дела.

4 февраля 1943 года (в книге В. Лота «Ключи от ада» указана дата 4 февраля 1941 г.) Джорж А. Коваль (25.12.1913 штат Айова), двадцать девять лет отроду, имея шесть футов роста, пристальный взгляд и артистическую внешность, был призван в армию Соединенных Штатов. Еще в сентябре 1939 г., когда в Европе «объявили» Вторую Мировую, президент США Франклин Д. Рузвельт, выступая по радио, сказал: «Пусть никто не пытается утверждать, что Америка пошлет когда-нибудь свои армии в Европу. Мы стремимся не подпустить войны до наших очагов, не позволить ей прийти в Америку. Я уверен, что США будет в стороне от этой войны». Политик, великий президент США надеялся, но американцы (помните Ильфа с Петровым рассуждения о японских шпионах) знали давно, знали с кем, знали за что будут воевать в 1940-е: за безбрежные просторы Океании. Мобилизация – как провожают/ли в армию Соединенных Штатов, не знаю. Посидели ли на дорожку: где и с кем? Версия РУКА о призыве в армию: «Разведчик доложил в Центр и попросил рекомендаций. Американская армия не интересовала советскую разведку. Поэтому разрешать разведчику идти на службу в американскую армию – не было никакого смысла. Это только оторвало бы его от выполнения основной задачи – добывания сведений об американском химическом оружии. Центр дал указание, чтобы он попытался избежать призыва в армию. Но если призыв на службу будет неизбежен, то ему следовало подчиниться судьбе. Ковалю пришлось подчиниться судьбе. Именно это принесло и ему и советской разведке большую удачу.

Поскольку Коваль имел документы (версия!), подтверждающие, что он окончил два курса американского технического колледжа, то его направили на учебу. На этот раз – на специальные курсы, где проходили обучение молодые парни, осваивавшие новые по тем временам специ-

фото из подборки: «Американские студенты 1930-х»

*Слушатели Нью-йоркского городского колледжа.
Жорж Коваль – в верхнем ряду четвертый слева.*

альности, связанные с работой на объектах по производству радиоактивных материалов». (На фото – Нью-Йорк 1930-х).

City College of New York

В третий раз на студенческую скамью Жорж Коваль (уже аспирант МХТИ Д.И. Менделеева, даже «рядовой необученный» Генштаба Красной Армии, подразделение РУКА) уселся не по своей воле. Не совсем ясно (для нас, А.И. Солженицын, вероятно, что-то знал), в роли кого подвязался Жорж Коваль в Raven Electric Company (REC), известной как поставщик General Electric и других американских фирм. REC располагалась в Нью-Йорке, где Ж. Коваль зарегистрировался на бирже труда (Welsh), затем житель Бронкса начал трудиться в указанной компании. Штаты после японской атаки на Перл Харбор «вступили» (очень уж тонко, осторожно) в мировой кровавый конфликт, именуемый сегодня «Вторая мировая война»: годовая отсрочка от призыва в армию США для гражданина G. Koval (1913 IO) закончилась в январе 1943 г.

Жорж Коваль, 29-ти лет отроду, с двумя курсами колледжа Айовы встал под ружье армии дяди Сэма. Дата призыва – 4 февраля 1943 г. (Welsh); 4 апреля 1943 г. (Шитов). Дата присяги в американской армии в этих источниках не указана, этот акт скорее всего мог состояться во время начальной военной подготовки (курс молодого бойца) в форте Дикс (Dix, Нью Джерси). Новоиспеченный рядовой G. Koval был направлен на военную 3410-ю «Специализированную учебно-пересыльную часть» в

ЖОРЖ КОВАЛЬ

Чарльстон (штат Южная Каролина). «Пересылка» в Чарльстоне была отборочным фильтром, где новобранцы проходили даже тестирование в режиме IQ. Duane Weise, сослуживец Ж.А., полагает, что Жорж Коваль получил там особенно высокие показатели в армейском аналоге теста IQ. Один простой вопрос – тест на возможность дальнейшей работы в сверхгигантском проекте США, армия – время войны, где-то рядом люди Паша, контрразведка – можешь ли ты показать то, чего нет в твоём досье, т.е. следует понимать, что ответы должны даваться при умолчании о дипломе с отличием МХТИ им. Д.И. Менделеева? Допускаю, что вопрос надуман, как следствие бесконечных сериалов об интеллектуальной разведке. Или как все контрразведки мира, американская, даже с Пашем – сыном митрополита Русской зарубежной православной церкви, сильна анализом: после того, как дело сделано, и какой-нибудь Гузенко вылез сам собой (всего-то – обидели парня в атташате).

После IQ-отбора новобранец-сапер Коваль оказался в новом армейском подразделении Army Special Tasting Programs (ASTR). Программа была организована армией США с целью обучения талантливых новобранцев (с неполным высшим образованием) в колледжах и университетах США. В дальнейшем эти специалисты были бы необходимы для выполнения армейских исследовательских программ. Так Жорж Коваль оказался студентом электротехнического колледжа университета Нью-Йорка (городской колледж Нью-Йорка, CCNY). Когда-то газета «New York Times» заметила о CCNY, что это был «Гарвард для бедных». (Гарвард – университет для элиты США – отцов нации, их детей и внуков, требуется ли для них отбор по IQ или работают по принципу – своих-то мы всегда научим?)

В публикациях о Ж. Ковале после 2007 г. есть воспоминания его коллег по CCNY (армейских друзей) – допускаю, что среди них и материалы из их интервью для ФБР 1954 г.

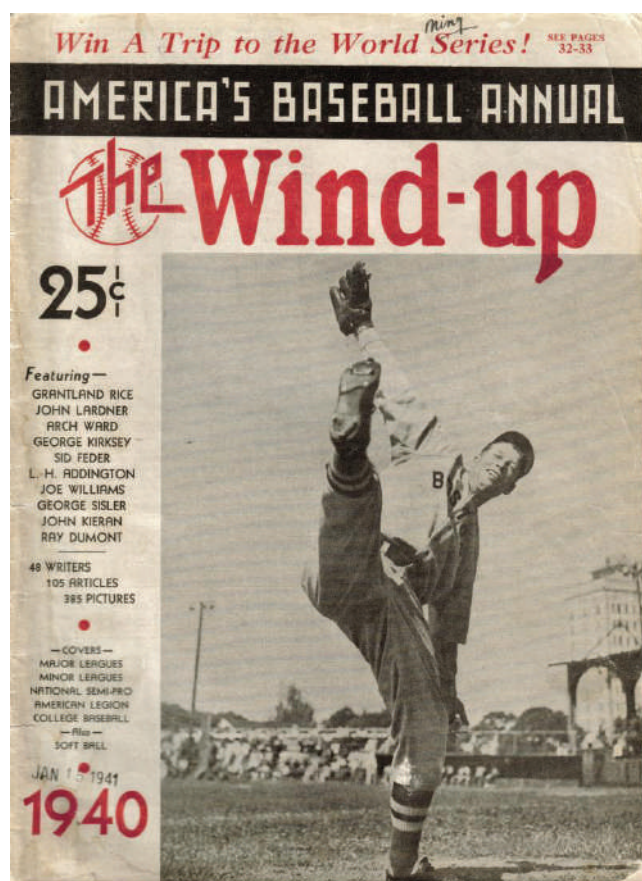

Арнольд Крамиш: «Я не знаю никого, кто бы недолюбливал Джорджа. В то время его однокашники полагали, что не было лучшего человека, чем Джордж. Он был превосходен в каждом деле, чем бы он ни занимался». (Слова общие, ничего из них не видно, и, увы, нет ни малейших намеков на атмосферу действия). Крамиш – волк стреляный, к делам секретным привычный, судя по открытой части его биографии. «Коваль был старше

всех нас лет на десять, действовал более здраво. Это было одной из его заметных черт», – тоже из воспоминаний А. Крамиша.

Дальше что-то более существенное, о чем мы уже поразмышляли: «Коваль, как нам казалось тогда в CCNY, никогда не делал домашних заданий». Хватало, вероятно, базовых знаний менделеевских и средней школы на Холме. Думаю, что внутренняя «контрразведка» А. Крамиша сработала не раньше интервью, данного для ФБР, а может быть и позднее, иначе полагаю, вы знаете, как все могло бы развиваться. «Другой его талант помогал его корешам при вечернем отбое, сооружая из подушек и одеяла «спящие тела» (самоволку по-американски прикрывали таким образом). Таким спецдизайном был знаменит сапер Коваль в рамках проекта ASTP. Проверить склонность нашего героя к театральному дизайну тех лет невозможно. Дальше Крамиш выдает детали, которые можно проверить: *«Он курил свои сигареты так, что они обжигали его пальцы, поскольку он зажимал торец. Это было фирменной восточноевропейской привычкой, о которой я слыхом не слыхивал, пока не попал в Европу после войны...»*

На моей памяти (помню его на Миусах с 1960-х) Жорж Коваль никогда не курил – на кафедре тех лет курили многие и по утрам жаловались на головную боль, а те, кто не курил, неожиданно могли закурить за компанию на кафедральных посиделках (вечеринках, банкетах). В памяти одна из таких посиделок на кафедре осенью 1964 г. На каникулы с Кубы прилетела старший преподаватель ОХТ Софья Пантелеймонова Кокуина, она пришла на встречу (был юбилей В.Ф. Строганова) с королевским подарком – фантастической коллекцией гаванских сигар – закурили тогда все после рюмки-другой «Баккарди»: и лаборанты, и аспиранты, да и доценты с кандидатами тоже. Жорж Коваль не курил. (Курил ли он за двадцать лет до этой «презентации» кубинских сигар – у ФБР не спросишь.) Меня, как человека тех миусских лет, заинтересовала «одна маленькая деталь» от Крамиша, «популяризатора» Ж. Коваля в мире «желтого дьявола». Сдается мне

(насмотришься Голливуда), что эту деталь Крамиш вспомнил в 1950-е, «интервьюируемый» людьми Гувера: «он курил свои сигареты так, что...» Я посмотрел вокруг, как курят сегодня в Москве, на подмосковных огородах – смоделировать «деталь» Крамиша не смог. Однако случайно, как всегда – стоит только подумать, и... в небольшом рассказе из библиотеки «Огонька» нашел адекватную модель: «Дешевую вонючую сигарету он держит указательным и большим пальцем, развернув огоньком к внутренней стороне ладони – привычка людей, много времени проводящих на ветру в дождь». («На Курилах», автор Кузнецов-Тулянин). Курили «Дельмар» «пайковые» армейские сигареты в армии США и ГРУ, тоже уже не узнаешь. (Вполне возможно, что такого довольствия в армиях США не было).

Фото на стр. 106 из архива семьи Ковалей «Ж. Коваль – с сигаретой» попало ко мне недавно, теперь мы точно знаем, как курил молодой Жорж.

Андрей Шитов из ИТАР-ТАСС после знакомства с досье ФБР на «Subject – George Abramovich Koval» писал: «Как заявил ФБР в ходе следствия (отдельная история, как ФБР начали искать вчерашний день Атомного проекта США в большой игре «разведка-контразведка», вероятно после предательства инициативника из ГРУ, шифровальщика нашего военного атташата в Оттаве Гузенко и громких разоблачений в мировом масштабе от американских спецслужб – казалось, все забыто, все по тормозам) один из осведомителей, в армейской учебной группе SSNY так же царили либеральные и прокоммунистические настроения: «Коваль, по всем отзывам, в политические дискуссии никогда не вступал, хотя специально от них и не уклонялся. Да и о личной жизни говорил скупко: мол, сирота, вырос на попечении тетки, кроме как в армии, почти нигде и не был, денег не густо. Все понимали, что парень хлебнул лиха, и с расспросами не совались, тем более, что в свои 30 лет он был заметно старше большинства остальных призывников. Так что запомнился он им в основном блестящей успеваемостью, хорошим знанием города, да еще умелой игрой в бейсбол, всенародно любимый в Америке». (Это уж точно, см. обложку американского журнала 1940 г. на стр. 107).

Так видится портрет, точнее легкая прорисовка образа рядового Koval's, с советской стороны агента с псевдонимом «Дельмар». Не следует забывать, что осведомитель ФБР сделал это заявление в начале 1950-х, во время «охоты на ведьм» в США, период массового национального психоза. «Социология утверждает, что смысл коллективного поведения чаще всего очень далек от сознания основной массы непосредственно действующих лиц» (Вениамин Кальнер). В цитированном интервью ФБР

виден только «смысл коллективного поведения», для отдельного же допрашиваемого в ведомстве Гувера – смысл личности выжить.

Четвертое качество Жоржа Коваля, выделенное ветераном американского атомного проекта Арнольдом Крамишем, проверять не надо, подача (введение) немного странновата для мужчины (даже во времена рекламной американской феминизации): «Так же говорили, что он был дамским угодником». (no comments – A.Zh.)

Stewart Bloom (парень из Чикаго тех лет, CCNY) вспоминал, что Коваль на слух не выглядел нью-йоркцем. «Я всегда думал, что он уроженцем Айовы» – это через десятилетия, на тех же допросах-интервью в ФБР.

В начале 1944 г., когда союзники СССР (в том числе армейские подразделения США «наращивали мускулы» для форсирования Ла-Манша) программу ASTP закрыли. Армейских студентов CCNY отправили в армию (в пехоту), но не всех. Жоржа Коваля и около дюжины коллег (друзей) решением судьбы и вышестоящего начальства отобрали и направили для дальнейшей службы в Специальное инженерное отделение (SED). Коваль был направлен в Ок-Ридж. (Диплом CCNY он получит через несколько лет, по некоторым косвенным данным в 1948 году). Где ныне хранится этот диплом? Менделеевцы его не видели.

Так началась конкретная служба Ж. Коваля (рядового обученного US Army и рядового необученного РККА) в рамках Манхэттенского инженерного проекта. Он был направлен для прохождения службы в «полностью закрытый» атомный центр США – Ок-Ридж (штат Теннесси). Не могу точно сказать о времени первого упоминания секретного Ок-Риджа в СССР, но вот Джон Стейнбек, автор «Русского дневника» (1947 г.) в своих заметках о человеке с фотоаппаратом на улице советского города показывает пальцем на Ок-Ридж и рассуждает: «Фотокамера – один из самых страшных видов современного оружия, особенно для людей, которые воевали, были под обстрелом и бомбами, ведь воздушному налету, как правило, предшествует фотографирование объекта. Прежде чем разрушить деревни, города и заводы, ведется съемка местности с воздуха, составляются шпионские карты, в основном при помощи фотоаппарата. Поэтому фотокамеры так боятся, а человека с фотоаппаратом подозревают. И с «Браун-4» отправьтесь куда-нибудь к Ок-Ридж (район, где расположены военные предприятия) или к Панамскому каналу, а то и в любую из сотен наших зон, где проводятся эксперименты». Вывод из размышлений Джона Стейнбека прост – в США к 1948 году народ знал об Ок-Ридже как районе, где расположены военные предприятия, и следует думать, что ноги автора «Зимы тревоги нашей» там не было.

К месту встречи с элементом № 94

Первый советский человек, державший в руках металлический плутоний, Жорж Коваль (хоть в книгу Гиннеса заноси, других претендентов нет) встретился с элементом № 94 из периодической системы элементов Д.И. Менделеева в штате Теннесси. Встреча состоялась после окончания программы ASTP армии США, которая была прекращена в начале 1944 г., и наш разведчик «Дельмар» (G. Koval) наряду с десятком своих сослуживцев был отобран и направлен для выполнения спецзадания, названного впоследствии Специальное инженерное отделение – Special Engineering Division (SED).

Вряд ли кто из новообращенных в этот спецпроект догадывался о масштабах и целях нового дела. Майк Уэлш в *Smithsonian journal* (май, 2009 г.) пишет, что это была часть Манхэттенского проекта, строго секретная международная программа, которая объединила лучшие умы США, британских и канадских ученых, работавших в Соединенных Штатах, с целью проведения исследований, проектирования и создания атомной бомбы. (Историки отмечают, что принцип равноправного партнерства этого сообщества нарушался американцами столь часто, что в 1943 году Черчилль пожаловался на это Рузвельту во время конференции в Касабланке. Однако жалобы эти не к чему не привели). Британцам, в частности, ничего не сказали о том, что 2 декабря 1942 года Энрико Ферми впервые осуществил под трибуной футбольного стадиона в Чикаго самоподдерживающуюся цепную ядерную реакцию, открывшую путь к созданию атомной бомбы. Скрыли от британских союзников и начало строительства гигантских заводов в Ок-Ридже и Хэнфорде.

К тому времени, когда рядовой Koval с товарищами присоединился к делам SED 1 октября 1944 г., атомные труженики Манхэттенского проекта создавали два различных варианта реализации А-бомбы. Первый, основной, относительно технически простой вариант (в принципе, т.е. теоретически, уже хорошо известной научному миру физиков) требовал редкой, обогащенной формы урана (изотопа U235). Для другого варианта А-бомбы необходим был элемент № 94 плутоний, который был выделен только в 1941 г. Состояние дел в Манхэттенском проекте на 1944 год можно дать по оценке Р. Лэппа: «Строительство громадных заводов и разработка технологических процессов производства ядерного взрывчатого вещества были, по моему мнению, самой трудоемкой частью Манхэттенского проекта. <....> Конструкторы бомбы были готовы приступить к ее испытаниям, как только в их распоряжении бу-

дет представлено достаточное количество ядерного взрывчатого вещества».

Ситуацию с Ок-Риджем (выбором места для атомных дел) осветил для мира Роберт Юнг в популярной в Москве в конце 1950-х, да и во многих исследовательских и университетских центрах Союза, книге «Ярче тысячи солнц». Книга Р. Юнга вышла в Атомиздате 100 000-м тиражом и сразу стала дефицитной. В Москве ее читали как бестселлер (т.е. читать следовало обязательно), читали ученые и домохозяйки, аспиранты и артисты – мода была читать, да и бомба (точнее ее секреты) была в моде! Физики и лирики судили-рядили... Ж. Коваль, конечно, тоже прочел книгу и, безусловно, жалел, что ряд глав издатели (редактор и переводчик) сильно сократили («вырезали» – говорили в те годы). Переводчик В.Н. Дурнев в предисловии отмечает: «Хотя Р. Юнг и пишет в своем предисловии, что он не располагает материалами о советских ученых и, казалось бы, уже по одному этому должен был бы воздержаться от суждений о них, он все же не сумел выдержать свою роль беспристрастного рассказчика и не побрезговал избитыми антисоветскими измышлениями, почерпнутыми, по-видимому, в клоаке «желтой прессы». Вслед за этой «прессой» он повторяет клевету на Советский Союз в связи с пресловутыми «делами К. Фукса и Р. Оппенгеймера». Естественно, что такие места, так же как и некоторые, не представляющие интереса религиозно-мистические рассуждения автора, не вошли в русский перевод. Но в нем сохранены выдержки из допросов Оппенгеймера, которым он подвергался в контрразведке и сенатской комиссии, созданной специально для расследования его «дела». Невольное чувство брезгливости возникает у читателя: он воочию видит, как в погоне за несуществующими уликами «инквизиторы» (так их именует Р. Юнг) стараются запутать, запугать, заставить во что бы то ни стало дать показания, нужные властям для их дикой, но лишеной всяких оснований кампании против американской компартии. Да, опасно в «свободной и демократической» Америке не только иметь левые взгляды, но даже просто интересоваться ими!

И не только К. Фукс и Р. Оппенгеймер были жертвами этой нашумевшей на весь мир «охоты на ведьм». Немало было и других, о которых в книге упоминается лишь вскользь».

Вернемся к тексту австрийского автора: «Усилия многочисленных лабораторий, рассредоточенных по обширной территории Соединенных Штатов, а также Англии и Канады, должны быть сконцентрированы в одном месте; в противном случае неизбежны дублирование работ и путаница, которые отрицательно скажутся на результатах. Он, Оппенгеймер считал, что необходимо собрать в одном месте ряд лаборато-

рий, где бы под единым руководством работали физики-теоретики и экспериментаторы, математики, военные специалисты, специалисты по радиационной химии, металлургии, взрывному делу и точным измерениям.

Эта идея Оппенгеймера встретила серьезную поддержку. И поскольку он был не только автором идеи, но и проявил себя как выдающийся организатор, то Комптон предложил возложить на него руководство этой сверхсекретной лабораторией. Осенью 1942 г. генерал Гровс впервые встретился с Оппенгеймером. Для экономии времени он и два его ближайших военных помощника, полковники Николс и Маршалл, встретились с ученым в заранее зарезервированном купе-люкс поезда, регулярно курсировавшего между Чикаго и Западным побережьем. В тесном помещении под стук колес родились первые планы новой лаборатории, колыбели еще не рожденной атомной бомбы.

Где разместить новую лабораторию? Сразу же предложили Ок-Ридж, шт. Теннесси, где за несколько месяцев до этого уже началось строительство заводов по производству взрывчатки для атомных бомб. Но этот секретный город находился в опасной близости от Атлантического побережья, а германские подводные лодки имели обыкновение курсировать там и иногда высаживали на побережье шпионов. Так, незадолго перед этим недалеко от Ок-Риджа выловили двух немецких агентов. В данном случае они не имели ни малейшего намерения шпионить, а стремились только установить связь с американцем немецкого происхождения, работавшим на алюминиевом заводе, расположенном по соседству в Ноксвилле».

В Советском Союзе хорошо знали об основных американских атомных центрах – это видно из секретного документа НКГБ СССР от 28 февраля 1945 г., опубликованного академическим журналом ВИЕТ № 3 за 1992 год.

НК-4 Сов. секретно
Экз. № 1

Народный комиссариат
государственной безопасности
28 февраля 1945 г.

№ 51 103/М
Народному комиссару
внутренних дел Союза ССР
товарищу Берия Л.П

НКГБ СССР представляет информацию, полученную агентурным путем, о ходе работ по созданию атомной бомбы большой разрушитель-

ной силы. Проведенные силами ведущих научных работников Англии и США исследовательские работы по использованию внутриатомной энергии для создания атомной бомбы показали, что этот вид оружия следует считать практически осуществимым и проблема ее разработки сводится в настоящее время к двум основным задачам:

- Производство необходимого количества расщепляемых элементов урана-235 и плутония.

- Конструктивная разработка приведения в действие бомбы.

В соответствии с этими задачами в США созданы следующие центры: 1. а) Лагерь-1, он же лагерь «Х» в Вудс Холле, в 35 километрах от г. Ноксвилл, шт. Теннесси. Здесь ведется строительство завода производства урана-235. На строительство этого завода ассигновано 2 миллиарда долларов и занято о 130.000 человек. Общее руководство по строительству завода поручено фирме «Келлекс», специально созданной для этой цели дочерней организации известной проектной фирмы «М. В. Келлог» в Нью-Йорке. Контракт на строительство выдан фирме «Джонс Констракшн»; кроме того, привлечены другие известные фирмы: «Дюпон», «Карбайд энд Карбон Кемикал К». Все работы по созданию завода носят условное название «Клинтон Инжиниринг Воркс».

По плану строительство первой очереди должно быть закончено в 1945 году. Для полного завершения строительства требуется около 3 лет.

- б) Лагерь «W», около г. Хэнфорд, шт. Вашингтон, на реке Колумбия. На установке, принадлежащей фирме «Дюпон», здесь производится элемент 94 или плутоний.

2. Лагерь-2, он же лагерь «Y» – в местечке Лос-Аламос, в 70 километрах к северо-западу от небольшого города Санта-Фе, шт. Нью-Мексико. Лагерь находится в непосредственном ведении Военного министерства. Здесь проводятся исследовательские и экспериментальные работы над созданием самой бомбы.

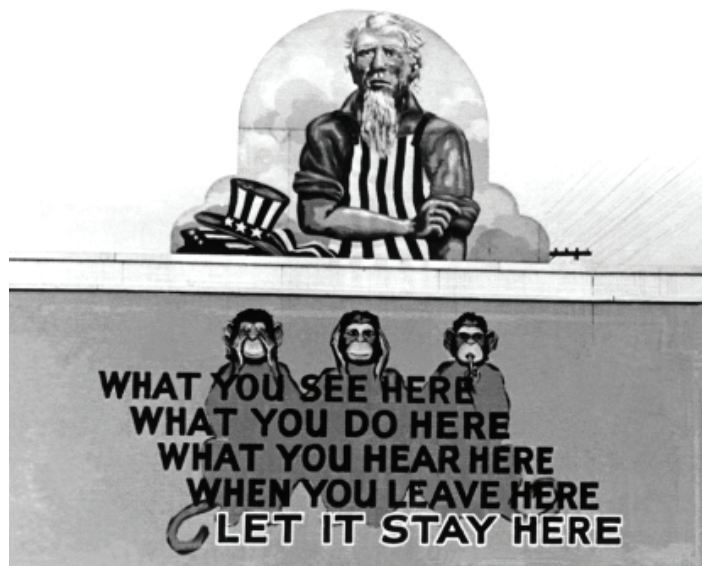
Лагерь-2 изолирован от внешнего мира. Он расположен в пустынной местности, на вершине плоской «столовой» горы. На территории лагеря, отгороженной проволокой и находящейся под специальной охраной, проживает около 2.000 человек. Для них созданы хорошие бытовые условия: удобные квартиры, площадки для игр, бассейн для плавания, клуб и т.д. Почтовая переписка с внешним миром контролируется. Выезд работников из лагеря разрешается только по специальному разрешению военных властей. Вокруг лагеря имеются несколько полигонов. Ближайший из них – Анкор Ранч, находится в 5 милях от Лос-Аламаса.

Последние исследовательские данные об эффективности атомной бомбы вносят новое представление о масштабах разрушения. По расчетам энергия атомной бомбы общим весом около 3 тонн будет эквивалентна энергии обычного взрывчатого вещества весом от 2.000 до 10.000 тонн. Считают, что взрыв атомной бомбы будет сопровождаться не только образованием взрывной волны, но и развитием высокой температуры, а также мощным радиоактивным эффектом, и что в результате этого все живое в радиусе до 1 километра будет уничтожено.

Разрабатываются два способа производства взрыва атомной бомбы:

Баллистический и Методом «внутреннего взрыва».

Каких-либо определенных сроков изготовления первой бомбы не имеется, так как до сих пор еще не закончены исследовательские и проектные работы. Предполагается, что для изготовления такой бомбы потребуется минимум один год и максимум 5 лет».

По некоторым данным перед отъездом в Ок-Ридж (Ноуксвилл, Теннесси) наш «Дельмар» встретился со своим шефом, которого называют под псевдонимом «Фарадей» (очень уж веет от псевдонима электричеством, вспомните компанию REC). «Разведчики, – домысливает В. Лота, отработали условия связи. Они были просты

– как только представится возможность, «Дельмар» должен сообщить о себе и своей работе. Были предусмотрены и условия передачи сведений об объекте, которые по предположениям разведчиков, должны были представить интерес для Центра».

Перечитайте эти два предложения глазами человека XXI века и сразу поймете – ни «Фарадей», ни «Дельмар», ни Центр – никто не знал, не ведал, в какой сверх горячей точке науки, технологии, разведки через день-другой окажется наш менделеевец. Интересно было узнать, говорилось хоть слово, хоть полслова в программе подготовки наших армейских новобранцев о радиоактивности, характеристиках этого явления, методах ее измерений. Были ли хоть какие-то инструкции Центра об интересах в ядерных делах.

Ок-Ридж

Под Новый 1944-й год в Ок-Ридже установили огромный щит со старым, по меркам ОГПУ-НКВД, текстом – «БДИ» (стр. 114). Слов много на английском, почти библейского вида дядя Сэм, снявший отчего-то шляпу перед тремя обезьянами из древней восточной притчи–загадки. Городок Ок-Ридж (в 1940-х «полностью закрытый», где американцы этому научились, кто научил?) расположен на востоке штата Теннесси, на реке Клинч. Рядом с городком в 1942 году была организована Ок-Риджская национальная лаборатория (Oak Ridge National Laboratory) – крупнейший ядерный центр США. Следует отметить, что в городке с 1949 года (!) действует American Museum of Science and Atomic Energy, который дает основательное (научное и пропагандистское) представление об истории создания атомной бомбы США. Музей был открыт в 1949 году в здании кафе военных лет, где Жорж Коваль порой посиживал с коллегами. Из МХТИ в Ок-Ридже в разные годы бывали профессора Г.А. Ягодин, А.А. Пушков (в качестве чиновников МАГАТЭ) и, безусловно, другие, но на сегодня неведомые автору, наши менделеевцы.

Ок-Ридж оказался гигантским научным и технологически «атомным» городом, где были получены вещества для снаряжения самой эффективной атомной бомбы. Огромный атомный объект вначале был разделен на три основных литерных сектора: К-25, У-13, Х-10.

Сразу видно, что будущего нобеля по литературе У. Черчилля не допускали до кодировки объектов Манхэттенского инженерного проекта. Этот гигант империалистической мысли: «где бы..., чего бы», уж он бы придумал шифровки повеселее. Вспомните несостоявшиеся операции псевдоторого фронта времен Второй мировой войны, как он только не секретил, как не маскировал несуществующее, даже фронта не было.

Технологам-исследователям (химикам, физикам) к тому времени было известно полдюжины реализуемых способов разделения изотопов урана. За каждым из них стояли свои радетели. Для технологических схем на объектах Ок-Риджа выбрали два из них. Под эти отобранные технологии и были построены заводы, для нас – объекты.

Объект К-25

Это газодиффузионный завод (метод разделения газовая диффузия), размещенный в специально построенном для него громадном подковообразном здании, каждое крыло которого (согласно Р. Лэппа) имело 400 футов в ширину и полмили в длину (миля, конечно, английская, не морская).

*Контрольно-про-
пускной пункт при
въезде на секретный
объект Ок-Ридж*

*Проверка сотрудников
Ок-Риджа
на детекторе лжи*

Один из объектов Ок-Риджа

Ок-Ридж, конец рабочего дня. Как видим, и в США первый плутоний наработывался «в девичьих руках»

Объект У-12

Когда опытные инженерские установки по электромагнитному способу разделения изотопов урана были настолько усовершенствованы, то оказалось практически возможным приступить к строительству завода, известного под кодом У-12. Р. Лэпп подчеркивает, что «строительство вышло стоимостью в 350 млн. долларов, что на 150 млн. долларов дешевле, чем строительство завода К-25».

Объект Х-10

Жоржа Коваля «распределили» (как иначе скажешь) именно на завод Х-10. Самый меньший по размерам, по количеству персонала (около 1500 чел) т.е. максимум 300–400 человек в смену, нужно учесть и административно – управленческий аппарат. На этом заводе успешно действовала секретная установка по производству плутония.

Установка (завод) Х-10 по существу была первым в мире (дата пуска 4 октября 1943 г.) экспериментальным реактором, на котором велась наработка плутония (как говорят сегодня, это был охлаждаемый воздухом уран-графитовый реактор). Реактор представлял собой большой градированный блок (ребро куба 24 фута), окруженный со всех сторон бетонной стеной толщиной в несколько футов, играющей роль радиационного экрана. Блок пронизовали 1248 горизонтальных ромбовидных каналов, в которых цилиндрические куски металлического урана образовывали длинные стержни. Охлаждающий воздух циркулировал по каналам, со всех сторон омывая куски урана. После окончания облучения, кусок свежего урана вставляли в канал с входной стороны, при этом ку-

сок облученного урана выталкивался из котла, по желобу перемещался в расположенную под водой емкость (ведро). После нескольких недель хранения под слоем воды уран переносился в химический цех для разделения. Реактор X-10 снабжал лабораторию Лос-Аламос плутонием, достаточным для исследования кинетики его деления и определения критической массы. Накопленный опыт позволял перейти к проектированию более мощных реакторов.

Ри

Жорж Абрамович практически никогда, публично или в частном разговоре, не акцентировал внимание слушателей или собеседников на своих личных успехах или удачах. Помнится, что даже гиперболизировал внимание, с искренней долей иронии, на своих бытовых промахах. Я впервые услышал из его уст (разговор шел о публикации в «Историческом вестнике РХТУ им. Д.И. Менделеева» писем от Арнольда Крамиша. Добро на публикацию дал адресат А. Крамиша – академик П.Д. Саркисов) дословно следующее: *«Саша, ты знаешь, что я – первый советский человек, державший в руках металлический плутоний».*

В XXI веке редкостью, раритетом истории стал не металлический плутоний, а советский человек. Жорж Абрамович Коваль – «был советским человеком не по паспорту, а по духу своего мировоззрения». (Юрий Лебедев)

Вчитываясь в эти строки, подумал, что мы начинаем играть в незабвенного, для полувекových пародий, автора московского бестселлера (слова-то не было, как водится) Николая Шпанова «Заговорщики» (М., Военное издательство, Военного министерства Союза ССР, 1951, С.176): «Он не напрасно плывал уже несколько лет на зарубежных линиях *советского* торгового флота, и не напрасно был не каким-нибудь, а *советским* помощником на *советском* теплоходе».

Вернемся к Ж.А. Ковалю. Да, он был типичный советский человек своего времени: и совок, (т.е. труженик, из семьи тружеников-пахарей: «Ты на его ручищи посмотри...»), и штык (Гейби Коваль в одной из анкет отмечал: брат Жорж – солдат Красной Армии), и интеллигент: «Куда-то с приходом ЕБН-ской «демократии» они, интеллигенты советские, растворились, в атмосфере смрада, исчезли, и можно дальше перечислять многие качества, суть не исчезнет. Её не замазать словами новояза.

Дальше следовало бы говорить о нетипичной судьбе типичного советского человека из поколения комсомольцев 30-х годов..., но это лишь слова, слова. Нет в них атмосферы действия ни на йоту.

В начале 2000-х в Тушинском комплексе РХТУ им. Д.И. Менделеева (в конференц-зале имени академика В. Легасова) состоялась презентация мемуаров академика Ф.Г. Решетникова «Этапы большого пути». Федор Григорьевич Решетников мировым научным сообществом технологов ядерного топлива признан как «Мистер Плутоний СССР». Академик П.Д. Саркисов в короткой речи на фуршете после презентации спросил Федора Григорьевича: «Знаете ли Вы, Федор Григорьевич, кто был первый советский человек, державший в руках металлический плутоний?» И не дожидаясь ответа, сказал: «Наш менделеевец! Выпускник 1939 года – Жорж Коваль». Мы-то уже знали – узнает ли страна? Глуховато как-то.

О металлическом плутонии, приоритетах на права его получения в СССР на стыке тысячелетий в России писали «и ленивые, и больные». Особенно увлекались историей с показом образца Pu в Кремле, специально для И.В. Сталина. Наиболее интересным при чтении вариантов этой истории было измерение (и их последовательное увеличение) размеров металлического шарика – максимально дошло до диаметра в 10 см(!). Здесь лишнего не напишешь – вторая древнейшая...

На объекте X-10 в Ок-Ридже «Дельмар» работал в системе охраны труда (Health physics laboratory), по существу дела, он был дозиметристом (радиометристом). А. Крамиш и коллеги тех лет подчеркивают, что Коваль имел доступ и на другие объекты Ок-Риджа по своим служебным надобностям. То ли легенда, то ли полуявь – что Коваль гонял на джипе по всем объектам Ок-Риджа («Имел свой собственный джип», – из воспоминаний «очевидца», размещенных в интернете).

«Он смотрел на американские опыты по производству урана и плутония глазами дипломированного специалиста, окончившего одно из лучших советских высших учебных заведений – МХТИ им. Д.И. Менделеева. Техническое образование давало Ковалю возможность точнее оценивать то, что он увидел, и замечать самое главное». (Прекрасная оценка деятельности Менделеевки – эту цитату американца я бы воплотил в камень).

Связь с «Дельмаром» поддерживал советский разведчик «Клайд» – псевдоним не раскрыт. (Ассоциативно вспоминается гангстерская парочка времен Великой американской депрессии; портовый район где-то в Глазго или Ливерпуле...). Что мог сообщить для Центра «Дельмар» – например, о том, что обогащенный уран и плутоний, производившиеся в Ок-Ридже, армейскими спецрейсами по воздуху перебрасываются в Лос-Аламос. Донесения «Дельмара» из района Ок-Риджа пока не опубликованы, говорят, не могут найти в архивах.

Самый сведущий человек о Жорже Ковале со стороны ГРУ В. Лота

ASTP/CCNY DEPARTURE AUGUST 9, 1944: Hear (3-й справа) George Koval Front (в центре): Arnold Kramish (архив семьи Ковалей)

вот так оценивает основные достижения «Дельмара» и систему подачи информации Центром для советских атомщиков: «Сведения «Дельмара» немедленно переправлялись в Москву. В Центре на их основе готовились донесения на имя генерал-лейтенанта П. Судоплатова, начальника отдела «С», созданного по указанию И. В. Сталина в Наркомате внутренних дел. В этом отделе в обезличенном виде концентрировались все донесения разведчиков внешней разведки НКГБ и Главного разведывательного управления. Из отдела «С» тоже в обезличенном виде материалы по атомной проблеме, добытые разведчиками, направлялись И. В. Курчатову, который внимательно изучал их, давал оценки и ставил перед сотрудниками разведывательных служб новые задачи.

В декабре 1945 года «Дельмар» сообщил о том, что американцы производят полоний и также используют его в атомном проекте. В донесении разведчика, в частности, сообщалось об объеме ежемесячного производства полония в Ок-Ридже.

На основании данных «Дельмара» в Главном разведывательном управлении было подготовлено специальное донесение в отдел «С».

«...Изготовленный полоний отправляется в штат Нью-Мексико, где используется для создания атомных бомб. Полоний производится из висмута. На 1 ноября 1945 года объем продукции завода составил 300 кюри полония в месяц, а сейчас доведен до 500 кюри. О производстве полония и его использовании нигде не сообщалось.

Краткое описание процесса производства полония выслано нам почтой и по получению будет немедленно направлено Вам».

Эту докладную записку 22 декабря 1945 года подписал начальник

1-го Управления Главного разведывательного управления Генерального штаба генерал-майор танковых войск В. Е. Хлопов. 13 февраля 1946 года генерал-лейтенанту П. Судоплатову из ГРУ было направлено еще одно письмо. Вот его содержание: «При этом направляю краткое описание процесса производства элемента полония, полученное нами от достоверного источника».

Это письмо сопровождало донесение, подготовленное «Дельмаром». В донесении было две страницы текста на русском языке и две – на английском. Достоверным источником был «Дельмар». Возможно, он был первым разведчиком, который подсказал советским физикам и конструкторам для чего используется в американских атомных зарядах химический элемент полоний.

Арнольд Крамиш, человек того берега, не единожды упоминавшийся ранее на страницах нашей книги, перед смертью в телефонном интервью для корреспондента ИТАР-ТАСС резюмировал, что главным достижением советского разведчика было выявление работ с полонием, которые активно велись в Ок-Ридже и Дейтоне. По мнению Крамиша, сам факт использования этого элемента был одним из самых секретных аспектов «Манхэттенского проекта».

Руководитель проекта *генерал Гровс* «специальной инструкцией запретил упоминать о полониевых делах» в любых открытых источниках, и это оставалось «тайной» еще в течение нескольких лет после первых ядерных взрывов. Поэтому Арнольд Крамиш, с кем ФБР «беседовало» по поводу Жоржа Ковалья, утверждал, что приятель его армейской юности Жорж Коваль был «одним из важнейших советских шпионов».

Российские историки науки, в нашем случае исследователи атомного проекта СССР (можно сослаться на Юрия Лебедева, Владимира Лоту и др.), полагают (возможна и другая модальность – утверждают), что именно донесения «Дельмара» подсказали научным руководителям нашей атомной программы идею использования нейтронного запала на базе полония. Часто повторяют, что именно такой запал был у первой атомной бомбы СССР, известной у нас как «Ракетный двигатель Сталин» – РДС-1 (если хотите, «Россия делает сама»), в Америке как «Джо-1».

Добытая «Дельмаром» информация помогла существенно сократить время разработки советского ядерного оружия и достаточно прочно закрепить на месте ядерный дамоклов меч, вознесенный было над нашими головами американскими политиками и военными, чего греха таить, и значительной частью научной интербригады тоже.

Следует только помнить наш Союз в послевоенной разрухе. Какова цена советской атомной бомбы, кто заставил СССР участвовать в этой безудержной, безумной гонке?

Думаете, в Штатах не знали ситуацию дел в экономике и науке СССР? Аналитиков во всех областях деятельности Союза там всегда хватало и знали они прекрасно, что и физики, и химики, и металлурги у нас есть, и прекрасные теоретики и грамотные практики тоже есть. Подтверждением тому несколько мыслей на бумаге физика Джеймса Беверли (в те далекие годы начальника секретного отдела “Комиссии по атомной энергии”), высказанных в разгар шпионских атомных страстей в США, на фоне «сенсационных» известий о первом советском атомном взрыве в полупустыне под Семипалатинском: «Лично я (*т.е. Джеймс Беверли – А.Ж.*) считаю, что атомная бомба поступила на вооружение СССР в 1949 году главным образом благодаря усилиям советских ученых и инженеров». В списке советских инженеров атомного проекта имена многих менделеевцев, да и имя Жорж Коваль без всяких сомнений должно внести в эти почетные списки.

Еще одно размышление американского физика на тему «Как Советы сделали атомную бомбу»: «Основные трудности, которые должны были преодолеть Советы для создания бомбы, были связаны с тяжелой промышленностью и производством. Атомные секреты, фанатически оберегаемые Соединенными Штатами, скрывали от нас тот факт, что у Советского Союза были свои прекрасные ученые, которые могли найти ответы на все вопросы самостоятельно. Согласно всем законам природы, наука одинакова по обе стороны «железного занавеса». Кроме того, важнейший секрет атомной бомбы – то, что ее можно сделать, исчез в грибовидном облаке над Хиросимой». Доктор Беверли и для США главную трудность в решении атомной проблемы видел («в дни войны») в строительстве огромных атомных заводов в Ок-Ридже и Ханфорде; «однако это был скорее секрет американской промышленности, чем науки».

Две ассоциации возникают у читающего строки американского физика Джеймса Беверли. Во-первых, четко ясна цель англо-американского «железного занавеса», опущенного под речь Черчилля в Фултоне (или Вы верите, что с той стороны висели тюлевые гардины из брюссельских кружев). Цель проста – не дать возродиться из руин, не дать восстать из пепла советской промышленности (вспомните хотя бы гигантские прессы для ленд-лизовой техники в ленинградском порту...), не дать встать на ноги юному поколению русских военных лет. Это и основное, и перманентное – оглянись вокруг в 2013 г., когда стало известно, что фантаст Оруэлл работал за деньги CIA.

Во-вторых – «Об усилиях советских ученых и инженеров». Часто спекулятивно выдаваемое за блеф заявление В.М. Молотова (в 1947г.) о том, что для СССР не существует секрета атомной бомбы, в информа-

ционных посылок всего лишь констатация реальности (следует думать, что и готовили заявление референты из технически сведущих специалистов).

Вернемся вместе с историками науки и бомбы к цели нашей книги, к жизненному пути Жоржа Ковалья: «В 1945 году «Дельмар» уже имел воинское звание «сержант штабной службы». В июне 1945 г. он был переведен на новое место – в секретную лабораторию «Mound Facility» (Дейтон, штат Огайо, работавшую под контролем специалистов Ок-Риджа). Новая должность расширила его, как говорят в разведке, информационные возможности. В этой лаборатории тоже работали «и физики, и химики», выполнявшие задания в рамках американского атомного проекта. Научные исследования, которые они проводили, говорили о том, что работа в США по созданию атомной бомбы вступает в завершающую стадию. На очередной встрече «Дельмар» передал «Клайду» сведения об основных направлениях работы лаборатории в Дейтоне.

Руководство лаборатории в Дейтоне, видимо, относилось к сержанту Ковалю с большим доверием. После того, как атомным бомбардировкам были подвергнуты Хиросима и Нагасаки, в лаборатории был праздник. Ее начальник объявил своим сотрудникам о том, что «они внесли в эту историю значительный вклад».

Сегодня в армии США присвоение очередного сержантского звания зависит от срока службы – для «штаб сержанта» он составляет 7 лет.

«Через некоторое время в лаборатории начала формироваться команда для поездки в Японию. Все поняли, что речь идет о сборе данных по результатам атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки. Отбирали самых проверенных специалистов. В спецкоманду был зачислен и Жорж Коваль. Он готов был отправиться в этот заокеанский вояж для того, чтобы убедиться в том, какую реальную мощь обрели США и проинформировать об этом руководство военной разведки. Но за несколько дней до вылета в Японию выяснилось, что в составе команды нет врача-рентгенолога. В результате, сержант Коваль остался на территории США».

Со званиями «рядового необученного Генштаба Красной Армии» в армии США в публикациях некая чехарда – «сапер», «сержант», «сержант штабной службы», «техник 3-го ранга». Ну, право, садись за словарь и изучай уставы внутренней службы армии США.

О работе «Дельмара» в Дейтоне и сегодня нет четкого представления. Андрей Шитов (ИТАР-ТАСС – специально для «Российской газеты») отмечает: «Теперь известно, что там располагались заводы по производству ядерного топлива и компонентов ядерного оружия. Как пояснила со ссылкой на специалистов «Нью-Йорк Таймс», секреты

ЖОРЖ КОВАЛЬ

производства бомбы могут быть важнее, чем тайны ее конструкции». Специалистам виднее.

«Впрочем, – продолжает тассовец, – чем конкретно Ж. Коваль занимался на новом месте работы и к какой технической или технологической информации имел доступ, ФБР если и выяснило, то далеко не сразу. Судя по армейским документам, оформляли его изначально в качестве «математика».

Но оказался он в итоге в составе департамента радиационной безопасности в качестве радиометриста к большому раздражению Джона Эдгара Гувера – шефа ФБР с 1924 г. По прошествии нескольких лет специалисты, опрошенные ФБР, затруднялись определить, «какие именно секреты могли проходить перед глазами и через руки их бывшего сослуживца George Koval's».

В сентябре 1945 года на борту линкора «Миссури» союзники приняли и подписали акт капитуляции Японии. Для Штатов война закончилась, пришло время считать кому потери, кому барыши. Для «техника 3-го разряда» Джорджа Ковалья пришел час демобилизации. Вроде бы его начальство в Дейтоне сделало предложение остаться на работе в качестве вольнонаемного. Из досье ФБР на «Subject: George Abramovich Koval» узнаем, что отставка («дембель» по старо-русски) была почетной, на дворе истории стоял 1946 г., George Koval был награжден медалями: «За примерное несение службы» и «За службу на американском ТВД». В справке об увольнении отмечалось, что по личным и служебным качеством он характеризовался «блестяще», за пределами США не служил, под трибунал не попадал и в самоволки не ходил. Присмотритесь, все как в отечественных анкетах – «не был, не состоял, не участвовал», вот о самоволках времен армейского студенчества в ССНУ у ФБР, вероятно, возникли вопросы с головной болью для аналитиков прошлого из бюро Гувера. По медалям вопросы есть (должен быть и ответ) – где они? Вернулись ли с Ковалем в СССР или остались в США? Если вернулись в Союз, где они хранятся, не стоит ли в связи со столетним юбилеем Ж.А. показать их менделеевскому люду – и ветеранам, и более молодым сотрудникам, и студентам?

О дальней судьбе «Дельмара» в послевоенной Америке – Америке с лицом атомной угрозы – теперь, после трех взрывов Дель Алагордо, Хиросимы, Нагасаки оружием уже несекретным, как предвестие мирового атомного Апокалипсиса, Америке, собиравшей дань и с врагов, и с союзников, пишет Владимир Лота:

«После службы в американской армии, которую «Дельмар» завершил в 1946 году, он прибыл в Нью-Йорк, где работал его руководитель разведчик «Клайд». На очередной встрече «Дельмар» доложил «Клай-

ду» о том, что еще узнал о лаборатории в Дейтоне, и сообщил о предложении остаться после там же на должности гражданского специалиста. «Клайд» заинтересовался предложением «Дельмара». Он увидел интересную перспективу, которая позволяла разведке получать новые закрытые данные из Дейтона. Однако «Дельмар» рассудил иначе. Он считал, что продолжение его работы в Дейтоне связано с большим риском и таит в себе неизбежную опасность провала. «Дельмар» предвидел ужесточение режима секретности на закрытых военных объектах, новую проверку всех сотрудников, их политических убеждений, родственных связей и документов. В США и Канаде газеты уже были забиты материалами о советском атомном шпионаже. Печатались интервью с предателем Гузенко, с сенаторами, которые требовали положить конец деятельности советских «атомных шпионов». Существовала вполне реальная угроза, что агенты ФБР смогут установить, что Жорж Коваль в 1932 году вместе с родителями выехал на постоянное жительство в СССР и после этого в США не возвращался».

Для Штатов пришло время беречь атомные секреты – да только как их уберечь. Гигантский интернациональный стройбомбоотряд был задействован: официально по флагам – США, Объединенное Королевство, Канада, по персоналиям добавим ученых из Германии, Италии, Венгрии и т. д, по «шуму» взрывов – весь остальной мир. И разведка – военная, политическая, научно-техническая. Говорят лишь о советских разведчиках, что же, все остальные разведки мира были в стороне от такого фантастического «пирога» научной, технологической, промышленной, инженерной информации...

Подведем краткое резюме, вероятные (скорее гипотетические) итоги и достижения деятельности combatant engineer армии США, нашего рядового необученного РУ-шника Красной Армии.

Жорж Коваль (Исторический вестник РХТУ, № 28/2009):

«Наиболее значительным событием в моей разведдеятельности была работа на сверхсекретных объектах, где разрабатывались технологии производства “ингредиентов” атомных бомбов (публикатор Ю. Лебедев подчеркивает в комментариях, что так в тексте. Я ему верю – А.Ж.), и производились эти вещества), в широко известном Ок-Ридже и менее известных лабораториях в Дейтоне, штат Огайо».

Арнольд Крамиш, повторим его слова (РГ, 30.01.2008): «Скорее всего, главным достижением советского агента было выявление работ с полонием, которые велись в Ок-Ридже и Дейтоне. Сам факт использо-

ЖОРЖ КОВАЛЬ

вания этого элемента был, по словам Крамиша, «одним из самых секретных аспектов» Манхэттенского проекта. Специальной инструкцией генерала Гровса о нем запрещалось упоминать в любых открытых источниках, и он оставался тайной «еще в течение нескольких лет после войны».

Андрей Шитов (РГ., 30.01.2008):

«Российские историки ныне утверждают, что донесения «Дельмара» подсказали научным руководителям советской атомной программы идею использования нейтронного запала, внутри которого находился полоний. Насколько известно, именно такой запал был у первой советской атомной бомбы, испытанной в августе 1949-го – всего через 4 года после американской. Согласно официальным сообщениям о присвоении Ковалю звания Героя России и передаче его награды в Музей военной разведки, добытая им информация помогла существенно сократить сроки разработки и создания отечественного атомного оружия, что обеспечило сохранение военно-стратегического паритета с США».

Виталий Мороз («Красная звезда» 27.10.2007):

«Благодаря Ж. Ковалю была собрана и переправлена в Москву информация производства ядерных материалов – плутония, полония и других.

Сведения, полученные от Ж.А. Коваля в декабре 1945 г. – феврале 1946 г., подсказали советским ученым идею и подтвердили правильный путь решения проблемы, связанной с нейтронным запалом».

Владимир Лота («Ключи от ада», М. 2009):

«Главным итогом разведывательной деятельности «Дельмара» в США является то, что он смог выявить некоторые секретные атомные объекты в США, их структуру, объемы производства ядерных материалов, количество занятых специалистов, связи с другими закрытыми объектами американского атомного проекта».

Джон Эрл Хайтс (Smithsonian journal, May 2009), историк Библиотеки конгресса США – «авторитет в вопросах холодной войны»: «Мы ничего не знали о масштабах разведывательной операции ГРУ против Манхэттенского проекта, пока не всплыла информация о Ковале».

Дэвид Холлоуэй (Smithsonian journal, May 2009) профессор Стэнфордского университета:

«Коваль знал, что полоний, получаемый в Ок-Ридже, «играл определенную роль в создании бомбы» – знание, которое помогло Советам установить связь между Ок-Риджем и Лос-Аламосом».

Дела разведки – дела непрозрачные, в особенности, когда события научно-технической и промышленной разведки с тысячелетней историей еще до Марко Поло приобретают политический окрас. Шум в Штатах после взрыва атомной бомбы на советском полигоне под Семипалатинском сверхдецибелный. Юлиус Розенберг (также выпускник CCNY) с женой Этель закончили свои мирские дни на электрическом стуле. Можно долго и длинно перечислять списки жертв (винных и невинных) американской охоты на ведьм. «И на устах невинных море голосов воробьиных...» Унас в России, которая с невероятным трудом сохранила свой суверенитет в пьяные ельцинские дни, не в последнюю очередь благодаря ядерному арсеналу, созданному не без помощи тех, забытых жертв американской «национальной охоты», нужно помнить о них. Какую-нибудь памятную доску, либо стелу с простым текстом, может памятник скромный стоит соорудить, куда можно было бы положить ромашки или васильки русских полей, либо простую записку с коротким текстом: «Спасибо за жизнь».

Целью да и итогом этой бешеной PR-охоты в США было одно – деньги (барыши) для нового витка ядерной гонки. Здесь не надо быть аналитиком CIA или КГБ. Проще не бывает.

Ситуация с «Дельмаром» вроде бы ясна: девять лет без «отпуска», пора пришла, как писал А.С. Пушкин:

*Летят за днями дни,
Покою сердце просит.
И каждый час...*

Каждый час...

«Сегодня, – рассуждает В. Лота в «Ключах от ада», – может возникнуть вопрос о том, правильно ли поступал Жорж Коваль, добивавшись прекращения специальной командировки в США и возвращения домой? На этот вопрос можно дать только один ответ: Жорж Коваль поступил абсолютно правильно. Раньше или позже американская контрразведка установила бы, что он незаконно находится на территории Соединенных Штатов. Дело в том, что в одном из номеров уже упоминавшегося журнала «Найлебен» общества «ИКОР» была опубликована фотография семьи Ковалей, прибывших в Биробиджан. На переднем плане в центре этой фотографии был запечатлен Жорж Абрамович, прибывший из США в Россию в 1932 году. Этого было бы достаточно, чтобы американская контрразведка проявила к сержанту американской армии Ковалю повышенный интерес. Хорошо, что этого удалось избежать...»

ЖОРЖ КОВАЛЬ

Заканчивая эту главу, следует отметить, что «Дельмар» был не единственным источником информации по инициатору для ядерного заряда. В первом томе книги выпускника московского физтеха, редактора ушедшего от нас «Крокодила» Ст. Пестова «Бомба: три ада XX века» (вероятно, Ст. Пестов к тому времени еще не слышал о «Дельмаре») прописано: «Клаус Фукс также обрисовал инициатор, полониево-берилловый источник нейтронов, окруженный золотой фольгой для поглощения нейтронов. При имплозии волна раздавливает фольгу этого инициатора, и он впрыскивает нейтроны в сжатый до критической массы плутоний».

Неторопливый уход: с вещами на выход

Менделеевцы 1950-х вспоминают Жоржа Ковалья в американской офицерской шинели. Отчего офицерской? Вот и задумаешься, была ли эта шинель в багаже морского путешественника или все проще: купил на одной из московских (или подмосковных) послевоенных барахолок, где такого добра хватало. Как выводили «Дельмара» в «Новый свет» (можно в нашем случае и без кавычек) мы уже кое-что узнали, чему-то из узанного верим, в чем-то сомневаемся, над чем-то просто усмехаемся, а что-то сами домысливаем. Всякий читатель на такое имеет соб-

section 1

Federal Bureau of Investigation
Freedom of Information / Privacy Acts
Release
Subject: GEORGE ABRAMOVICH KOVAL

Federal Bureau of Investigation, U. S. Dept. of Justice

10-17108

and ABOVE ANSWERS AND THAT THEY ARE TRUE.

G Koval
(Registrant's signature)

signed and know that making or being a party to making any false statements punishable by fine and imprisonment.

G Koval
(Signature of person examined)

able to punishment by fine and imprisonment.

George Koval
(Signature of person examined)

George Koval
(Signature of person examined)

Date of mailing *4 4*

Names *George* *Koval*
(First) (Last)

Address *Co Silver 3470 Cannon Pl.*
(Number and Street or R. F. D. route)

Ar
(City or town) (County) (State)

FILE TO REGISTRANT

ственное «авторское право». Как нам подадут выход Жоржа Коваля из «эномозной» гигантской игры? Какова дорога к Москве – на Большую Ордынку, 14, кв. 1, или на Знаменку, 19, или на Миусы 5/2...

Издание Smithsonian journal (May 2009):

«Его отъезд был нетороплив. Честно отслуживший в Армии в 1946, он возвратился в Бронкс и в CCNY, где присоединился к Eta Kappa Nu, электротехническому братству, и получил степень бакалавра по электротехнике с отличием 1 февраля 1948. (Еще один менделеевский рекорд – первый бакалавр из наших!) Несколько месяцев спустя, он сказал друзьям, что он думает об отъезде за рубеж, в Польшу или Израиль. Согласно Norris, Коваль получил американский паспорт для путешествия на шесть месяцев по Европе от имени компании под названием Atlas Trading. В том октябре он приплыл в Гавр на борту американского океанского лайнера, чтобы никогда не возвращаться назад».

В нашем переводе на русский всё звучит даже красиво. Изучавший подчищенное досье на Ж.А. Коваля в ФБР А. Шитов рассказывает о жизни «Дельмара» после демобилизации спокойно:

«После демобилизации «Дельмар» вернулся в Нью-Йорк и еще два года учился в том же Городском колледже, который с отличием и окончил. В 1948-м он рассказал знакомым, что его пригласили поработать на строительстве электростанции в Европе, выправил с помощью компании «Атлас трейдинг» паспорт для поездки в качестве ее коммивояжера во Францию, Бельгию, Швейцарию, Швецию и Польшу и 6 октября взшел на борт парохода «Америка», отправлявшегося в Гавр. Так что, «Good bye, America» – «Дельмар» мог произнести и в порту Гавра.

Годы спустя ФБР старательно проверяло, не вернулся ли он часом впоследствии обратно в США. Вместе с ЦРУ Бюро пыталось также искать его в Западной Европе и Латинской Америке. Однако «Дельмар» в это время находился уже в Москве. Уникальная «спецкомандировка на родину» была для него благополучно завершена».

М. Уэлш, вероятно тоже покопавшийся в шеститомном ФБР-овском досье на Коваля (обложка дела на стр. 128), наш тассовец заглянул (дали взглянуть) только на два из них, замечает:

«Неясно, что побудило ФБР начать свое расследование о Ковале в середине 1950-х. В результате было собрано множество разрозненных документов, содержащихся в шести томах, которые включали типичные подробные интервью ФБР с друзьями Коваля, родственниками и коллегами, большинство из которых были сильно отредактированы. В то же время расшифровки текстов стенограмм дают несколько намеков на местонахождение Коваля после того, как он уехал из США.

ЖОРЖ КОВАЛЬ

Открытка из Аргентины, сообщения из Парижа – но они не дают никаких заключений о его действиях или побуждениях».

Где открытка из Аргентины, кто адресат. Дядя и тетя – любители путешествий и т.д. (см начало цитаты – неясно и далее «большинство» документов «были сильно отредактированы».

Просвещал нас (правда вопросом) насчет маршрута Жоржа Ковалья и Ю.А. Лебедев: «Каким образом, избежав внимания ЦРУ (о досье в ФБР на Ковалья Ю.А. на тот момент еще не ведал, Крамиш не проговорился – А.Ж), легально покинул (здесь также вопрос – точно ли легально, хотя косвенная информация, между строк, читается как легально – А.Ж.) США и из Франции на знаменитом «Восточном экспрессе» (Один из маршрутов экспресса – Париж – Будапешт – Бухарест – Стамбул. Прага в маршруте не значится -А.Ж.) через Гавр и Прагу вернулся в Москву...»

Сам Ж.А о возвращении в Москву сообщил кратко: «Моя разведработа в качестве нелегала длилась до ноября 1948 г., когда я вернулся в Москву».

Как выглядела наша первопрестольная Москва 1948-го глазами 35-летнего человека, 28 лет прожившего в Америке, из окна вагона, пассажирского поезда, видевшего послевоенную разруху. Есть один занятный литературный источник о Москве послевоенной, о ее днях будничных и праздничных 1947-го года – это «Русский дневник» (на английском, издание 1948 г.) американского литературного нобеля – Джона Стейнбека (изданий Стейнбека на русском предостаточно).

Сам Джон Стейнбек персона для Москвы известная, популярная даже в анекдотических байках. Выше анекдота уровня народной славы нет, может только песня в веках не уступит анекдоту в людской популярности. Вот только после его очередного “номера во Вьетнаме – стрелком-радистом в кабине

американского боевого бомбардировщика – шутки даже в народе закончились... Газеты в СССР умели читать с любой стороны.

С Джоном Стейнбеком мы, двое студентов-менделеевцев, столкнулись в ноябре 1963г. в небольшом «Художественном салоне» – магазине, что на улице

Горького с нашей менделеевской стороны. С однокурсником мы покупали в подарок другу гравюру с портретом Хемингуэя (портрет Евтушенко мы уже кому-то подарили) и расплачивались в кассе без особого интереса, не иначе перекинулись взглядами с седоватым франтом с бородкой, сидевшим на единственном стуле в зальчике напротив, мне показалось, мелькнула секундная гримаса на его лице с трубкой в зубах (sic!), когда он увидел нашу гравюру с Эрнестом Х. На следующий день с удивлением смотрели на фотографию в газете этого франта с подписью: «Джон Стейнбек в Москве».

С публикациями Стейнбека о Москве середины 1960-х не знаком, но кому из москвичей было не известно о его “личных” наблюдениях прямо-таки в хемингуэевских вариантах: о классическом “на троих... по рублику” в Елисеевском, и о несмываемом (химическим карандашом) номерке на икре левой американской эпилированной ноги в московском вытрезвителе...

В любом случае, картинки московской жизни американца по Стейнбеку могут впечатлять.

Вернемся в послевоенную Москву:

«Я был здесь всего несколько дней в 1936 году и перемены с тех пор произошли огромные. Во-первых, город стал гораздо чище, чем тогда. Многие улицы были вымыты и вымощены. За эти одиннадцать лет грандиозно выросло строительство. Сотни высоких новых жилых домов и новые мосты через Москва-реку, улицы расширяются, статуи на каждом шагу. Исчезли целые районы узких и грязных улочек старой Москвы, и на их месте выросли новые жилые кварталы и новые учреждения.

Повсюду заметны следы бомбежки, но разрушения незначительные. По-видимому, немецким самолетам не очень удавалось прорываться к Москве. Некоторые корреспонденты, которые работали здесь во время войны, рассказали нам, что противовоздушная оборона была настолько эффективной, а истребители так многочисленны, что после нескольких воздушных боев немцы, понеся большие потери, практически оставили попытки воздушных налетов на Москву. Но несколько бомб все же было сброшено: одна попала в Кремль, несколько других — на окраины. К этому времени «люфтваффе» изрядно потрепали над Лондоном, и немцы уже не хотели жертвовать большим количеством самолетов, чтобы бомбить хорошо защищенный город. Мы заметили также, что город приводят в порядок. Все дома стояли в лесах. Их заново красили, кое-где ремонтировали, ведь через несколько недель город справлял свое 800-летие, которое собирались празднично и торжественно отметить. А через несколько месяцев после этого наступала 30-я годовщина Октябрьской революции.

Электрики развешивали гирлянды лампочек на зданиях, на Кремле, на мостах. Работа не останавливалась вечером, она продолжалась ночью при свете прожекторов; город прихорашивался, приводился в порядок: ведь это будет первый послевоенный юбилей за многие годы.

Но, несмотря на предпраздничную суматоху, люди на улицах выглядели усталыми. Женщины очень мало или совсем не пользовались косметикой, одежда была хоть и опрятной, но не очень нарядной. (фото на стр. 130 из книги Д. Стейнбека)

Большинство мужчин носило военную форму, хотя, они уже не служили в армии. Их демобилизовали, и форма была единственной одеждой, которую они имели. Форма была без знаков различия и погон» (вспомним, что аспирант Ж. Коваль порой приходил на кафедру в американской шинели).

Откровенно, даже с чувством некоторой брезгливости, Д. Стейнбек пишет о спекулянтах (предках известной московской «фарцы» из посольства США – “make money” жизненный постулат янки не ржавел, несмотря ни на НКВД, НКГБ и прочие, и прочие. Москвичи нуждались во всем, у кого-то были большие деньги, нажитые не только авторским правом, но и тыловыми делишками иного толка или и тем, и другим, был нужен не только яичный порошок. Посольская «фарца», заметная, знаковая для определенных общественных формаций любого времени, но чтобы шпионы с диппаспортом спекулировали, здесь Голливуду нужно отдышаться. Атмосферу Москвы Стейнбек, как мог, несколько был способен, безусловно почувствовал, даже с налетом некоторой романтики. Вот москвичей в дневнике, увы, нет. Масса из стереотипа: «в форме, без погон и знаков различия».

Опять вопрос, «без формы и погон» – это ясно, но где служил (до-служивал в рядах Советской армии) в эти дни, где наш герой составлял свой девятигодовой отчет. Времени было достаточно, следует думать, что рядовой необученный Коваль мечтал и о сроке второго «дембеля» как об освобождении из тенет разведки, хотя бы их ослаблении. Мечтал ли он о науке? Мечтал, несомненно, строил ли свои научные планы на базе знаний и опыта, полученных в американских атомных научно-промышленных резервациях: Ок-Ридже и Дейтоне. Вопрос, как многие из заданных в этой книге, без ответа.

Что там за атмосфера на нашем родном евроазиатском, еще неа-томном дворе?

Ноябрь 1947 г. – министр иностранных дел СССР В.М. Молотов сделал заявление относительно секрета атомной бомбы, сказав, что «этого секрета давно уже не существует». (Выше мы уже сделали свой комментарий к этому заявлению).

1948/49 гг. Жорж Коваль пишет отчеты для своей «конторы».

Сентябрь 1949 г. – первый советский ядерный взрыв под Семипалатинском.

По мнению Ю.А. Лебедева, отчет был готов в начале 1949 г., где-то в феврале–марте. Дальше, по мнению Ю.А., как раз к моменту завершения Ж.А. Ковалем этой работы, произошли какие-то крупные «подковерные разборки» в советском руководстве, в результате которых Комитет Информации (КИ), объединявший Первое Управление бывшего МГБ и ГРУ ГШ и до тех пор подчинявшийся Совмину (практически – Л.П. Берию), был организационно подчинен непосредственно МИДУ, т.е. В.М. Молотову! Произошло это как раз в феврале 1949 года.

Организационное переподчинение это, как известно, прежде всего переподчинение кадров. Таким образом, оценивать проделанную разведчиком Ковалем работу и определять возможности его использования в дальнейшем пришлось уже новым, чуждым специфики агентурной работы людям и с учетом новых, «МИДовских» критериев.

С МИДовских позиций проделанная Ковалем разведывательная работа была совершенно никчемной – никакой реальной «политической кухни». Никаких не только вербовок, но даже контактов с влиятельными американцами, какая-то сплошная «химия искусственных элементов».

Действительно, научно-техническая разведка ставит иные задачи для своей корпорации, отличные от дел политической разведки. Да и роль МИДа СССР в

МВС СССР
 ВОЙСКОВАЯ ЧАСТЬ
 № 38729
 г. Москва

Отпускной билет № 51
 Предъявитель сего Военнослужащий
 КОВАЛЬ Жорж Абрамович

уволен в очередной отпуск за 1949 г. ст. Волочаевка 2, Хабаровского края, колхоз им. 18 Партс'езда.
 сроком на 50 (пятьдесят) суток
 с 7 мая по 25 июня 1949г.
 Уволенный в отпуск КОВАЛЬ Ж.А.
 обязан по окончании срока его явиться к месту службы в город Москва
 26 июня 1949г.

Для проезда туда и обратно выданы перевозочные документы требования по форме № 1 за № 429 046
 первое на проезд от станции (пристани) Москва до станции (пристани) Волочаевка-2 по маршруту и обратно
 и второе на проезд от станции (пристани) до станции (пристани) по маршруту

ПОМ. НАЧАЛЬНИКА В/ЧАСТИ 38729
 Подпись
 ПОЛКОВНИК (ЕГОРОВ)
 мая 1949г.

Отдел кадров Войсковой части 38729

ЦУ МВС СССР Москва

ЖОРЖ КОВАЛЬ

судьбе Жоржа Ковалья не идет дальше технических (овировских) услуг – паспорта, визы и пр.

Демобилизовался Жорж Коваль, «рядовой необученный» (откуда все-таки взялась эта «спарка», рядовой необученный?) **шестого июля** (прямо по Н.В. Гоголю – в ночь на Ивана Купалу, колдовской для России день) 1949 года.

Интересный документ из семейного архива Ковалей (стр.133):

- Отпускной билет № 51, выданный на предъявителя, военнослужащего Ковалья Жоржа Абрамовича, уволенного в очередной отпуск за 1949 г. ст. Волочаевка – 2, Хабаровского края, колхоз им 18 Партсъезда сроком на 50(пятьдесят) суток с 7 мая по 25 июня 1949 года. (Хороший отпуск для рядового – 50 суток!).

Погостил Жорж у родителей меньше месяца с 17 мая по 14 июня 1949 года. Говорили о чем? Додумать с позиций дел атомных можно, вопрос только один – шла ли речь о бомбе (под Семипалатинском еще не взорвали). Думаю, нет.

Как документальное подтверждение реального волшебства (колдовства) этого дня 6 июля 1949-го – копия выписки из военного билета (серия Ж № 614111) выданного Ленинским (г. Москва) районным военным комиссариатом (по месту жительства, конечно, т.е. по месту прописки в домовой книге).

В копии выписки, хранившейся в отделе кадров МХТИ им. Д.И. Менделеева, два пункта:

18. Призван Советского РВК г. Москвы 25.10.1939 г. (*В Советском районе Москвы в 1939 г. располагался наш институт – А.Ж.*)

Признан годным к строевой службе и зачислен в Войсковую часть №38729.

СССР		копия
ВОЕННЫЙ БИЛЕТ		
Серия Ж № 614111		
Фамилия – Коваль		
Имя и отчество – Жорж Абрамович		
Год рождения 1913		
Личная подпись владельца (подпись) Коваль		
Выдан Ленинским (г.Москва) районным военным комиссариатом		
6 июля 1949 г.		
печать	Военный комиссар Ленинского РВК	подпись
подпись		
Сведения о прохождении призыва на действительную службу		
Призван Советским РВК г.Москвы 25.10.1939 г.		
Призван голыми и строевой службе и зачислен в Войсковую часть № 38729		
Краткие сведения о прохождении службы в кадрах Красной Армии, Военно-Морского флота, пограничных и внутренних войск Министерства внутренних дел		
В/часть 38729 – переводчик Х.1939 г УП-1949 г		
Демобил. на основании Указа Презид.Верхов.Совета СССР от 4.2.1947 г 6.УП-1949 г.		

21. Краткие сведения о прохождении службы в кадрах Красной Армии: В/ часть 38729 – переводчик X – 1939 г. – VII – 1949 г.

Демобилизован на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4.2.1947 г.

6/VII – 1949 г.

Информации о звании и наградах в выписке нет – известен срок службы в Красной Армии: октябрь 1939 г. – 6 июля 1949 г. – без трех месяцев десять лет, хорошо еще, что с правом переписки.

Прощайте, тесные ряды РУКА, прощай, Генштаб Советской Армии, прощай, в/ч 38729. Писать не обязуйтесь...

Вновь на Миусах (аспирантура 1949 – 1952 гг.)

20 июня 1939 года Жоржу Ковалю, после защиты дипломной работы по обогащению криптонового концентрата была присвоена квалификация инженера-технолога по специальности технология неорганических веществ. Семафор на жизненных путях обозначил магистральный путь в науку – варианты: научная работа в ВЭИ, аспирантура на родной кафедре, вероятно возможной была и комбинация (ВЭИ и ТНВ).

Здесь позволим себе сделать небольшое отступление – экскурс в 1939-й год...

Дипломник ВЭИ

Дипломную работу по разделению смесей редких газов студент МХТИ Жорж Коваль (по совместительству сотрудник ВЭИ) выполнял в лаборатории редких газов (холодильных технологий) Всесоюзного электротехнического института под руководством кандидата технических наук Владимира Герцовича Фастовского.

В.Г. Фастовский – выпускник МХТИ им. Д.И. Менделеева по кафедре Н.Ф. Юшкевича технологии основных химических производств. С одним лишь «но» – «выпустили в свет» его как «плановика» (начинал учиться в Киевском институте народного хозяйства, зачетка на стр. 136).

ЖОРЖ КОВАЛЬ

Что представляла собой лаборатория редких газов ВЭИ в 1930-е годы видно из публикации журнала «История науки и техники» № 9/2011: «В начале тридцатых годов в ВЭИ была образована лаборатория редких газов – подразделение, в котором в течение более 50 лет с помощью воздухоразделительной установки получали жидкий азот и газообразный кислород для нужд института.

В 1936 г. эту лабораторию возглавил и руководил ею вплоть до 1978г. известный ученый, доктор технических наук, профессор В.Г. Фастовский. Лаборатория под его руководством, человека с широким научным кругозором, проводила актуальные фундаментальные теоретические и научно-технические работы. Это встречало полное понимание со стороны руководства института того времени.

В лаборатории на протяжении ряда лет проводились опытные работы по изучению отдельных процессов технологии редких газов. Еще в 1936 г. была создана установка для получения спектрально чистого аргона из азото-аргоновой смеси и розлива его по стеклянным баллонам. Эта установка эксплуатировалась с 1936 г. по 1989 г. В 1936/37 гг. была спроектирована и сооружена первая в СССР опытная кислородно-крипто-

тоновая установка. Полученная чистая криптоно-ксеноновая смесь использовалась научно-исследовательскими институтами, Московским электроламповым заводом и другими организациями. В лаборатории велись обширные исследования свойств и фазовых равновесий смесей таких газов. Данные о фазовых равновесиях использовались при проектировании промышленных воздухоразделительных аппаратов. Под руководством к.т.н. Ю.В. Петровского в лаборатории систематически занимались разработкой криогенных установок и аппаратов, изучением теплоотдачи и фазовых равновесий. Эти работы стимулировались запросами развивающихся областей электротехники (светотехники, электроламповой промышленности), оборонными заказами, освоением

ЖОРЖ КОВАЛЬ

1939 год – «все еще живы», но на Западе уже начали партию большие и малые игроки мировой политики, и 1949 год – от победы уже не только умиление, но и взгляд окрест (разруха, голод, порой неопределённость: как жить без команды от дневального, да и взор в будущее пока невесел).

МХТИ им. Д. И. МЕНДЕЛЕЕВА 1939 г.		ЭКЗАМЕНАЦИОННЫЙ ЛИСТ на право прохождения приемных исп. аспирантуру МХТИ им. МЕНД.	
ФАМИЛИЯ	<i>Коваль</i>	ИМЯ	<i>Жорж</i>
1. Основы марксизма-ленинизма		<i>отлично</i>	
2. Иностранный язык		<i>(англ. яз) отлично</i>	
3. Технология		<i>хорошо</i>	
Секретарь аспирантуры		<i>Шатловский</i>	

Документ № 1 (в нашей нумерации) из дела аспиранта Ж. Ковалья: Заявление в аспирантуру с отрывом от производства – «Прошу допустить меня к приемным испытаниям» (на стр. 137).

Как видите, эта просьба из 1939 г. и следующий документ из архивного досье – характеристика «на предмет предоставления в аспирантуру» – подписана секретарем комитета ВЛКСМ 1939 г. Е. Шатловским.

Х А Р А К Т Е Р И С Т И К А . -

КОВАЛЬ Жорж Абрамович, 1913 года рождения, член ВЛКСМ с 1936 года, состоит на учете в комсомольской организации МХТИ им. Д. И. МЕНДЕЛЕЕВА с 1936 года.

За время пребывания в комсомольской организации МХТИ им. Д. И. МЕНДЕЛЕЕВА тов. КОВАЛЬ активно участвовал в общественно-жизни института: работал пропагандистом, председателем профцехбюро технологического ф-та. Тов. КОВАЛЬ добросовестно относится к порученной ему работе. Порученную работу всегда доводит до конца. Политически грамотный, дисциплинированный комсомолец.

Характеристика выдана на предмет представления в аспирантуру МХТИ им. Д. И. МЕНДЕЛЕЕВА.

СЕКРЕТАРЬ К-ТА
ВЛКСМ МХТИ им. МЕНДЕЛЕЕВА

Шатловский
/ШАТЛОВСКИЙ/

Автобиография Ковалья Ж.А.

Я родился 25/ XII – 1913 г. в городе Сью Сити, штат Айова, в США. Мой отец работал плотником. Мать была домохозяйкой. Я там учился, закончил среднюю школу в городе Сью Сити и 2 курса университета

Айова, в городе Айова Сити. В 1932 г. я, родители и 2 брата приехали СССР, в Еврейскую Авт. область (тогда Биробиджанский район), где мы вступили в колхоз Икор. Мои родители и старший брат находятся там до настоящего времени. В 1934 я поступил в МХТИ им. Д.И. Менделеева, который закончил в 1939 г. С февраля 1939 г. Работаю в качестве ст. техника и теперь инженером в лаборатории инертных газов, Всесоюзного электротехнического института.

В 1936 г. вступил в ВЛКСМ. За время учебы выполнил ряд общественных работ, в том числе был пропагандистом истории ВКП(б) и членом профкома технологического факультета. Женат. Моя жена Иванова Людмила Александровна член ВЛКСМ, в 1939 г. закончила МХТИ в настоящее время работает на Дербеневском хим. заводе. Брат учится в МХТИ на 4-м курсе. За границей в США у меня много родственников, дяди и тети. Связи с ними не имею в течение последних 2-х лет.

1/IX – 39 г.

Коваль Ж.А.

Посмотрите на дату: 1 сентября 1939 г. – в Европе начали кровавую бойню. Редкий, витиеватый стиль казенного заявления – «желая быть», «прошу допустить», «буду сдавать английский язык», «прилагаю следующие документы»:

автобиография;

диплом № 207162 от 29.06.1939 г.;

три фотокарточки;

военный билет;

характеристика комитета комсомола МХТИ (июль 1939 г.).

Автобиография стала покороче, ближе к клише для советского гражданина – пионер СССР (один листок) – пенсионер союзного значения (один листок). Что следует отметить: «с февраля 1939 г. работаю в качестве ст. техника и теперь инженера в лаборатории инертных газов Всесоюзного электротехнического института» («Теперь» на календаре 1/IX – 39 г.).

На автобиографии отметка кадровика (или инспектора отдела кадров) жирным цветным карандашом производства ф-ки Сакко и Ванцетти – «Гражд. СССР». Можно подумать, что в аспирантуре МХТИ были граждане иностранных государств (впрочем, вероятность такого была – эвакуированные из республиканской Испании).

Экзаменационный лист на право прохождения приемных испытаний в аспирантуру МХТИ им. Д.И. Менделеева (стр. 138). Что за испытания, кто в экзаменационном “ОТК”:

13.09.1939 г. Основы марксизма-ленинизма «отлично» (Дунаева?);

ЖОРЖ КОВАЛЬ

- иностранный язык (английский язык) – отлично (подпись неразборчива);

- технология – хорошо (В. Шульц, Н. Торочешников).

«Технология – хорошо» – это тоже стиль, ну как же, только открываешь врата к источнику глубоких знаний науки и технологии. И еще из погружения в атмосферу действий: 1939 год – в обиходе популярна фраза «Держи фасон, ...», вместо многоточия можно поставить фамильярное имярек, в данном случае – «американец».

В.В. Шульц – в 1939 г. заведующий кафедрой технологии неорганических веществ, Н.С. Торочешников – доцент этой кафедры.

На экзаменационном листе фото 3x4 – 26-летний Жорж Коваль с политзачесом, да «уголок» справа, как просили кадровики, на уголке устаревшая печать с принадлежностью «ГУУЗ – НКТП».

Дальше небольшая характеристика от зав. кафедрой ТНВ проф. Шульца.

Несколько смущает дата визы секретаря аспирантуры 29/XII-39 г. – но это всего лишь техника делопроизводства.

Вот документ (выписка из приказа ГУУЗ'а НКХП СССР) от 09.11.1939 г. (стиль документа вновь впечатляет):

На основании результатов приемных испытаний и утверждения Комиссией ГУУЗ'а НКХП зачислить аспирантами Москов. Химико-технологического и-та им. Менделеева:

инж. Ковалья Ж.А. – аспирантом по каф. технологии неорганических веществ с отрывом от производства с 1/XI - 39 г. по 1/XI- 1942 г. Руководитель проф. Шульц.

Нач. ГУУЗ'а НКХП СССР – Степанюк.

Вроде, все ясно, виден и срок окончания 01.11.1942 г. Человек предполагает, в данном случае предполагают даже трое – неведомый нам Степанюк, профессор В.В. Шульц и инж. Коваль Ж.А, а рок, fatum, судьба – располагают за них. В ноябре 1942 г. Жорж Коваль – сотрудник Raven Electric Company (сохранились ли какие-то кадровые списки REC).

Время и атмосферу аббревиатур и сокращений РУКА, REC, ASTP, CCNY, SED, Manhattan Project, FBI автор попытался осветить в предыдущих главах.

Шестого июля 1949 г. переводчик войсковой части № 38729 уже Советской армии в очередной (второй) раз снял погоны (на сей раз гипотетически, ибо их просто не было). Июль. Что делают москвичи летом – ищут «тенечек» на природе.

Аспирантский «учебный год» начинался в вузах с первого октября, и

это было логичным решением: разобрались с абитуриентами, приступили студенты к занятиям, пришло время аспирантов.

19 сентября 1949 г. демобилизованный Жорж Коваль пишет заявление на имя директора МХТИ проф. Жаворонкова Н.М.:

«Прошу Вас зачислить меня аспирантом по кафедре технологии искусственного и жидкого топлива и газа» (стр. 141).

Далее Коваль объясняет причину смены кафедры: умер профессор В.В. Шульц, и аспирант остался без руководителя.

Интересна виза Н.М. Жаворонкова – директора института и зав. кафедрой связанного азота и редких газов (в принципе, дело политики, но в реальности это кафедра ТНВ Н.Ф. Юшкевича и В.В. Шульца):

«Подготовить письмо в Главк (т.е вариант бывшего ГУУЗ'а – А.Ж.) о восстановлении Ж. Ковалья и утверждении научным руководителем чл. – корр. АН СССР Чернышева А.П. Согласие последнего имеется.

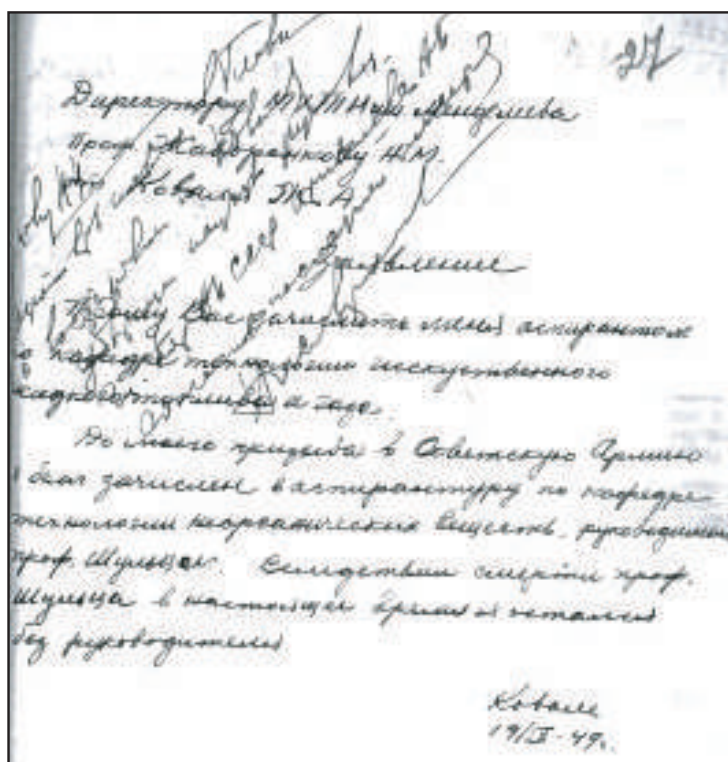
Н. Жаворонков».

Вопросы и ответы (гипотетические) по заявлению от 19.09.1949 г.

Вопрос – почему была выбрана кафедра технологии искусственного и жидкого топлива и газа?

Ответ – это направление технологии, после знакомства наших специалистов с германскими разработками, казалось очень перспективным (и в деле проекта СССР по ракетам). Н.М. Жаворонков, прекрасно знавший Ковалья-студента, хотел, чтобы на новой кафедре был хорошо подготовленный специалист. Согласны?

Другая сторона вопроса и ответа (известная нам на сегодня). В Менделеевке открыт для нужд ядерного проекта СССР инженерный физико-химический факультет. В числе основателей ИФХ 1949 года и директор Жаворонков Н.М., и замдиректора, первый декан ИФХ Д.А. Кузнецов – оба прекрасно знают Ковалья. Они,

в принципе понимают, чем будет заниматься ИФХ. А вот Коваль Ж.А. должен будет забыть, чем он занимался в Ок-Ридже и Дейтоне. Дога-

ЖОРЖ КОВАЛЬ

дывались ли директор и декан, чем занимался переводчик из в/ч38729 в 1944 – 1946 гг.? Ответ – нет.

В копии письма Жаворонкова Н.М. в Главк химико-технологическим вузами МВО П.М. Решикову указана дата отчисления Ковалю из доверенной аспирантуры – 7 декабря 1939 г.

Что не позволило Жоржу Ковалю заняться искусственным топливом, знают только десять сентябрьских дней 1949 г. Кстати, чл.-корр. Чернышев А.Б. знал брата Ж.А. – Гейби Ковалю, выпускника «по пирогенной специальности» 1941 г., профессор Чернышев А.Б. читал для этой группы спецкурс.

В последний день сентября 1949 г. Ж. Коваль пишет заявление о восстановлении его на кафедре

Восстановление на кафедре
ТНВ и просит утвердить в качестве
научного руководителя профессора
Кузьминых И.Н. (следует заметить, что
до войны проф. Кузьминых И.Н. был
жестким оппонентом менделеевскому
профессору Шульцу В.В. в делах
стахановской интенсификации
процесса производства серной
кислоты башенным способом (См.
«Журнал химической промышленности»
за 1939 г.).

Виза на заявлении Ж. Ковалю
тверда, судя по почерку –
«Согласен. И. Кузьминых.
30.IX.49» (стр. 142).

Оперативно, т.е. уже на
следующий день 01.10.1949г.,
заместитель Министра высшего
образования СССР А. Самарин,
утверждает восстановление Ж.
Ковалю в аспирантуре, причем
без бюрократического крохоборства:
в срок аспирантуры не засчитаны
далекие дни 1939 г., а ведь могли
бы и засчитать.

Срок окончания аспирантуры
установлен – 1 октября 1952 г.
(стр. 143).

12 октября приказ
Министерства высшего
образования СССР подтверждает
Н.М. Жаворонков – такова
процедура принятая решений –
«с выплатой стипендии с 1
октября в размере 780 руб.
в месяц».

Даже не в диком капитализме
уместен бытовой вопрос – много
это

ТНВ и просит утвердить в качестве научного руководителя профессора Кузьминых И.Н. (следует заметить, что до войны проф. Кузьминых И.Н. был жестким оппонентом менделеевскому профессору Шульцу В.В. в делах стахановской интенсификации процесса производства серной кислоты башенным способом (См. «Журнал химической промышленности» за 1939 г.).

Виза на заявлении Ж. Ковалю тверда, судя по почерку – «Согласен. И. Кузьминых. 30.IX.49» (стр. 142).

Оперативно, т.е. уже на следующий день 01.10.1949г., заместитель Министра высшего образования СССР А. Самарин, утверждает восстановление Ж. Ковалю в аспирантуре, причем без бюрократического крохоборства: в срок аспирантуры не засчитаны далекие дни 1939 г., а ведь могли бы и засчитать.

Срок окончания аспирантуры установлен – 1 октября 1952 г. (стр. 143).

12 октября приказ Министерства высшего образования СССР подтверждает Н.М. Жаворонков – такова процедура принятая решений – «с выплатой стипендии с 1 октября в размере 780 руб. в месяц».

Даже не в диком капитализме уместен бытовой вопрос – много это

или мало. Ответ из тех лет может прозвучать в широком диапазоне: “Ткачиха- стахановка на 8 станках – 800 руб. в месяц (!). Доллар США по курсу Госбанка СССР – 4 руб. (!). Для Москвы, для «рядового необученного» Дельмара – конечно, негусто.

Итак, 1 октября 1949 г. «прогрессивное человечество» всего мира отметило, кто как смог, день образования Китайской Народной Республики, а в квартире № 1 дома 14 по Большой Ордынке был чай в семье Ковалей–Ивановых по случаю восстановления первого в аспирантуре.

Не интересно (вроде бы, сколько можно), аспирант Коваль 27 октября 1949 г. пишет свою очередную автобиографию, в этот раз для аспирантуры МХТИ, но факты, детали и даже стиль и нюансы рукописи говорят или подсказывают о многом из жизни Ковалья (и его поколения тоже). К сожалению, утрачен (нет в личном деле начальных страничек). Что извлечем, какие факты – из этого документа:

« Я в 1934 году, а все остальные члены семьи несколько позже ...»
(О советском гражданстве).

«В декабре 1939 г. я был призван в Советскую Армию (все-таки в декабре – А.Ж), где служил на специальном объекте до демобилизации в 1949 г.»

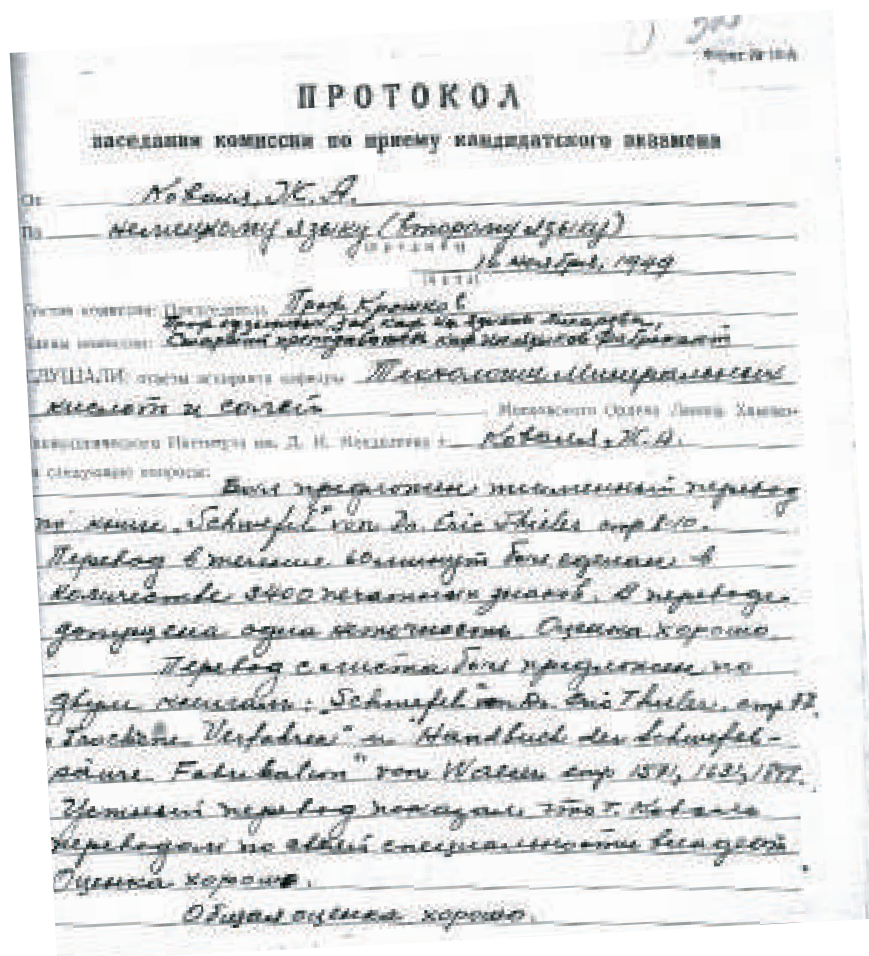
Дальше рутинная работа аспиранта, все по плану :1-й год обучения – кандидатские экзамены, 2-й – эксперименты, эксперименты, 3-й – подготовка диссертационной работы. Тема работы для присуждения степени кандидата технических наук “Массопередача на горизонтальных ситчатых тарелках (на примере десорбции мало-растворимых газов и испарения воды)». Первый дипломник Ж.А. – Анатолий Иванович Родионов, воспоминания которого были опубликованы в “Историческом вестнике РХТУ им. Д.И. Менделеева” (№13/2004), а в переработанном авторском варианте, включенны в данное издание (стр.176), отметил: «основная ценность этой диссертации заключалась в том, что в ней была предложена оригинальная методика исследования массопередачи в барботажной колонне».

ЖОРЖ КОВАЛЬ

Сущность этой методики в организации исследования одновременно, (т.е. в одних и тех же гидродинамических условиях процесса испарения воды в воздух и десорбции кислорода (из воды). Такая изящная реализация исследований позволяла сразу определить коэффициенты массопередачи в газовой фазе и жидкой фазе соответственно. На мой взгляд, в диссертационной работе Ж. Ковалья интересен был и «Обзор работ по массопередаче на барботажных тарелках».

Этот интерес зафиксирован многочисленными ссылками (порой и без оных) в работах по массопередаче в процессах абсорбции – десорбции. К примеру, в МИХМовской научной школе профессора А.Н. Плановского – выходца из коллектива профессора А.Г. Касаткина (МХТИ, каф. процессов и аппаратов). Профессор Г.П. Соломаха, в середине 1950-х аспирант Андрея Николаевича, вспоминает о своем старте в делах массообменных. Обращаясь к новоиспеченным аспирантам Г.П. Соломахе и О.С. Чехову, А.Н. Плановский сказал: «Сейчас в барботаже много неясного. Я рекомендую заняться им. Прочтите статью Ж.А. Ковалья и И.Н. Кузьминых в Химпром'е («Химическая промышленность»), потом поговорим подробнее». Так с Олегом Синановичем мы стали барботажниками».

Вернемся к первому году обучения аспиранта Ковалея. 16 ноября 1949 г. экзамен по немецкому языку (второму иностранному). Комиссия в составе: проф. Крешков А.П. (председатель), проф. Кузьминых И.Н., зав. кафедрой иностранных языков Лихарева А.Х., ст. преп. кафедры иностранных языков Фабрикант М.Л. (стр. 144). Вся комиссия – хорошо известные послевоенному поколению менделеевцев люди. (Имя мужа М.Л. Фабрикант – нашей «англичанки» – было популярно в московской студенческой среде середины 1950-х по двум причинам:

- Валентин Фабрикант – профессор, зав. кафедрой физики МЭИ – автор идеи (опубликованной) лазера;
- по студенческой Москве (включая МХТИ, сам слышал от выпускников 1959 г.) злая, да и несправедливая эпиграмма (кто-то назвал этот текст частушкой):

«Гордится Франция Фабри
Германия гордится Кантом
А наше ... МЭИ
Гордится даже Фабрикантом».

Цитирую по книге Ст. Пестова: «Бомба: три ада XX века».
(Авторское право на эпиграмму не защищено и поныне).

Общая оценка «хорошо» – «в переводе допущена одна неточность».

Через год кандидатский экзамен по диалектическому и историческому материализму – в комиссии замдиректора МХТИ доц. Кузнецов Д.А. (председатель), а также известные и даже популярные среди менделеевцев «марксисты»: Щеголев К.Г., Тимофеев И.Ф., Сычев С.В. Оценка – «отлично».

В аспирантских планах руководитель работы отмечает – «проработал аспирантский курс философии. Последний год (т.е. 3-й год обучения в аспирантуре) изучал политэкономия в семинаре научных работников».

Кроме того, И.Н. Кузьминых добавляет, что аспирант прочитал на кафедре три научных доклада. Провел студентам занятия по студенческому практикуму и по дипломному проекту (а точнее руководил дипломными работами и проектами выпускников кафедры И.Н. Кузьминых).

Итоговое резюме руководителя: «Знающий свое дело, добросовестный, настойчивый исследователь. Дисциплинирован, политически грамотен».

На дворе 1952-й, год XIX съезда ВКП(б), впереди 1953-й, смерть Сталина, оттепель, шестидесятники (как и героев Куликовской битвы их с каждым днем все больше и больше – превратности метода подсчета).

Застойные зоны 1952 года

Миусы 1950-х годов – что там нового? Какова атмосфера бытия и действий? «Менделеевец» – популярное издание, возрожденное в сентябре 1949 года, сообщает в № 4 – «Вступила в строй станция метро «Новослободская». Студенты и сотрудники могут добираться на метро до института». (Жорж Коваль жил на Большой Ордынке недалеко от станции «Новокузнецкая». Маршрут его был прост: Новокузнецкая – Площадь Свердлова – Маяковская – Белорусская. Бери месячный проездной за 30 сталинских карбованцев выпуска 1947 года – и по переулкам от радиальной станции метро Белорусской до 1-й Миусской ходу-то каких-нибудь минут 10. «Новослободская» красива и сейчас в усеченном оформлении, а тогда сияла витражами Корина. Легенда гласит, что менделеевские стекольщики руки свои к ним приложили, но звучит она (т.е. легенда) как-тослишком приглушенно.

В славной Менделеевке 1952-го года – 6 факультетов, 44 кафедры, из них 19 профилирующих (т.е. выпускающих) – 3005 студентов (но на выпуск всего 457 человек) и 100 аспирантов (неужели так все кругло?).

Профессорский состав – один академик (В.М. Родионов), 6 член-корр. АН СССР и 41 профессор.

Учебный год начали 842 новых студента, азы науки принялись грызть – полки ребят и девчат рождения 1935-го.

В пятницу 26 сентября 1952 года Жорж Коваль защитил кандидатскую диссертацию. Акт защиты обычно проходил в историческом Малом актовом зале. Совет (в этом случае открытый) был общеинститутским, т.е. один для всех специальностей, в его составе, в основном, присутствовали сплошь менделеевцы. Работа прекрасная, проблем с защитой не было. Отмечали ли защиту на кафедре, вероятно, да, но не в форме застолий XXI века – голодно в стране, и в Москве не сытно. Вроде бы все гладко с диссертацией, со степенью тоже.

Турбулентность атмосферы действий нарастает, КПД дел достаточно высок. Не вдруг, а как-то постепенно возникла «застойная зона» – явление, неприятное для любого «барботажника». «Захлебывание» – да, это предел возможностей, но какие шансы, дело тонкое, поддержать этот режим можно, но трудно. «Застойные зоны» никто не организует специально, они возникают сами, порой из-за ошибки, иногда из-за сбоя в управлении, возможны и другие, часто сразу не очень заметные, причины. За более чем 40-летнее знакомство Ж.А. при мне об этом периоде жизни практически не говорил. Какие документы и публикации

(последних лет) позволяют говорить о тех осенних днях 1952 года. Как можно было заметить, основные наши ссылки на двух биографов Жоржа Ковалю – Юрия Лебедева (менделеевца по жизни и по духу), Владимира Лоту (звания не знаю, ветеран и историограф военной разведки). Оба публициста (журналиста) – широко цитируются, порой, как принято в СМИ (особенно за рубежом), без ссылок, кроме того нам помогают жизнеписать Ж. Ковалю материалы архива РХТУ, газета «Менделеевец», да 12-летней юности ежеквартальник «Исторический вестник РХТУ им. Д.И.Менделеева». Ю. Лебедев пока не задел этот период жизни Ж. Ковалю. В. Лота в публикации «Операция Дельмар» («Красная звезда» от 19 апреля 2002 г.) дал пространное объяснение этой «застойной зоне» и атмосфере ее организации.

В 2002 г. для «Красной звезды» Жорж Коваль – здравствующий пенсионер на Мичуринском проспекте Москвы, разыскиваемый еще в 1996 г. на симпозиуме истории атомного проекта HISAP'96 А. Крамишем, не просто «Дельмар», а еще и Дмитрий М., т.е. где в тексте газеты стоит имя Дмитрий – читай «Жорж Коваль».

«После защиты диссертации, – пишет в «Красной звезде» В. Лота, – у молодого кандидата технических наук неожиданно возникли серьезные проблемы. Никак не мог устроиться на работу в какой-либо институт или на завод. Как ему однажды объяснили в Министерстве высшего образования, «ввиду крайне ограниченной потребности в научных кадрах его специальности».

Это была слабо замаскированная неправда. Около года молодой ученый обивал пороги Министерства высшего образования и других ведомств, пытаясь найти причину, из-за которой стал безработным. Как оказалось, она была на поверхности. Чиновникам не все было понятно в его автобиографии. Десять лет – с 1939 по 1949 гг. – он числился на службе в Красной Армии. Уволенный из армии рядовым, Дмитрий не мог объяснить осторожным чиновникам, как произошло, что он, имея высшее образование, за десять лет службы в армии не смог получить даже звания младшего лейтенанта и имел только одну медаль - «За победу над Германией».

Дмитрий попал в заколдованный круг. Ведь о службе в разведке он не имел права говорить.

В марте 1953 года терпение у безработного кандидата технических наук иссякло, и он решил обратиться к начальнику военной разведки. Решил и сделал.

«Дорогие товарищи! – писал он 10 марта 1953 года. – Обращаюсь к вам в связи с трудным положением, в котором я оказался. Как вам, вероятно, известно, в конце сентября 1952 года я окончил аспирантуру.

ЖОРЖ КОВАЛЬ

Меня Министерство высшего образования должно было направить на работу, но комиссия, которая занималась распределением, не направила меня никуда, а решила оставить «вопрос открытым»...

Я не хотел вас беспокоить, но десятилетняя служба у вас - «белое пятно» в моей биографии. Ведь о характере службы в армии я не имею права никому говорить.

Только вам известно, на каком трудном и ответственном участке мне было доверено служить, и что я честно служил на нем.

Если бы эти десять лет я работал или служил в Советской Армии, как все, я имел бы определенный трудовой стаж или боевой опыт, которые характеризовали меня. При принятии меня на работу обо мне не судили бы, только как о выходце из США.

Моя просьба заключается в том, чтобы вы поговорили обо мне с министром высшего образования т. Столетовым. Для представления мне работы требуется только его личное распоряжение».

Очень интересный документ из недр ГРУ. Можно предположить, что какой-то контакт со «Знаменкой» у Жоржа Ковалья был все послевоенные годы. Любители казусной аналитики могут проанализировать, кто в Разведуправлении из бывлой резидентуры в Штатах работал в марте 1953 года в аппарате ГРУ.

Вот ситуация в Министерстве высшего образования СССР в 1952 году изменилась круто. В опале после XIX съезда ВКП(б) оказался легендарный выпускник Менделеевки 1931 г. Сергей Васильевич Кафтанов. Кстати, не последний человек в делах Атомного проекта СССР, председатель Всесоюзного комитета по делам высшей школы. Что безусловно сказалось на решении вопроса трудоустройства выпускника аспирантуры МХТИ им. Д.И. Менделеева.

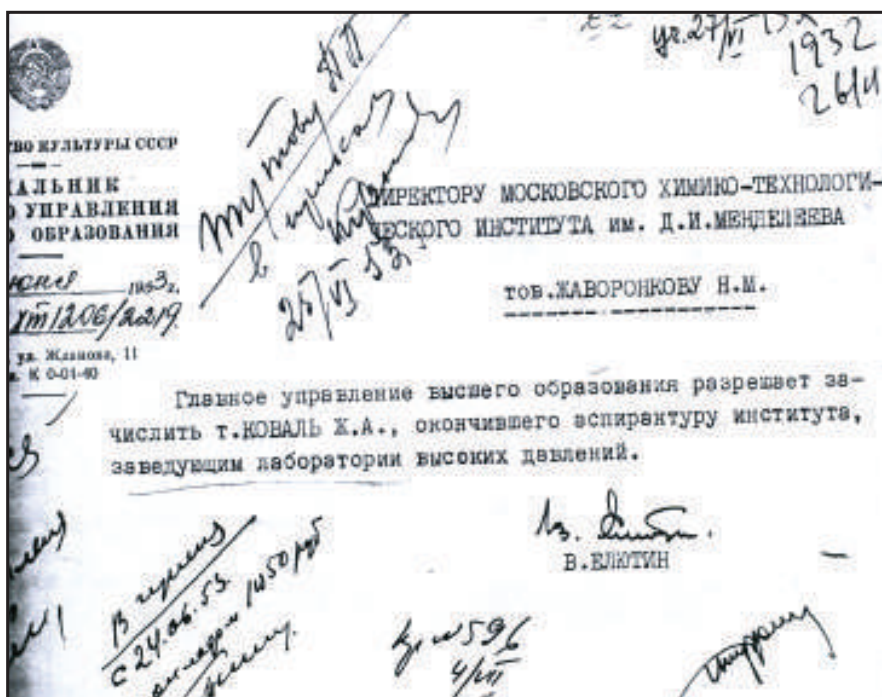
«Начальник ГРУ генерал-лейтенант М. Шалин незамедлительно приказал разобраться в судьбе бывшего разведчика. 16 марта 1953 года он направил личное письмо министру высшего образования В.Н. Столетову. В том письме говорилось, что «с 1939 по 1949 гг. Дмитрий М. находился в рядах Советской Армии. В соответствии с подпиской о неразглашении государственной и военной тайны он не может объяснить характер своей службы, которая проходила в особых условиях. Если это обстоятельство некоторым образом повлияло на решение Министерства высшего образования при определении его на работу, то прошу Вас принять нашего представителя, который сообщит необходимые сведения Вам лично».

После этого письма судьба Дмитрия была решена. В его жизни настала полоса творческих успехов в науке и спокойная семейная жизнь.

Его приняли на преподавательскую работу в институт, который стал для молодого ученого родным домом. В институте он работал около сорока лет, искренне любил свою кафедру, своих коллег, к которым до сих пор относится с большим уважением. Дмитрий любил свой предмет, своих студентов, с которыми умел находить общий язык и прививать интерес к знаниям и точным наукам. Многие из тех, кто слушал его лекции, стали кандидатами технических наук, руководителями крупных химических промышленных предприятий нашей страны».

Из длинной цитаты по «Красной Звезде» отметим две даты: 10 марта 1953 г. Ж. Коваль написал письмо в ГРУ (или канцелярия ГРУ его зарегистрировала, скорее всего, повторяю, письмо было доставлено руководству через посредника. Позвольте немного пофантазировать). Вспомните 9 марта 1953 г. – похороны И.В. Сталина, официальная Москва полупарализована...

16 марта 1953 г. письмо с подписью генерал-лейтенанта М. Шалина доставили на Рождественку, точнее ул. Жданова, 11. (Было ли еще МВО СССР?). Сохранилась копия письма директору Н.М. Жаворонкову с этой самой улицы Жданова, 11 из Министерства культуры СССР от 23 июня 1953 г. («холодное лето 1953 года»):

«Главное управление высшего образования разрешает зачислить т.Коваль Ж.А., окончившего аспирантуру института, заведующим лабораторией высоких давлений.

В. Елютин»

Пошла писать административная губерния второго этажа по адресу Миусы, 9:

Тутову П.П (нач. учебной части
В приказ
Кузнецов 25/VI – 53 г.

ЖОРЖ КОВАЛЬ

В приказ с 24.06.53
с окладом 1050 руб.
П. Тутов

Приказ № 596 4/VII

Так развивались события в дни ареста Л.П. Берии, «всесильного человека» (кстати, и в делах атомных тоже).

Что по сути этого скажут нам документы из архива института. Вот заявление «от Ковалья Ж.А.» (должности нет, но Министерство высшего образования еще существует). От 26 сентября (следующий день после защиты) 1952 г.).

Кафедра технологии минеральных кислот и солей 1952 г.

Заявление (стр.151).

Виза: *И.Н. Кузьминых*. Согласен. По имеющемуся у кафедры фонду зарплаты мы нуждаемся еще в одном сотруднике.

Виза: Ст. бухгалтер Кейтс(?) – свободной должности в ОНИРе мл. научн. сотрудника нет, есть возможность зачислить его лаборантом с окладом 830 руб.

- Согласен. Коваль.

18

С.М.
Заведующий
кафедрой
30/08/52

Директору МОЛХТИ им. Менделеева
проф. Захаровскому Н.М.

г. Ковалев Э.А.

Заявление

Срок моего пребывания в аспирантуре истекает 1 октября с.г. Кандидатская диссертация защищена мною в срок. Однако, вопрос о моем назначении на работу Министерством высшего образования пока еще не решен. Поэтому, впредь до разрешения этого вопроса, прошу зачислить меня с 1 октября в штат ОНЦР на должность младшего научного сотрудника по кафедре технологии минеральных кислот и

Министр
30/08/52

Ковалев
26.08.52.

Согласен. По имеющемуся у кафедры фонду заработной платы ~~не хватает~~ или нуждается еще в одном сотруднике.

И. Куркин

АВТОБИОГРАФИЯ

Коваль, Жорж Абрамович

Человек, имя и отчество

2 - октябрь 1952г.

Я родился 25го дек. 1913г. в городе Стоури, штата Иова, США. Мои родители эмигрировали в США из России в 1910г. Отец работал гербарщиком, потом плотником. Мать была домохозяйка. Я закончил начальную и среднюю школу в городе Стоури и с годами учился на электротехнической факультете университета штата Иова в городе Айова Сити.

В 1932г. наши семья получила визы на репатриацию в Советский Союз и в полном составе (отец, мать, я и двое моих братьев) переехали в СССР, в Еврейскую Автономную Область. Немедленно по приезде в СССР мы подали заявления о приеме в Советское гражданство, которое получили я в 1934г, а все остальные члены семьи нежиданно позже.

По приезде я поступил в колхоз, потом работал на строительстве и сварщик в городе Биробиджан. С 1934 по 1939г. учился в МХПИИ им. Менделеева и закончил его по кафедре технологии порцелина и керамики. В период пребывания в институте я выполнял ряд общественных работ по комсомольской и профсоюзной линии.

В 1939г. я был зачислен на работу в лабораторию этих кафедр Всесоюзного электротехнического института. Уже в это время был принят в аспирантуру.

МХТИИ им Менделеева. В декабре 1939г. призван в Красную Армию, где служил на специальной работе до демобилизации в 1949г.

После демобилизации из армии я подаю заявление о восстановлении в аспирантуре и с 1 октября 1949г по 1 окт 1952г. был аспирантом на кафедре технологии минеральных кислот и солей МХТИИ им Менделеева. 26 апреля 1952г. я защитил диссертацию и получил ученую степень. Кандидат технических наук.

В 1936г. я ~~являлся~~ был принят в ВЛКСМ и был в 1949г. по возрасту.

В 1936г. я ^{закончил} окончил на стипендии МХТИИ им Менделеева. Иванович Л. А., который с 1939г. по настоящее время работает на Дзержинском химическом заводе им Сталина. Моя мать умерла 28.VIII.52. Отец и старший брат до сих пор находятся в концлагере в Еврейской Автономной Области. Младший брат закончил МХТИИ в 1941г., после чего ушел в армию. Он погиб на фронте под городом Влоцк 30.VIII.43г.

Репрессированных родственников и родственников казненных в зоне оккупации не имело. В настоящее время родственники, с которыми связь не имела.

Ковалев
Ф.Х.52г.

Удостоверен в автобиографии №7
7. Января 1957г. Ковалев
Удостоверен №16. апреля 1959 Ковалев
Удостоверен №16. IV. 62. Ковалев

Директору МХТУ ... П. П. Менделеева
из Корр. АН СССР проф. Жаворонкову Н. М.
Кандидата техн. наук Коваль Ж. А.
Прошу Вас назначить меня ассистентом
по кафедре Общей Химической Технологии с
120 сентября 1956г.
Коваль.

Директору МХТУ по химии
проф. В. Ф. Шенюк
от факультета ОХТ Коваль Ж. А.
Прошу Вас освободить меня от занимаемой
должности факультета кафедры Общей химической
технологии с 21 января 1985 в связи с уходом
в отпуск.
Коваль
4 декабря 1984 г.
94 15.1.85
31.85

О том, что оформление Ж. Ковалья сдвинулось с мертвой точки, свидетельствуют следующие документы:

- очередная автобиография от 7 октября 1952 г. (стр.152-153),
- графа о трудовой деятельности из справки ОК МХТИ им. Менделеева от апреля 1962 г.:

Октябрь 1952 г. – младший научный сотрудник

Март 1953 г. – отд. НИР МХТИ им. Д.И. Менделеева г. Москва

Июнь 1953 г. – август 1956 г. – зав. лабораторией МХТИ им. Д.И. Менделеева г. Москва. (Эта запись говорит о делах по созданию в Менделеевке лаборатории высоких давлений).

Работа на кафедре ОХТ укладывается в промежуток между двумя заявлениями на имя проректоров МХТИ (стр. 154). Не так много по времени, около 30 лет, меньше трети жизни. Но здесь тысячи учеников – будущих создателей советской Большой химии – инженеров-технологов, высококлассных специалистов в разных отраслях экономики, науки и других сферах деятельности нашей славной Родины.

Кафедра ОХТ 1969 г. Первый ряд: Коваль Ж.А., Фурмер И. Э., Малахов А.И., Бояркин П.И., Строганов В.Ф., Стойкова А.М.

Брат Гейби

Из виртуальной книги памяти воинов-евреев,
павших в боях с нацизмом:

Коваль Габриэль (Гейби) Абрамович 1919 – 1943 гг.

Уроженец: Су-Сити, штат Айова, США.

Призван: Биробиджанским ГВК, г. Биробиджан.

Звание: Гвардии лейтенант, командир взвода 4-ой
отдельной гвардейской мотострелковой бригады.

Убит в бою 31.08.1943 г.

Похоронен с. Рябянино, Ельнинский район, Смоленской области (КП
ЕАО: ЦАМО, д. 58., оп 18001, д. 1051).

Гейби Коваль – имя святое для Менделеевки и менделеевцев. Выпускник МХТИ «по пироженной специальности» 1941 г. – Коваль Габриэль Абрамович пал смертью храбрых в боях с немецко-фашистскими оккупантами под городом Ельня в 1943 году при освобождении от фашистов Смоленщины. На мраморе парадного вестибюля исторической Менделеевки выбит первый наш скорбный список студентов и сотрудников, не пришедших с полей сражений.

Уже в XXI веке (скорей всего) я спросил Жоржа Абрамовича:

– Когда Вы узнали о гибели брата?

– Приблизительно через месяц после гибели Гейби.

– ?!

- Пришел наш человек и принес письмо от Людмилы Александровны. Из него и узнал.

Вот как все просто, но мы-то знаем, что дело происходит в Нью-Йорке, Джордж Коваль в форме американской армии, кругом будущие интервьюенты ФБР и т. п.

Вот что пишет о себе и своей семье в автобиографии абитуриент Гейби Коваль:

«Мои родители родились в Белоруссии (теперешняя Польша). Они выехали в Америку в 1910-м году. Отец в Америке первое время был черным рабочим на железной дороге, потом он стал плотником. Он был член Красного Профинтерна, МОПРа, «Икора».

Я родился в Америке в городе Сью Сити 25-го января 1919-го года. Поступил в пионерскую организацию в 1929-м году. Я учился в американской государственной школе, я учился по-английски. Мне был знаком только этот язык.

В 1932-м году я вместе с родителями и двумя братьями переехал в Еврейскую Автономную Область, С.С.С.Р. Со времени приезда до настоящего времени родители являются колхозниками колхоза «Икор». Отец стахановец, член райисполкома.

Седьмой класс я окончил в колхозной еврейской школе. Остальные классы средней школы я окончил в городе Биробиджане, в биробиджанской еврейской полной средней школе.

В 1933-м году участвовал в делегации биробиджанских детей в Белоруссию. В 1934-м году вступил в комсомол. Общественная нагрузка восьмых и девярых классов – редактор школьной газеты.

Общественная нагрузка в десятом классе комсомольский группорг класса...»

Нет сегодня на карте Ельнинского района Смоленской области села Рябянино. Рассуждать о Смоленщине многострадальной можно долго... Долг наш, менделеевских поколений, отыскать святую для нас могилу 24-летнего гвардейского лейтенанта. В трагическом словнике нашего народа он – «Ванька-взводный», жизнь каждого в атакующих порядках пехоты была сочтена часами. Вечной памяти тебе, Гейби Коваль.

Reminiscenes профессора Крамиша

Арнольд Крамиш, американский пенсионер, ныне ушедший из жизни ветеран американского атомного проекта. Арнольд Крамиш (Kramish, в некоторых русскоязычных публикациях Креймиш, вероятно так фонетически точнее, но для нас важен сам человек, не транскрипции его имени). Arnold Kramish – один из допрошенных и давших показания агентам ФБР в 1950-х годах, чье имя не вымарано (!) в копиях двух первых томов ФБР досье, собранного на subjecte – Koval G.A.

Для менделеевцев он предстал в апреле 2000 года в качестве пионера, первого человека, кто открыл нам (России) глаза на деятельность человека, известного поколению менделеевцев XXI века по стенду с портретами ветеранов Великой Отечественной войны. Под портретом Коваль Ж.А. – сверхкраткая легенда его дел в годы войны: «Сотрудник Генштаба. Рядовой. Доцент». А вот строки из факса: «During World War II. I was a student at the City College of New York and subsequently assigned to the Manhattan Project, at Oak Ridge, Tennessee. At both local, one of my best friends was Geordge Koval».

Бог с ним, с City College of New York, но Oak Ridge – на слуху у всех, кто интересовался историей атомного проекта США. Кто такой Арнольд Крамиш (он представился академику П.Д. Саркисову как человек известный: Physicist /Historian). На файле «Nuclear Fils. org» краткое резюме – Arnold Kramish (дат, кроме работы в ЮНЕСКО, нет, но биография очерчена рельефно).

Kramish received his undergraduate degree from the University of Denver and his master's degree from Harvard University.

He worked at the Special Engineering Division at Los Alamos between 1944 and 1946 where he was responsible for the simultaneity of the detonators over the entire sphere of the implosion device.

Following the war, Kramish worked with the Atomic Energy Commission, RAND Corporation and was posted in Paris as US Science and Technology Counselor for UNESCO and OECD in 1976.

During the Reagan administration, Kramish served as technical director of a White House study on the Strategic Defense Initiative and advisor to the Undersecretary of Defense for policy.

Kramish is the recipient of a Carnegie Fellowship and a Guggenheim Fellowship.

Не буду скрывать, для меня, как обывателя московского (из Посада, из Москвы), неприятно одно имя в этом резюме – Reagan, этот политсowбой лишил нас, да и мир «видения звезд» и в 1980, и в 1984 гг. Верю, ему воздастся согласно делам его, много зла пришло на землю от него.

Александр Колпакиди в книге «ГРУ в Великой Отечественной войне» «поясняет» фигуру Арнольда Крамиша:

«Поясним, что сам Крамиш был одним из ветеранов «Манхэттенского проекта», на испытаниях первой американской атомной бомбы в Аламогордо он отвечал за одновременный подрыв взрывателей. Както, уже после испытаний, произошла производственная авария (взорвался бак с фтористоводородным раствором шестифтористого урана). Крамиш оказался единственным, кто выжил. При этом он получил сильнейшие химические ожоги. От себя добавлю, что в первый момент возобновления контактов Ж.А. идентифицировал личность Крамиша по этой трагедии. Крамиш прислал на Мичуринский проспект ксерокопию какой-то газетной статьи об этом инциденте. (В бумагах Ж.А. эта статья должна быть). В отличие от Жоржа Коваля, который после возвращения из «командировки» много лет работал в должности преподавателя вуза, А. Крамиш дослужился до заместителя министра обороны США,

а в 1959 г. опубликовал первую на Западе книгу о советском атомном проекте. (*Книг его я не видел, о чем жалею – А.Ж.*). Как и Коваль, Крамиш дожил до глубокой старости и, узнав о смерти друга, написал его родным: «Жорж заслужил, чтобы о нем помнили».

Вот о книге Крамиша о советском атомном проекте говорят одно, что она когда-то вышла в свет. Не встретил ни одного человека, кто держал её в руках. О мемуарах Крамиша также глухо в информационном грохоте.

Перечитывая не раз упомянутый ранее советский бестселлер 1960 года – «Ярче тысячи солнц» Р. Юнга (М., Атомиздат) в главе 16 «Джо-1 и Супер (1949-1950)» в описании аналитических (м.б. диагностических) оценок «русских атомных разработок», я обнаружил нашего «курилку» (корреспондента Ж.А.): «Два специалиста, Раггс и Крамиш, изучающие по заданию Военно-Воздушных сил советские атомные разработки, пришли к следующему заключению: «Далекие от преимущества в программе ядерных разработок в 1945 г. русские к настоящему времени не должны значительно отставать по знаниям и умению от уровня, достигнутого в Соединенных штатах» (С.223).

Сегодня, зная о работе А. Крамиша в RAND Corporation, можно предположить, что еще одно утверждение из книги Р. Юнга может принадлежать ему: «Рэнд Корпорейшен» (организация, обслуживающая Военно-воздушные силы США, и в частности, издающая доклады о техническом прогрессе в СССР) (*да Вы «советолог», мистер Kramish – А.Ж.*) в 1956 г. (*Жорж Коваль в этом году служил на стезе преподавательской деятельности – А.Ж.*) опубликовала доклад, в котором утверждалось следующее: «Русские, по-видимому отвергали мысль о том, что бомбу можно было изготовить в то время, когда бушевала война. Они не пытались скрыть тот факт, что приостановили атомные исследования... В 1943 г. русские возобновили осуществление атомной программы с явным намерением овладеть ядерным оружием».

В предисловии к своей книге Р. Юнг выражает признательность ученым разных стран за помощь в сборе материала для книги – имени Арнольда Крамиша на листе благодарностей нет.

Менделеевцам об Арнольде Крамише напомнил Юрий Лебедев в публикации в «ИВ» (28/2009) – «О доблести, о подвиге, о славе (Парадоксы судьбы Героя России Жоржа Коваля)». После публикации первых писем А. Крамиша Ю.А. переписывался с ним.

«В США, – начинает рассказ Юрий Лебедев, – пишет мемуары армейский сослуживец Ж.А. Коваля по Ок-Риджу Арнольд Крамиш. Он – один из ветеранов Манхэттенского проекта... В 1996 году принял участие в работе ИСАП-96 (Международного Симпозиума по истории Советского

атомного проекта) в Дубне. В настоящее время – частное лицо.

А. Крамиш прекрасно осведомлен о многих обстоятельствах работы Ж.А. Ковалья в Ок-Ридже, очень высоко оценивает его роль в событиях, связанных с начальным этапом американской атомной программы.

Однако, вот уже в течение нескольких лет после выхода в свет книги В. Лота, получившей известность и в США, Арнольд Крамиш избегает прямых ответов на вопросы американских журналистов о герое этой книги и также не раскрывает связи имени своего «старого друга» и его оперативного псевдонима.

И только 13 ноября 2007 года в Нью-Йорк Таймс» появилась статья, в которой А. Крамиш начал осторожно рассказывать журналистам о своем знакомстве с Ж.А. Ковалем.

О причинах такого странного положения можно строить разные догадки».

Переписка Менделеевки с американским историком науки коротка. С разрешения ректора Университета мы опубликовали её в «Историческом Вестнике РХТУ им. Д.И. Менделеева № 3(5) за 2001 г. Следует считать, что в «ИВ» впервые было сказано (прямо, без экивоков), что Жорж Коваль причастен к делам атомным.

1. Арнольд Крамиш

Академику Саркисову

Wednesday, April 26, 2000. 4:01:25 PM

Dear Professor Sarkisov: By way of introduction, I am a widely published physicist/historian, referenced in Who's Who in America and in American Man and Woman of Science. During World War II, I was a student at the City College of New York and subsequently assigned to the Manhattan Project, at Oak Ridge, Tennessee. At both locales, one of my best friends was George Koval.

Currently, I am writing my memoirs, of which my friendship with Koval is very much an integral part. Recently, mutual friends have told me that Koval, born in Sioux City, Iowa in 1913, went to Russia with his parents, in the 1930s and then attended the Mendeleev Institute, where he was a student for a degree. Just before World War II, he returned to the United States, where I met him.

After World War II, he returned to Russia and became a "Candidate of Technical Sciences" and married a fellow student (perhaps before the war), Ludmilla. I hope that George and/or Ludmilla are still alive, for I wish to contact them in the writing of my reminiscences. If neither is alive, would it be possible to tell me anything about them? Any pieces of information, no matter how trivial, will help me in portraying my old friend George Koval.

In May 1996, at the invitation of MINATOM, I was one of six American

observers at the Dubna Symposium, HISAP'96, where I also had the privilege of presenting a paper on the "Smyth Report". Had I known then that Koval had been associated with your Institute, of course, I would have tried to arrange an appointment. I hope to return to Russia to resume my scientific contacts at the Kurchatov Institute and elsewhere, but I cannot predict when that might be. Meanwhile, I would be most grateful for your assistance and suggestions.

I can also supply personal and professional references in Russia. For, example, should you wish, you may contact Dr. Sergei Kapitza at The Institute for Physical Problems. Actually, Sergei has been arranging for the publication, in Russia, of one of my books, The Griffin. Please convey my personal regards. And, best regards to you and your Institute.

Arnold Kramish
Post Office Box 2621

2. Академик Саркисов
Арнольду Крамишу
Москва, Миусы. 15.05.2000

Уважаемый профессор Крамиш.

Спасибо Вам за Ваше письмо и добрые слова о Ж.А. Ковале. Это был человек, пользовавшийся большим авторитетом в нашем университете. К сожалению, много информации у нас нет. Посылаю Вам то, что мы смогли найти в нашей библиотеке.

С уважением,
П.Д. Саркисов
Ректор РХТУ им. Д.И. Менделеева
Академик РАН

3. Арнольд Крамиш
Академику Саркисову

(Где находится оригинал факса, автору неизвестно. В распоряжении редакции «ИВ» был черновик перевода, он и был опубликован в «ИВ»).

Дорогой академик Саркисов!

Я хочу поблагодарить Вас, наиболее искренне, за факсимиле, которое Вы послали мне 15 мая 2000. Текст был размыт, но я могу делать это из. В моих мемуарах, я буду иметь фотографию Джорджа Ковалея, когда я знал его в намного более ранних. Я также хотел бы включить фотографию Faxed очень слишком расплывчатая, чтобы быть воспроизведенной. Если ваша библиотека имеет глянцевую фотографию Ковалея, я очень оценил бы возможность получить копию. Конечно, я возместил бы затраты, непосредственно или косвенно через друзей в Москве. Если глянцевая фотография не доступна, ваша библиотека могла бы отправить, почтой ксерокопию из статьи 1989/29 Март уже Faxed ко мне?

Arnold Kramish

4. РХТУ им. Д.И. Менделеева (начальник отдела А.В. Малков)
Арнольду Крамишу

Уважаемый профессор Крамиш.

Ректор РХТУ им. Д.И. Менделеева академик П.Д. Саркисов передал мне Ваши письма, в которых Вы пишете о Ж.А. Ковале. К сожалению, в университете не сохранилось достаточно информации об этом человеке. Но, как мне удалось выяснить, Ж.А. Коваль жив и здоров и проживает сейчас в Москве. Его домашний телефон – (095) Вы можете ему сами позвонить. Я пытался с ним связаться, но мне это не удалось. Как сказали мне его знакомые, он много времени проводит у родственников на даче под Москвой.

С уважением

Начальник отдела международных связей
РХТУ им. Д.И. Менделеева

А.В. Малков

Контакт Арнольд Крамиш – Жорж Коваль был установлен. О реализации контакта, вероятно со слов самого Крамиша, пишет *Smithsonian journal*: «Крамиш пытался найти своего старого армейского друга даже после того, как он понял из своего интервью ФБР, что Коваль был шпионом. В письме П.Д. Саркисову он пишет, что пытался найти Ковалья в Москве, участвуя в симпозиуме HISAP'96, в Дубне. По дороге в Дубну из США Москву не миновать. Среди сотрудников Дубненского центра ядерных исследований работали и работают выпускники Менделеевки (ученики Жоржа Ковалья, безусловно – А.Ж.).

Приблизительно в 2000 г., как рассказывает Крамиш, он работал в Национальных Архивах и «интуитивной прозорливостью» сталкивался с некоторыми ссылками на Ковалья и Менделеевский Химический Институт. Крамиш связался с институтом и получил его номер телефона. Крамиш позвонил, и Коваль ответил. «Это был очень эмоциональный момент для нас обоих», – говорит Крамиш. Они начали переписываться по почте, а затем внучка Ковалья убедила его использовать электронную почту.

Послевоенная жизнь Ковалья в России была очевидно беспрецедентна. «Я боюсь, что Вы будете разочарованы узнать, что я не получил высоких вознаграждений после своего возвращения», – написал он Крамишу в мае 2003. «Жизнь в Советском Союзе была такова, что мои действия вместо того, чтобы принести мне вознаграждения, имели наоборот очень сильный отрицательный эффект на мою жизнь». Когда я демобилизовался из советских вооруженных сил в 1949, писал он, – я получил документы рядового необученного – и это после 9 лет службы в вооруженных силах!» Эта невеселая запись, вместе с академическим

и иностранным прошлым «сделала меня очень подозрительной фигурой», – писал он, особенно в обстановке иницируемой правительством антисемитской кампании на ее пике в начале пятидесятых. (Необходимо заметить, что атмосферу действий в Москве (март-июнь 1953 г.) рисуют либо «советолог» Арнольд Крамиш, либо «специалист по СССР» с 1985-1991 гг. для «Time Magazine» Майк Уэлш. К их чести «атмосфера» не заковычена, то есть – не текст Ж. Ковалья. Вероятно, акцент в послании Ж. Ковалья был сделан на «его анкетные данные». Кадровики не дремали). «Он искал работу как исследователь или преподаватель, но «никто не хотел рискнуть нанимать меня», – отчасти полагая, что кто-то с его анкетными данными мог бы оказаться американским шпионом.

Он попросил свой контакт в ГРУ помочь ему найти работу – «единственный раз, когда я когда-либо делал это». Контакт сработал – но, как писал Коваль, «даже поддержка Министра образования ничего не принесли лучшего, чем должность лабораторного ассистента». Это было в Институте Менделеева. В конечном счете, он посвятил свою жизнь преподаванию там».

В 2003 году, по данным того же журнала, Ж. Коваль писал Крамишу, «что он получил незначительную медаль после того, как он возвратился в Россию, но большие награды «пошли к профессиональным дипломатам». Фукс тоже «получил вознаграждение не очень высокого уровня (и был недоволен этим), только когда он был уже освобожден и работал как физик в Восточной Германии». И «только весьма недавно, когда Лота начал копаться в архивах и обнаружил там мою историю и вытащил ее на свет, я был представлен к редкой награде за службу в иностранной разведке и получил ее на закрытой церемонии».

Однако, несмотря на некоторое пренебрежение к нему и его нелегкое возвращение к советской жизни, Джордж Коваль закончил свое электронное письмо на стоическом примечании: «Возможно, я не должен жаловаться (да я и не жалуясь, а только описываю тогдашнее положение вещей в Советском Союзе), но надо быть благодарным, что я не оказался в Гулаге, как это вполне могло случиться».

Мемуары Арнольда Крамиша в Менделеевке пока не видели, но время придет...

В декабре 2001 года мы сидели по-московски (и с чаем тоже) на кухне квартиры на Мичуринском проспекте и говорили о письмах Крамиша в Менделеевку. (Контакт к тому времени состоялся, и почта доставила первые письма Крамиша). Жорж Абрамович был удивлен письмом коллеги по армейской службе в Манхэттенском проекте. Говорит, что никогда не был в дружбе с автором, и его очень смутили обычные, почти стандартные для любого частного письма фразы из текста Крамиша.

Они просты: “At both local, one of my best friends was George Koval” (одним из моих лучших друзей в обоих местах был Жорж Коваль). «Никогда Крамиш не был в моих лучших друзьях», – сказал Ж.А. Узнал он Крамиша лишь по газетной вырезке об аварии с шестифтористым ураном, когда тот чудом выжил. Почта из Штатов уже нашла адресата, и Коваль показал на размытом фото (группа храбрых парней в пилотках, отутюженных, как для парада куртках и брюках) своего армейского дружка. Ж.А. даже назвал имя этого парня, но я запомнил только, что в юниорах тот был чемпионом (призером) чемпионата Америки в спринте (на 200 ярдов). Вторая фраза, удивившая Ж.А. в письме Крамиша – «Currently, I am writing my memories, of which my friendship with Koval is very much an integral part” (В мемуарах уделю значительную часть моей дружбе с Ковалем). Даже из-за этой фразы следует поискать мемуары Крамиша. Прошло почти десять лет с тех долгих посиделок на кухне, так получилось, для меня последней встречи с Учителем. Записей не вёл – не профессионал, но основные свои вопросы, да и его ответы на них, помню хорошо. Относительно Крамиша, как мне показалось, мнение было не самое благоприятное...

Переписка Ж. Коваля с Крамишем ждёт публикации, кто сейчас её разбирает? (Сегодня этот ответ получен – Ю.А. Лебедев).

А тогда, в 2001-м у нас тоже появилось желание установить переписку с Арнольдом Крамишем, выпускником Гарварда. Мой друг профессор Г.Г. Каграманов подготовил даже макет варианта письма. Осталось только отредактировать текст на английском. Осталось...

Кем бы ни был Арнольд Крамиш, нам, менделеевцам, он приоткрыл «щелку» в атомный проект США, и мы увидели Жоржа Коваля – ветерана Второй мировой. Thank you mr. Arnold!

В архиве семьи Ковалей хранится фотография, присланная А. Крамишем. Юниор-легкоатлет стоит справа от Джоржа Коваля. (см. стр. 120)

FBI – George Koval (компенсированное время)

Легче всего в поисках атмосферы времени и действий в жизни Ж.А. Коваля писать о ФБР. Рефрен этой легкости в вечной фразе: «Что мне Гекуба, что я Гекубе» – или что-то очень близкое. Вспомнилась даже одна из эпиграмм Осипа Мандельштама:

*Один еврей, должно быть, комсомолец,
Живописать решил дворянский старый быт:
«На закладной под звуки колоколец
Помещик в подорожную спешит».*

Первые звуки «колокольцев» вашему автору-комсомольцу донеслись от А.И. Солженицына. Помните начало книги «В круге первом», звонок в американское посольство: «Не бросайте трубку! Речь идет о судьбе Вашей страны! И не только! Слушайте: на этих днях в Нью-Йорке советский агент Георгий Коваль получит в магазине радиодеталей по адресу. ... Слушайте! Слушайте! – в отчаянии восклицал он. – На днях советский агент Коваль получит важные технологические детали производства атомной бомбы в радиомагазине...»

Первый раз «В круге первом» попала мне в руки в декабре 1975 г. в пригороде Туниса Арьяне. В квартире в предместье под названием «Сад Издихар», куда меня поселили, на шкафу лежали (валялись) две книги из дешевой серии Livre de poche, на грубоватой, газетной плотности бумаге. Французский у меня был далеко не высокого уровня. Я полистал, пробовал читать, дошел даже до описания телефонного разговора нашего дипломата с американским посольством. И ничего не понял! Это относилось и к книге на французском, и к имени Коваль на его страницах. Бывают же совпадения ... фантазия автора.

Даже когда роман «В круге первом» начал печататься «Новый мир», тоже никаких ассоциаций не возникло, тем более я уже его видел, даже переводил устно для себя в арьянской квартире в пригороде тунисской столицы.

Сейчас я знаю, что в западногерманском издании мемуаров одного из прототипов героя солженицынской книги Льва Копелева «Утоли моя печали» также описана эта сцена:

«Слушайте внимательно. Советский разведчик Коваль вылетает в Нью-Йорк. Вы слышите? Вылетает сегодня, а в четверг должен встретиться в каком-то радиомагазине с американским профессором, который даст ему новые данные об атомной бомбе. Коваль вылетает сегодня. Вы меня поняли?»

Случайно проезжая мимо квартала марфинской «шарашки», вспоминаешь именно эту сцену... Ю.А. Лебедев пытался её расшифровать – писал «пророку» в его поместье в Троице-Лыкове, даже ответ получил: «Н.Д. Солженицына, к которой я обратился за разъяснениями,ознакомила А.И. Солженицына с моим письмом и подтвердила мне, что Александр Исаевич твердо заверил ее – он сам слышал эту историю на Марфинской шарашке от Л. Копелева поздней осенью 1949 года, а Л. Копелев и годы спустя утверждал, что «Эти разговоры я воспроизвожу почти буквально. Слушал их тогда снова и снова множества раз; слова, интонации прочно осели в памяти». И, как мы знаем, появилась эта история в печати еще в 1968 году».

Что может дать расшифровка (герменевтика), изучение этих текстов А. Солженицына и Л. Копелева. Никакой информации о Комитете по информации, работавшего в рамках МИДа, единственная зацепка для ФБР имя Георгия Ковалья, человека по которому 27 августа 1954 года директор ФБР Джон Эдгар Гувер отдал своим подчиненным распоряжение завести отдельное «следственное дело Джорджа Ковалья» вместо прежнего дела «неустановленного лица». Суть дела – пишет А. Шитов, определялась в документах кратко: «Шпионаж – Р», то есть, надо полагать, шпионаж в пользу России» (СССР).

О том, что дело в ФБР (в отношении «неустановленного лица») открыли раньше, свидетельствует и Владимир Лота, в 2002 году в «Красной Звезде» он писал (помните, Жорж К. в его статье выведен под именем Дмитрий М.):

«Можно сказать, что Дмитрий – талантливый аналитик и ученый. Он также был удачливым и настойчивым военным разведчиком, который сумел оценить опасность ситуации и своевременно принял меры, чтобы не попасть в руки контрразведки.

Его предчувствие о том, что американская контрразведка рано или поздно заинтересуется его судьбой, оправдалось. Как стало известно, агенты ФБР все-таки начали разыскивать Дмитрия М. В 1949-1951 гг. они опросили всех возможных знакомых Дельмара в Ок-Ридже и лаборатории. Они беседовали со всеми соседями семьи плотника в маленьком городе «Н». Они пытались понять, какой Дмитрий М. выехал на постоянное проживание в СССР в 1933 году и какой Дмитрий М. работал на секретном объекте в Ок-Ридже. Теперь наконец-то можно сказать: это был один и тот же человек».

Трудно сразу сказать, читали ли в ФБР Солженицына и Копелева, но «Красную звезду» там штудируют вне сомнений, а ЦРУ и вовсе выпускал для афганского ограниченного контингента Советской армии свой «специальный» выпуск «Красной звезды» (и верстка, и формат, и гарнитура – все было воспроизведено точь-в-точь...). Познее стало ясно, что прочитали Солженицына, и с карандашом в руках, да и самого А.И. «проинтервьюировали», о чем Н.Д. умолчала.

Нашлось ли место в архивном досье ФБР для этой статьи, откроется 27.08.1954 г. (Заметим, что 27.08.1954 г. заведующий лабораторией высоких давлений Жорж Коваль «вышел из отпуска»).

Вопрос, напрашивающийся даже от нашего ленного российского любопытства – как же ФБР, нет, нет, не о том как ФБР вместе с Пашем проворонили «возвращение Ковалья», наш простой вопрос – «Как ФБР вышло на Ковалья после его выхода из атомной игры?» Версии две: первая – информация некоего перебежчика (двойного агента?) о прикрытии

советской военной разведки – компании Raven Electric – это была фирма по розничной продаже электротоваров. В делах фирмы ФБР среди сотрудников 1941-1943 гг. обнаружили человека по имени Джордж Коваль. У дилетанта всегда что-то не сходится – здесь не стыкуется легенда о прикрытии РУКА в компании Raven Electric. С одной стороны, своя рука владыка – а с другой, не могут оформить «Дельмара» в компанию на работу по его первичным документам. Другая версия инициации интереса ФБР к Ковалю – расшифровка американцами кодовых таблиц, с помощью которых велась радиосвязь с центром (некоторые авторы в начале 2000-х годов утверждали, что порой в радиошифровках имена назывались открытые, а не кодовые (?)).

Личность Ковалья в МХТИ была всегда во внимании коллектива – яркая, колоритная, безусловно, таинственная. На кафедре, где общение более тесное, эта «тайна» ощущалась еще явственнее. Нет, не было каких-то постоянных попыток анализа его жизни, просто появлялись, неведомо откуда рождались в стенах кафедры легенды...

Одна из них была связана с «открытием» Жоржа людьми ФБР. Году в 1959-м в ректорате Менделеевского принимали делегацию из какого-то (легенда, но на бывальщине) американского университета, ректор МХТИ Н.М. Жаворонков попросил помочь с переводом своего еще довоенного знакомого Ж.А. Ковалья. Американцы якобы опознали Ковалья и чуть ли не официально, срочно требовали его выдачи. Ж.А. де был серьезно встревожен. (О такой встрече с американцами нам, студентам II курса (1960 г.), рассказал начальник военной кафедры генерал М.И. Чертков при первом знакомстве с кафедрой, отвечая на праздный вопрос аудитории. В 1960-х в менделеевской корпоративной среде это было возможно. «А зачем нам нужна эта самая подготовка? На дворе – оттепель», – спросили из аудитории. Генерал ответил спокойно и подробно, а в конце сказал: «Вот была в ректорате встреча с делегацией американского университета. Мне представили моего коллегу. Студенческий вопрос вспомнился через 40 лет.

Об интересе ФБР к Ковалю (точнее о том, когда это проявилось в Москве) свое мнение в 2009 году высказала ближайшая его помощница И.К. Шмульян – она связывает понимание Ж.А. этого интереса (ФБР) с отказом Минвуза в поездке Ж.А. на первый, если мне не изменяет память, конгресс по химической технологии – «ХИСА» в Праге в 1962 году.

В архиве университета мне попало письмо из Управления внешних связей Министерства высшего и среднего образования СССР от 10 августа 1962 г. Вежливый, стандартный вариант отказа на выезд по научному туризму.

ПРОРЕКТОРУ МОСКОВСКОГО ХИМИКО-
ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА
ИМ. Д.И. МЕНДЕЛЕЕВА
тов. СТЕПАНОВУ Б.И.

В связи с сокращением состава специалистов Государственным Комитетом Совета Министерств СССР по координации научно-исследовательских работ при оформлении туристической группы в Чехословакию на 1-й Международный конгресс по вопросам химического машиностроения, инженерной техники и автоматизации возвращаются выездные документы на т.т. Коваль Ж.А., Мостовую О.А. и Чекмарева А.М., рекомендованных на указанное мероприятие.

Заместитель начальника
Управления внешних отношений
Б. Сучков

Меня интересовало, как и когда сам Ж.А. понял, что американцы (вот здесь читай FBI-ФБР) начали проявлять интерес к нему. А точнее наоборот, когда он понял, что ФБР интересуется его персоне. Задающий вопрос чаще всего либо знает (догадывается) об ответе, либо он надеется получить какой-то устоявшийся в его сознании ответ. Так что я ждал в ответ либо отговорку или откровенность, что парни Гувера еще в середине так плотно «сели на хвост», что пришлось... И далее детективная история с уходом от погони. Однако, ответ был прост и очевиден – «В 195* (дата была конкретная) по советско-американскому обмену приехал в Министерство высшего и среднего образования СССР некий специалист из США. Принимая его, начальник Главного управления химико-технологических вузов, наш ТНВэшник, Николай Семенович Торочешников Одного такого американца (профессора?) по обмену видели мы в 511 аудитории в середине 1960-х. «Красавчик» с армейско-спортивной выправкой, с элегантно бабочкой расцветки «павлиний глаз» на шее шпарил о чем-то общем минут тридцать, с переводом все заняло ровно час. (Переводил Ж.А. Коваль). В программу гостя Минвуза была включена поездка по Средней Азии. Н.С. попросил Жоржа Абрамовича сопровождать его. «В той поездке по Средней Азии я понял, – говорил Ж.А., – что этот профессор не по ведомству высшего технического образования, да и моя личность (страницы биографии) как-то по-особому интересовала его». Вот таков был ответ Ж. Ковалева на мой дилетантский вопрос любопытствующего.

Об интересе парней Гувера к персоне Ковалева рассуждают и журналисты-аналитики. «Не ясно, что побудило ФБР (вниманию коллеги – Ю.А. Лебедева не ЦРУ, а ФБР – внимайте американскому специалисту

по бомбе) начать свое расследование о Ковале в середине 1950-х. В результате было собрано множество разрозненных документов, содержащихся в шести томах, которые включали типичные подробные интервью ФБР с друзьями Коваля, родственниками и коллегами...» (По-русски проще – протоколы допросов. Надо бы заглянуть в словарь современного американского языка).

Интересно и по-демократически красиво окончание фразы журналиста – «большинство из которых были сильно **отредактированы**» (*курсив мой - А.Ж.*) «Ай да Пушкин (т.е. Гувер), ай да «наш сукин сын». «Отредактированы...» Это так демократично.

Об этом эпизоде жизни Ж.А. я говорил и с Юрием Александровичем Лебедевым, человеком знающим, но главное любознательным к тому, склонным к детальному анализу.

Первое письмо Арнольда Крамиша тоже несколько беспокоило Ж.А., беспокоило откровением: «My best friends was George Koval». Тогда, в ноябре 2001-го он и пояснил, что близким другом его в той их старой команде был не Крамиш, а другой парень, чемпион США по бегу на 200 метров или 440 ярдов, показал даже его на коричневатой копии старой фотографии (прислана почтой от А. Крамиша). Начало переписки с Крамишем я видел, но постеснялся попросить для «Исторического вестника» снять копии, хотя это было возможным.

К чему, спросит читатель, эти заметки о несостоявшемся «матче» Коваль – ФБР (Гувер, Паш, какой-то другой спецгент ФБР)? Авторский ответ прост – мне не нравятся заголовки американских СМИ с термином «Unmasked». Где и когда это было сделано. Может быть в докладах американских специалистов на международном симпозиуме в Дубне – ИСАП-96? Нет, только 13 ноября 2007 года в «Нью-Йорк Таймс» появилась статья, в которой А. Крамиш начал осторожно рассказывать журналистам о своем знакомстве с Ж.А. Ковалем» – эту дату называет Ю.А. Лебедев в израильских «Окнах» (К сожалению, я не понимаю вторую часть цитируемой фразы – «начал рассказывать журналистам». Что это, интервью, пресс-конференция...) Так что, уважаемые господа, пишущие «Unmasked», посмотрите на табло – там три латинские буквы – NON.

Арнольд Крамиш мог не знать (или умолчал), что агенты ФБР интервьюировали самого Александра Солженицына по этому уже цитированному отрывку:

«Речь идет о судьбе нашей страны! И не только! Слушайте: на днях в Нью-Йорке советский агент Георгий Коваль получит в магазине радиодеталей по адресу(...)– Слушайте! Слушайте!– в отчаянии восклицал он.

На днях советский агент Коваль получит в радиомагазине важные технологические детали производства атомной бомбы...»

До сих пор не понятно, откуда в конце 50-х годов прошлого века живший в СССР писатель мог узнать имя нелегала ГРУ? 19 апреля 1978 г. ответ на этот вопрос пытался получить у самого Александра Солженицына агент ФБР. К сожалению, результат их беседы–«интервью» до сих пор остается засекреченным.

Сам же Жорж Коваль, как парторг кафедры ОХТ, 19 апреля 1978 г. готовился к традиционному Ленинскому субботнику, знаковому дню в жизни советского человека.

Страсти футбольные

Портрет Жоржа Коваля будет не полным, если не упомянуть о его спортивном пристрастии. Этой страсти он не скрывал – болел за «Спартак» футбольный и хоккейный, переживал за сборные команды СССР. Помню в дни хоккейной серии СССР – Канада 1972 года на кафедре «чудесным образом», оказались четыре (!) билета на один из матчей в лужниковский Дворец Спорта. Метнули жребий, Ковалю повезло, но он царственно отказался от билета в пользу молодых коллег. Зрелище и антураж были феерические. Битва на льду, вавилонское столпотворение в буфетных фойе – не только советские, но и американские и канадские: поляки, евреи, англо-саксы, говорящие на смеси славянского с английским и пр. Утверждают, что на матчах вплотную работали спецслужбы, т.е. ФБР, ЦРУ, КГБ, не помню, как канадские зовутся...

Отчего Коваль болел за красно-белых – время выпало такое в годы студенчества. С 1936 года в стране разыгрывали клубный чемпионат по футболу, спартаковцы выиграли три – 1936 (осень), 1938, 1939 гг. Вторая причина: на курс старше на силикатном факультете учился (без дураков, как многие наслышаны о футболистах конца XX века) один из легендарных краснопресненских братьев Старостинных, младший Петр.

В конце XX века его сын Андрей Петрович подарил Менделеевке зачетку отца и объяснил, почему тот не закончил обучение на Миусах.

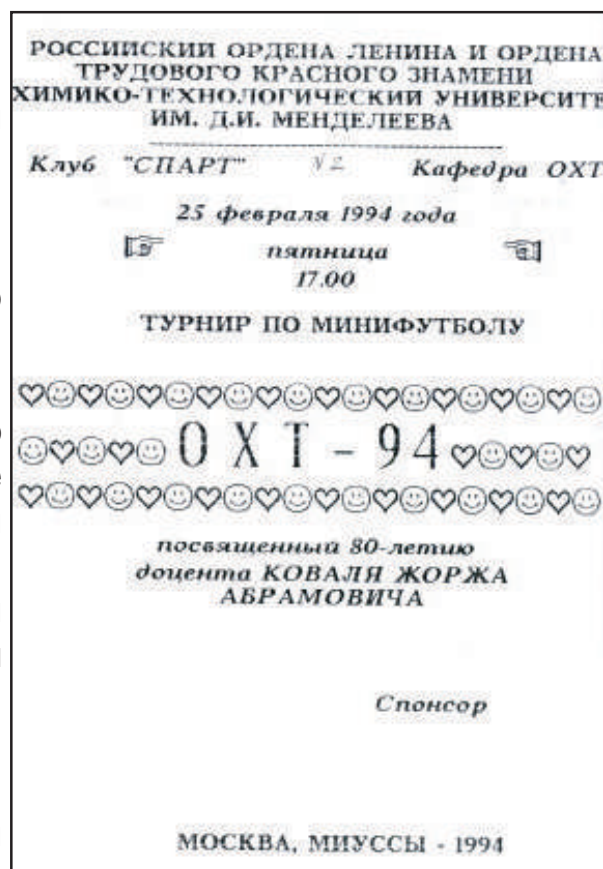
Прекрасный бейсболист в школьные лета, Жорж К. тонко чувствовал атмосферу и нюансы спортивной борьбы, это проявлялось, когда обсуждали игру нашей хоккейной сборной, о ней можно было говорить бесконечно, но ждать следовало только победы.

В аспирантские годы Ковалю любили «Восток» на «Динамо» – самую демократичную трибуну и по цене (всего 5 руб.), да и по возможности приобрести билет. Чемпионат 1949-го года по футболу оказался одним из самых зрелищных – хозяйничали команды силовых ведомств – ЦДКА, «Динамо» (Москвы и других городов), ВВС, но и «Спартак» начал оживать. Трибуны ломались, зрители шли плотной гурьбой, лезли через забор, шли на прорыв – милиция пешая, конная (все тут), но –

«Упрямо едет прямо
на «Динамо» вся Москва,
Позабыв о дожде».

Любили и поддержать своих. В МХТИ была неплохая сборная футбольная команда, выступала в московской студенческой лиге. Из рассказов Ж.А. сохранились в памяти имена «Коля Кельцев – вратарь» (Н.В. Кельцев позднее профессор на кафедре рекуперации, тех лет ТНВэшник), «центральный защитник Юра Дытнерский» (Ю.И. Дытнерский – зав. кафедрой процессов и аппаратов, технологии мембран).

В весеннем семестре 1994 г. ОХТэшники при участии клуба «СПАРТ» (В.В. Богословский) провели турнир по мини-футболу (на паркете спортзала), посвященный 80-летию доцента Ковалю Жоржа Абрамовича. Ваш покорный слуга составил программку, экземпляр и сегодня хранится в музее истории. Ж.А. был тронут, давал автографы и на программке, и на подарочной книге «Хоккей», что мы вручили с соответствующей вкладкой каждому участнику турнира. Прекрасный автограф со словами благодарности оставил Ж.А. и на моем экземпляре. Отчет из «Менделеевца» не сохранился, но по памяти скажу – выиграла турнир студенческая сборная университета, призер студенческого первенства РФ (Виталий Чупин, Андрей Федоров сотоварищи).

ЖОРЖ КОВАЛЬ

В программке к матчу мы впервые в Менделеевке связали имя Ж.А. с персонажем книги А. Солженицына «В круге первом», но уверенности, что это не случайные совпадения, не было, как нет его до сих пор... Вот текст второй страницы программки от 25 февраля 1994 г.:

Коваль Жорж Абрамович (1913г. р.), - легендарный доцент кафедры ОХТ, родился в США. В 30-е годы вместе с семьей переехал в СССР. Работал в колхозе, с отличием закончил Менделеевку. В годы Великой Отечественной – рядовой (необученный!) Генштаба. Его родной брат Гейби, студент МХТИ, пал в бою смертью храбрых.

После войны окончил аспирантуру. На кафедре ОХТ создал новый курс – «Автоматизация химического производства». Среди его учеников профессора и доценты института: А.И. Родионов, И.К. Шмульян, А.П. Жуков, А.В. Беспалов, О.Г. Кулешов и другие.

А. И. Солженицын. «В круге первом».

«...Слушайте, на этих днях в Нью-Йорке советский агент Георгий Коваль получит в магазине радиодеталей по адресу...Слушайте, слышите! – в отчаянии восклицал он (предатель – прим.сост. пр.).

Скоро Солженицын, вероятно, будет в России и его можно будет спросить – « Кто предатель-то?» Что он ответит?

Как сегодня известно, А.И. назвал имя предателя (свой вариант), но умолчал о «беседе в ФБР по поводу «советского агента Георгия Ковалья».

Общий курс

Экзамен по КИПам

Мимо экзамена по КИПам (так на студенческом сленге мы еще в 1960-х называли курс «Автоматизации химико-технологических производств») не прошел ни один менделеевский выпускник. Особенно он стал заметен после майского Пленума ЦК КПСС 1958 г., когда самое серьезное внимание страны (средства, ресурсы, планы) было обращено к делам химическим («плюс химизация народного хозяйства СССР»). В планах высшей школы появился общий курс «Автоматизация химико-технологических процессов». В МХТИ имени Д.И. Менделеева появилась новая кафедра под руководством В.В. Кафарова (еще не академика) «Автоматизация ХТП», которая быстро трансформировалась в инновацию КХТП («Кибернетика химико-технологических процессов»). Общий курс «Автоматизации» прагматичный Виктор Вячеславович на себя не взял, и заботы по курсу остались на плечах Жоржа Абрамовича. Учебника стабильного по новой программе не было, но экзамен был

строг. Организован он был четко, до некоторого формального занудства, но было все справедливо и в отношении тех флуктуаций студентов, кто некими, не видимыми миру, путями иногда вылезали из экзаменационной схватки без заметных усилий. Обиды, в частности, случались у вечерников – учили большое количество работников института, и определенных послаблений у них не было. Жорж Абрамович, как правило, брал на себя хлопоты по их аттестации, часто с этой категорией вечерников индивидуально занималась доцент Шмульян Ирина Климентьевна. Ропот был, но все было организовано по справедливости, однако варианты всегда возможны. В Менделеевке помнят, что под молохи экзамена по КИПам попал когда-то будущий философ Вадим Рабинович (органический факультет), с большим трудом барьер экзамена у Коваля одолел (не с первой попытки) нынешний миллиардер (в народе проходит как свояк Лужкова) хозяин «Системы» и газеты «Metro», нувориш ельцинского разлива Владимир Евтушенков (ИХТ).

«Милый Жорж...»

«Живописали» об этом экзамене два великолепных рассказчика, великие доценты кафедры ОХТ – Строганов Вадим Федорович и Гришин Лев Владимирович. Третью века прошло после тех событий, но время не стирает эмоциональную канву рассказов и тот неповторимый шарм, цимес их изложения. Смаковали они этот случай не раз. Дело было с экзаменом по «Автоматизации». Менделеевка выучила и направила в свет сотни своих (без кавычек) детей. Кто-то вырос и стал известным под своей фамилией и по своим делам, а кто-то так и пробирался по годам жизни как «папин» или «мамин». Студентка была «мамина», мама – из «теневого» руководства института, как тогда называли общие отделы – АХО, кадры, бухгалтерию и пр. Дочке никак не давалось пройти по маршруту экзаменационной сессии мимо остановки «Автоматизация». Принимал Ж.А. – вел четко, в порядке очередности, зачетка снизу стопы матрикулов. (Думаю, что он знал, что девочку ведут..., но это был всего лишь рядовой экзамен). Рассказчик Вадим Федорович, участник этих событий, человек мягкий: «мухи не обидит» – это о нем. Выпускник ИХТ времен Коканда, он так натерпелся в послевоенной заводской жизни (где-то на п/я в Электростали) от самых разных «общих отделов» – «кадров», «бухгалтерий», что готов был любой ценой помочь «маме» в решении дочкиных проблем по «Автоматизации» (сейчас понимаю, что и нажим был грубоватый). Психологи доморощенные из «общих отделов» знали, с каким интеллигентным человеком имеют дело. Да вот на «раздаче» сидел Жорж Абрамович, тот тоже знал возможности «общих отделов», но соблюдал и свои педагогические принципы. Настал час эк-

ЖОРЖ КОВАЛЬ

замена где-то в 402-403-й аудитории старой нумерации возле входа на кафедру ОХТ. Все шло своим ходом, когда с кафедры пришел человек и сказал:

- Ж.А., Вас к телефону.

- Какой телефон, у меня экзамен.

- Извините, Ж.А., но там что-то срочное, личное. Не могу отказать, вот и пришел.

Жорж Абрамович подошел к аппарату, он висел в коридоре, и начал разговор. Далекий женский голос нежно щебетал в трубку: «Жорж, милый, ты меня узнаешь... и т.д. У меня не много времени, я стою у метро «Новослободской». Не мог бы ты подойти минут на 10-15. Я бы на тебя посмотрела...» Связь была плохой, определителей не было у наших телефонов. Уговорил «далекий и любезный» голос, Ж.А. оделся и пошел по Весковскому переулку к метро. Какие-то воспоминания прошлого вели его. Но опытного педагога, замечательного организатора учебного процесса провели, полчаса он ходил среди колонн сталинской застройки вестибюля «Новослободской», да так и не обнаружил никакого «голоса прошлого». Что он подумал? Да и что можно было подумать...

Не сразу все срослось в легкую новеллу, безусловно, проговорился Ж.А, нужно было объяснить причину отлучки, да и горечь недоумения своим рассказом подсластить. Позже и «общие отделы» поделились радостью бытия, да и Вадим Федорович вставил свое «лыко в строку». Рассказ был беззлобный, всякое на экзамене может случиться.

За - 57, против - 5

Сохранилась в моих старых записях небольшая таблица, вроде бессмыслица, так и должно было быть в прошлом, но, увы, прошлое становится реальностью – говорил кто-то из старых русских мыслителей. Доцентское звание на кафедре «Общая химическая технология» было присвоено Ж.А. ВАКом при Министерстве высшего и среднего специального образования 11 января 1961 года (протокол 2/П). С этих пор с регулярностью в пять лет, как каждый преподаватель вуза, он проходит конкурс «по избранию кандидатов на замещение штатной должности доцента кафедры «Общей химической технологии»». Вот как голосовали члены Ученого (большого) совета по кандидатуре Ж.А. Ковалья:

1961 г. – нет данных

1966 г. – членов совета – 63 чел.; голосовали 43 чел.

за – 43; против – нет; воздержались – нет.

1971 г. – членов совета – 63 чел.; голосовали 42 чел.

за – 41; против – 1; воздержались – нет.

1976 г. – членов совета – 67 чел.; голосовали 55 чел.

за – 54; против – 1; воздержались – нет.

1981 г. – членов совета – 78 чел.; голосовали 62 чел.

за – 57; против – 5; воздержались – нет.

Нормальное, вроде, голосование – преподаватель «тащит» мощный общий курс – все работает с точностью классных швейцарских хронометров – лекции, лаборатории, семинары, курсовые работы, коллоквиумы, зачеты, экзамены. Объективность стремится к максимуму, но отчего число – «против» так неожиданно возросло (как говорят «новые русские» – «в разы»). Провел простейший анализ возможных ситуаций:

а) Причина – нетолерантность Ученого Совета по отношению к своему коллеге. Источники анализа (на анонимной основе) – эту причину отменяют сразу. Здесь на нашей стороне даже беллетристика – Л. Улицкая «Искренне Ваш Шурик...» Прочитайте кусочек главы о Менделеевке и вы поймете, что это причина несостоятельная. Ксенофобией Менделеевка не страдала даже в самые смутные времена.

б) Причина более существенная – ректорат заботился об омоложении контингента ППС, больше, конечно, о тех, кто относился ко второй букве аббревиатуры – «преподавательской». С этой частью контингента разобраться было проще, нежели с профессорской, т.е. аккуратно выдавливать «доцентов с кандидатами» на пенсию. Омолаживание контингента задача неблагодарная, но понять можно: при одном условии – есть четкие правила и они неукоснительно соблюдаются.

с) Есть еще один вариант. Он очень прост в системе дети – родители. Дети (детей) доросли до студентов – родители сотрудники. Детям, привычным к всеобщему узнаванию – не по душе «легкий галоп к столбу», к учебникам, к черновой работе. Отсюда домашняя жалоба на «неинтересный» курс, непонятные лекции. А тут подоспело голосование на Ученом Совете.

Зачем эти версии? –Только с одной целью: вспомнить атмосферу времен застоя – страсти-то все равно жили.

Учитель

Наставник, преподаватель;

профессор; обучатель.

Даль. т.IV, с. 528

Вспоминая студенческие годы, любой выпускник вуза вспоминает, в первую очередь, руководителя своей дипломной работы (проекта), преподавателей выпускающей кафедры. И это, пожалуй, справедливо (всегда ли, другой вопрос). На институтской «кухне» обучения именно

на спецкафедре ты проводишь, вне сомнений, самое длительное, самое увлекательное время – здесь и другая форма лекций (1-2 группы в потоке, а не 8-10, как на общих кафедрах), по-другому организованы лаборатории, другое, более дружеское отношение вспомогательного персонала, хороший контакт с аспирантами и т. д. Те же выпускники, кто выполнял свои УНИРовские и дипломные работы на общих кафедрах (таких, как правило, не много), своей считают именно её. Так было и с теми менделеевцами, кому посчастливилось завершать образование на кафедре ОХТ. Почему посчастливилось? Ответ простой – сейчас, как дипломник (на общей кафедре), ты не на конвейере высшего образования, сейчас ты субъект индивидуальной (штучной) подготовки, к чему собственно стремились в технологическом образовании XX века, и отчего так стремительно уходят в высшей технической школе РФ, после того как специалист по ненормативной лексике от имени РФ поставил свою подпись под Болонской конвенцией об образовании.

Кафедра ОХТ во второй половине XX века принимала для выполнения дипломных работ студентов кафедры ТНВ. Заведующий кафедрой ТНВ – Н.М. Жаворонков (позднее и Н.С. Торочешников) начинал свою карьеру заведующего кафедрой именно на ОХТ. Специальности ТНВ факультета закончили многие преподаватели кафедры: Ж.А. Коваль, А.И. Малахов, И.Э. Фурмер, И.Е. Зубова, В.И. Грачев, И.К. Шмульян, Л.В. Гришин и др. – отсюда и прочные контакты по делам учебным, научным... Не надо забывать, что после войны кафедра ОХТ административно входила в состав факультета ТНВ, все организационные дела той поры решали вместе (партбюро, профбюро и др.) с кафедрами неорганического цикла. Попадали в дипломники на ОХТ разными маршрутами: кто-то начинал работать самостоятельно – лектор приглашал, декан советовал; кто-то случайно, по некой разнарядке, чаще под эгидой аспиранта, которые были во все времена основной рабочей силой научных разработок любой кафедры. На ОХТ рабочий день (без кавычек) аспирантов длился 10-12 часов. Дипломники как всегда в помощниках, в недалеком будущем, как правило, сами кандидаты в аспирантуру. Это естественно... Так готовили смену, преемников. Вероятно такая схема, подбора аспирантов, может быть со своими особенностями, была присуща и другим кафедрам Менделеевки.

У ведущего доцента общей кафедры три волны учеников: первая – студенческий поток (лекции, лаборатории, семинары); вторая – научная студенческая работа (УНИРС, дипломники); третья – аспиранты. В первой волне сотни студентов за семестр, во второй – максимум 2-3 студента в год, аспиранты статья для доцента особая – все зависит от планов, от возможностей научной кооперации с отраслевыми НИИ, от

наличия хоздоговорной работы и т. д.

Вспоминая учеников доцента Ж.А. Ковалю, начнем с дипломников. (Полной информации по кафедрам ТНВ и ОХТ автор не располагает, поэтому приношу мои извинения, если кто-то пропущен в этих записках). Воспользуемся и воспоминаниями некоторых воспитанников Ж.А., по большей части опубликованных в разные годы в «Историческом вестнике РХТУ им. Д.И.Менделеева».

Родионов Анатолий Иванович – выпуск 1951 г., ТНВ.

Карьера – организатор и руководитель отделения (филиала) МХТИ им. Д.И. Менделеева в Сталиногорске (Новомосковске), декан топливного факультета МХТИ, профессор кафедры процессов и аппаратов, организатор и заведующий кафедрой рекуперации, ныне председатель Совета ветеранов Университета.

Если подходить строго формально, то руководителем дипломника Родионова был профессор Кузьминых И.Н., а дело происходило на кафедре технологии кислот и минеральных удобрений (*фото стр. 150*).

Анатолий Иванович к 90-летию Ж.А. Ковалю опубликовал в «Историческом вестнике РХТУ» воспоминания о делах 60-летней давности по своей дипломной работе. С согласия автора публикуем их в этом издании из серии «Знаменитые менделеевцы».

«Мое знакомство с Ж.А. Ковалем состоялось в конце 1950 года. Я был студентом 5 курса неорганического факультета и учился на кафедре «Технологии связанного азота и щелочей», заведующим которой был директор института проф. Н.М. Жаворонков. Время приближалось к выполнению дипломного проекта, и для меня было неожиданным предложение проф. И.Н. Кузьминых, заведующего кафедрой «Минеральных кислот и солей», выполнить дипломную работу под его руководством по исследованию барботажного процесса. Он также сказал, что вопрос согласован с Н.М. Жаворонковым. Я знал И.Н. Кузьминых по общественной работе в партбюро неорганического факультета и после некоторых раздумий согласился. Вскоре И.Н. Кузьминых определил в качестве непосредственного руководителя дипломной работы аспиранта Ж.А. Ковалю, который сделал очень много для подготовки меня к выполнению работы. При встрече с ним я узнал, что работа будет связана с исследованием гидродинамики и массопередачи барботажных колонн с ситчатыми тарелками, в этом направлении выполнялась и его диссертационная работа. Я узнал также, что она будет выполняться в Институте кислородного машиностроения (ВНИИКИМаше), с которым кафедра имеет хоздоговор, и там должна быть реконструирована уста-

новка и определены сроки ее изготовления. Жорж Абрамович познакомил меня с сотрудниками одной из лабораторий этого института – заказчиками работы. То были канд. техн. наук Л.Е. Аксельрод и м.н.с В.В. Дильман. Оба впоследствии стали докторами наук и известными учеными в области процессов и аппаратов.

Пока сооружалась установка, Жорж Абрамович предложил мне познакомиться с обзором литературы, которой он составил, подробно объяснил цель исследований, особое внимание на условия проведения опытов, познакомил с методикой проведения экспериментов, составил задание на выполнение дипломной работы, рекомендовал освоить методы психрометрического измерения влажности воздуха и определения концентрации кислорода в вод. Детально познакомиться с приборами измерения расхода воздуха и воды и техникой безопасности. В общем, сделал все необходимое, чтобы я мог приступить к дипломной работе. Большое внимание уделял мне и проф. И.Н Кузьминых. Вот что он писал в своем дневнике 21 марта 1951 года.

«... Досадная история случилась в начале декабря с работой аспиранта Ковалю в ВНИИКимаше. Дмитриева, уходя с установки, не выключила ток, акт о загорании и изгнание моих сотрудников, а тема хоздоговорная. Тяжелое положение. Пришлось ездить туда уговаривать, кланяться. Надеюсь, что выйду из положения за счет студента Родионова, который начал работать как дипломант»...

Благодаря большой помощи Жоржа Абрамовича дипломная работа была выполнена в срок и успешно защищена, а в 1954 году результаты ее были опубликованы в журнале «Химическая промышленность». Это была моя первая статья, опубликованная совместно с И.Н. Кузьминых и Ж.А. Ковалем. Думаю, что и у него это была одна из первых печатных работ.

Вскоре я узнал, что Жорж Абрамович родился в США в небольшом городке штата Айова, куда его родители до Первой мировой войны эмигрировали из Белоруссии. Там он получил среднее образование и окончил 2 курса электротехнического факультета университета. В начале 30-х годов вместе с семьей приехал в СССР и жил в Хабаровском крае. Сначала работал на разных должностях, а затем поступил в наш институт, который с отличием окончил в 1939 году. Был оставлен в аспирантуре, однако в конце этого же года был призван в Красную Армию, в которой он служил 10 лет. В 1949 году был восстановлен в аспирантуре. О его службе в армии во время войны и после нее кафедра ничего не знала, предполагали, что он служил в разведке. Профессор И.Н. Кузьминых однажды сказал, что он пришел на кафедру в американской шинели. Сам Жорж Абрамович об этих годах своей жизни никогда не

говорил и на вопросы не отвечал. Молчит он и сейчас, хотя в печати уже появились некоторые сведения. Его имя упоминается в числе разведчиков, которые работали в США, добывая секреты создания атомной бомбы. Недавно он был награжден нагрудным знаком «За службу в военной разведке». Конечно, хотелось бы услышать подробности непосредственно из его уст, но, наверное, еще не пришло время, когда об этом можно открыто вспоминать.

В 1952 году он успешно защитил кандидатскую диссертацию по исследованию гидродинамики и массопередачи в колонне с ситчатыми тарелками. Хотя такие тарелки и использовались в промышленности очень давно, но в то время массопередача на них была изучена недостаточно. Отсутствовали данные по коэффициентам массопередачи. Все расчеты проводились с использованием К.П.Д. тарелки. В диссертации он впервые в нашей стране получил данные по коэффициентам массоотдачи в газовой и жидкой фазах в большом диапазоне скоростей газа и установил гидродинамические режимы, возникающие при работе тарелки. Это режим ячеистой пены, образующийся при небольших скоростях газа, и режим газовых струй и брызг, который наблюдается при более высоких скоростях. Вторым режимом М.Е. Позина, И.П. Мухленова (ЛТИ им. Ленсовета) впоследствии назвали режимом «подвижной» пены, а абсорберы, работающие в этом режиме – пенными аппаратами.

Основная ценность этой диссертации заключалась в том, что в ней была предложена оригинальная методика исследования массопередачи в барботажной колонне. Методика экспериментов позволяла одновременно в одних и тех же гидродинамических условиях определять коэффициенты массоотдачи в газовой и жидкой фазах. Для этого на тарелке изучается одновременно два физических процесса испарение воды в воздух и десорбция кислорода из воды воздухом. Первый из этих процессов лимитируется диффузионным сопротивлением со стороны газа, второй – со стороны жидкости.

Эта методика совместно с И.Н. Кузьминых была опубликована им в Трудах МХТИ, вып. 18, 1954 г. Она получила широкое распространение и была использована многими исследователями.

Другим достоинством диссертации является то, что в ней впервые для ситчатых колонн было проанализировано влияние перемешивания на массообмен в газожидкостном слое. Экспериментально было доказано, что при расчете коэффициентов массоотдачи в жидкой фазе можно использовать модель полного смешения. Это было подтверждено впоследствии во многих работах.

После защиты диссертации Жорж Абрамович недолго работал заведующим лабораторией высоких давлений на кафедре связанного

ЖОРЖ КОВАЛЬ

азота, принимал участие в создании установки для получения жидкого азота. С 1953 года до выхода на пенсию работал на кафедре ОХТ, где создал новый курс «Основы автоматики и автоматизации химических производств» – СУХТП. Им составлены программы курса и написаны 11 учебных и методических пособий.

В научной работе он продолжал исследования по гидродинамике и массопередачи тарельчатых колонн, подготовил 8 кандидатов наук. У некоторых из них я выступал официальным оппонентом. Мы постоянно обменивались результатами исследований, иногда выполняли их совместно. Так, в 1962 году опубликовали вместе с И.С. Божовым в журнале «Прикладной химии» результаты работы по исследованию провальных ситчатых тарелок с отверстиями двух диаметров. Он активно участвовал в теоретических семинарах и Всесоюзных конференциях по абсорбции, интересовался и другими направлениями в науке.

До сих пор для меня остается загадкой, почему он не написал докторскую диссертацию. Экспериментальных данных и идей, на мой взгляд, у него было для этого достаточно.

В 1964 году Ж.А. Коваль вступил в члены КПСС и активно занимался общественной работой, был членом партбюро факультета, членом месткома института, работал в обществе «Знание» деканом факультета Московского городского университета передовых научных и экономических знаний. По его заданию мне и преподавателям кафедры рекуперации часто приходилось читать лекции в различных организациях по проблемам охраны окружающей среды.

Во время выполнения дипломной работы у меня сложились с ним дружеские взаимоотношения. Мы часто по вечерам играли на кафедре в шахматы. В этом участвовал еще и А.И. Малахов. Иногда такие «турниры» устраивали втроем у него на квартире. Мы оба «болели» за футбольный «Спартак» и посещали все его игры на стадионе «Динамо». Порой выстаивали длинные очереди, чтобы достать билет на Восточную или Западную трибуны. Однажды отдыхали зимой в одном из подмосковных домов отдыха, совершали лыжные прогулки и, конечно, обсуждали раз-

говали о футболе и о других интересующих нас темах.

личные проблемы научной и общественной жизни. Однако со временем таких встреч становилось все меньше и меньше. У каждого была своя работа.

На пенсии он продолжал некоторое время трудиться, переводил статьи на английский язык для некоторых химических журналов. В настоящее время (2003 г.) он находится в курсе всех событий, происходящих в стране и университете. Как и раньше, интересуется новостями в спорте. Продолжает болеть за «Спартак», который в последние годы его огорчает, поэтому не смотрит его игры по телевизору.

Наши встречи стали эпизодическими, но когда они происходят, то возникает радостное ощущение от воспоминаний».

Божов Иван Стефанов

1954 г. ТНВ. Диплом с отличием № 100136

О студенте МХТИ 1950-х из Болгарии помнит сегодня только профессор А. И. Родионов. Нашлась статья в «Журнале прикладной химии» за 1962 г. (№ 2) «Испытание провальных тарелок», в авторах которой значатся Ж.А. Коваль, А.И. Родионов, И.С. Божов.

В архиве Менделеевки хранится его студенческое дело. В автобиографии сказано, что родом Божов Иван Стефанов из деревни Скребатно, обл. Неврокопски.

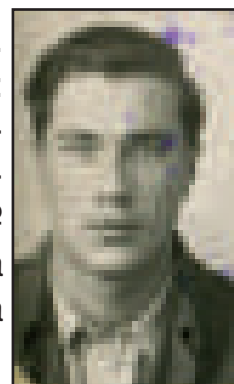
12 июня 1954 г. он защитил дипломный проект на тему «Определение разделения коксового газа методом глубокого охлаждения с обогащением этиленовой фракции производительностью кабины 16500 м³/час в г. Кемерово». Вполне возможно, что руководителем дипломного проекта у И. Божова был Ж. Коваль, тем более что он занимался организацией лаборатории высокого давления на ТНВ.

Тихонович Владимир Юрьевич

1963 г. ТНВ

Об этом дипломнике Ж.А. Ковалья известно со слов сотрудников кафедры ОХТ той давней поры. 10 июня 1963 г. Владимир на отлично защитил дипломную работу на тему: «Статические и динамические характеристики гидравлических процессов на единичной провальной ситчатой тарелке». Руководитель работы на выписке из протокола № 32 заседания ГЭК под председательством профессора П.М. Лукьянова не указан, но по смыслу и формату текста темы ясно, что в руководителях – Ж.А.

В.Ю. Тихонович был распределен в ГИАП, где начал трудиться с августа 1963 г.

Шимечек Антонин (Антонинович)

1961 г. ТНВ

Дважды я пытался встретиться с Антонином в Праге по просьбе его друзей. Первый раз в 1970 г. с М.Г. Беренгартеном, но время было невеселое, да и пражане казались очень сумрачными при контакте, встреча не состоялась. В 1973 г. вместе с Г.Д. Клинским, мы появились в прихожей пражской квартиры, вручили московские сувениры, но разговора не получилось: время по-пражски было «запопуношное», около девяти часов вечера по местному. Много добрых слов в адрес чеха слышал от Ирины Климентьевны Шмульян. Дипломникам поздних лет она ставила Тонду в пример.

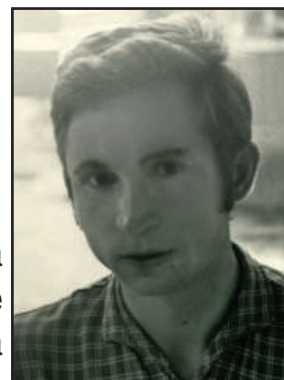

21 июня 1961 г. этот 22-летний парень из Чешскова Крумлова (Сталинградская, 56) защитил на «отлично» (по-чешски на единичку) дипломную работу на тему «Методы исследования статики и динамики процесса массопередачи на барботажных тарелках». В Менделеевке он проучился всего два года (1959-1961), жил в 5-м корпусе на Соколе, но вспомнить я его не могу. Почему всего два года учился в МХТИ – перед этим два года учился в военной академии имени Антонина Запотоцкого в Брно, затем перевелся в высшую химико-технологическую школу в Праге, а через год был направлен в Москву. Так Антонин Шимечек оказался на Миусах (ТНВ), со стипендией 780 (сталинских) рублей. В зачетке за 7-9-е семестры лишь отличные оценки, только по «Основам т/б» (проф. Н.В. Соловьев) стоит «хорошо». «Чехословакия маленькая страна, но в ней много великого» – слоган с чехословацкой выставки в Сокольниках 1960 г. Это «великое», на мой взгляд, интенсивно давило на плечи народа той, уже не существующей на политической карте мира XX века, страны. Проблемы, проблемы – вспоминал ли позднее о своем «барботаже» этот парень с дипломом Менделеевки за № 517241 П от 1 июля 1961 года...

Жуков Александр Петрович

1967 г., набор так называемых «школьников», ТНВ

Я не собирался заниматься дипломной работой на кафедре ОХТ. Предварительная прикидка на кафедре отправляла меня в группу Николая Владимировича Кельцева, и на организационном собрании в первый день весеннего семестра 1964 г., когда оглашали список, кто куда отправится по делам УНИР (курсовой работы), я не напрягался.

Список огласили, а кто-то из моих друзей спросил Антонину Григорьевну Кузнецову: «А Жукова куда?» А.Г. ответила просто: «Он пойдет со мной». Вот и пошли в новую лабораторию на 4-м этаже, где в прошедшем семестре мы под началом Ж.А. Ковалёва и И.Е. Зубовой осваивали лабораторный практикум по КИПам.

Личное знакомство с Ж.А. Ковалёвым

Состоялось оно ровно полвека назад, а помнится прекрасно. К тому же есть четкие реперные точки для проверки памяти. Только самая первая, как сегодня говорят, – информация, размыта временем. Наиболее надежная версия – впервые о Ж.А. Ковалёве я услышал от своего одноклассника Владимира Кудинова, мы вместе поступали в МХТИ на кафедру ТЭП в августе 1959 г. и жили в одной комнате в общежитии на Соколе. Личность В.И. Кудинова была уникальна, как губка он впитывал и фильтровал огромный объем разнообразной информации, к тому же был истовый патриот, без дополнительных определений – как гений места: патриот страны, родного Посада, родной улицы Грибоедова (на Городке, район Павловского Посада), школы и, конечно, Менделеевки. Его интересовали люди МХТИ – от легендарного Н.Ф. Юшкевича до неведомых нам специалистов, золотивших звезды Кремля, военные биографии полковников со спецкафедры и т. д. Вот от него я и услышал впервые: «На ОХТ преподает настоящий американец»... Американец по фамилии Коваль?.. ОХТ, КИП, Америка, Коваль – даже контуров, наброска портрета в моем сознании не получалось. Америка – это купольный павильон выставки в Сокольниках в августе 1959 г. Это еще живой президент Джон Кеннеди. (Значки с номером его торпедного катера РТ-109 считались верхом шика, на лацкане самого стильного пиджака. К тому времени стилисты в вузах куда-то растворились, остались в наших школьных годах). В конспектах по истории КПСС после победы Джона Кеннеди на выборах президента США по-английски (японский никто бы и не понял) и каллиграфически писали «АВИАНОСЦЫ В ТОЙ СТОРОНЕ». От Дж. Ф. Кеннеди молодые, разбирающиеся в мировой политике, хотя бы на уровне еженедельников «За рубежом» и «Новое время», ждали новых отношений (без атомной кувалды USA) союзников во Второй мировой: Союз – Штаты, пожилое поколение, прошедшее войну, молилось о мире, но веры в янки уже не было.

ОХТ – расхожая аббревиатура, из тех, что на слуху любого менделеевца: ОХТ, ИХТ, ТНВ, ОТС – скучновато, так же как и КИП – измерительные приборы: термометры, анероиды, осадкомеры. В родном Посаде я жил возле метеостанции, каждый год в школе обязательно ходил на экскурсию к этим приборам. Американец Коваль (с любым ударением)

ЖОРЖ КОВАЛЬ

тоже не зашкаливал в подкорке – то ли дело Смит или Форд, братья Уорвик, братья Кеннеди, еще пока живой Хемингуэй, на худой конец трудновыговариваемые с утра, Лонгфелло, Эйзенхауэр.

В сентябре 1963 г. в 501 аудитории, еще свежей, новенькой после надстройки здания института на Миусской, состоялось знакомство большого потока («школьников» 1959 года набора) с КИПовцем, доцентом Ковалем Ж.А. В аудиторию вошел высокий, с крупными чертами лица седовласый мужчина. Представился, заговорил о целях и задачах курса «Контрольно-измерительные приборы» («Автоматизация химико-технологических процессов»). Стало тихо на несколько минут, потом пошел шепот изумления от знакомства и узнавания: «американец»...

Лекций по КИПам оказалось очень много, если не изменяет память, 72 часа (семинаров не было, но лабораторий еще 32 часа). Слушать было тяжело – 5 курс (у так называемого студента-школьника 1959 г. набора – опыт работы на химических заводах, трудовые семестры на стройках и заводах, пора бы подводить итоги – специальные технологии, а здесь общий нудноватый курс, да еще нужно привыкнуть к лектору. Это студенческий взгляд, позже я сам узнал, что такое труд лектора да еще с инициативной методической жилкой, как у Ковалю Ж.А. Прибавьте безостановочный, поточный конвейер, работа на общей кафедре. В аудитории сидело (должно было сидеть) не менее 150 человек, и новая аудитория не была приспособлена для напряженной работы лектора и студентов.

Лекции шли в классическом режиме «talk and chalk», и остаться на плаву при таком «уже не рабочем» настрое многих студентов было сложно. Господствовали настроения – «автоматизация – это такая чушь, зачем все это, нам, технологам...» Вслух, конечно, никто ничего такого не говорил, да и кто нас, так называемых «ничьих детей», учившихся по сврхэкспериментальному учебному плану, спрашивал... Механизм семестра завертелся: варили соду и титровали на спецкафедре, слушали философию – даже закрытое письмо ЦК КПСС «О позиции компартии Китая», по ходу отметили юбилей 450-летия открытия Тихого океана. Сентябрь был дождливым, атмосфера на лекциях казалась мрачной, студенты тянулись к чему-то потеплее и повеселее. Аудитория заметно поредела. Деканат своими привычными методами «взбодрил» – народу в аудитории поприбавилось. Нас, студентов-ТНВшников, не могло не вдохновить «громадье планов» страны по химизации народного хозяйства: «Увеличить производство минеральных удобрений на 100 млн. тонн». Все поняли, что это наша прямая задача, так оно и случилось.

Из моих дневниковых записей того семестра:

30.10.1963 г. – заботы о контрольной по КИПам

31.10.1963 г. – Коваль великолепно руководил контрольной, списать было почти невозможно, а учить очень не хотелось. (Впрочем, и списывать было лень, кто умел, тот мог перелезть и через этот шлагбаум. Но вот восхищение организацией дела на курсе автоматизации было, действительно, всеобщим и так и осталось светлым воспоминанием. А вывод был простым и вечным – надо пахать...)

В середине ноября того же 1963 г. я с большим опозданием прочитал книгу Р. Юнга «Ярче тысячи солнц». Говорили о ней много, был даже такой посыл – мол, самыми честными (с позиции «прогрессивного человечества») оказались немецкие атомщики, не захотевшие делать урановую бомбу для Гитлера. О прочих из «Солнц», об интеркоманде Рузвельта: «Как должно было ненавидеть их человечество (тоже «прогрессивное») – принесших миру библейский ужас ядерного конца света, но как ни странно, их почитают в мире, приравнивая к богам. Вот Жолио Кюри с нимбом святоши. Вот Эйнштейн – первый в ряду сих богов».

Замечу, что с личностью нашего лектора по КИПам доцента Ковалья все это мы никак не связывали... Сдали коллоквиум по КИПам. Помню Жорж Абрамович провел воспитательную работу с одним нашим студентом Валерием Барским. Все по делу, деликатно, педагогично.

Экзамен я сдавал, конечно же, Жоржу Абрамовичу. Без блеска, мягко сказано. Неловко, даже стыдно до сих пор.

Из времен дипломной работы помнятся последние дни 1964 года. Большинство моих однокурсников уже защитилось, а я все подбивал итоги, никуда не поспешая. Вот на календаре уже появилась дата 26 декабря 1964 г. (*25-го был 51-й день рождения Ж.А.*) – шрам на исторической памяти Менделеевки. Из записок очевидца (без редакции): «Високосный год сделал страшный подарок Менделеевке. Взорвались баллоны сжиженного пропана в подвале под силикатным переулком, сложенные там по чьей-то халатности. Сильный взрыв потряс здание – и силикаты, и часть второго этажа в огне. Говорят о жертвах, 4 погибших и очень много раненых и обожженных. Вой сирен «Скорой помощи» и пожарных машин стоял над кварталом. Милицейский патруль оцепил здание, студенты и сотрудники были эвакуированы. Неизвестно, будет ли открыт вуз завтра. Хорошо, что взрыв был местным, и все обошлось без паники. А если – даже страшно говорить о если, когда вспоминаешь о запасных выходах и тесной раздевалке. Виновных накажут, но слишком тяжел их грех... Сделают ли выводы из этой трагедии».

День взрыва я прекрасно помню, дело было связано с обсуждением моей дипломной работы «Исследование гидродинамики работы провальных тарелок с большим свободным сечением». Работа затянулась – это было в традиции научной группы Ж.А. – «не спешить». Но послед-

ний срок подходил, защита была назначена на 29 декабря, и надо было завершать работу. Только разложили бумаги в ожидании Жоржа Абрамовича – резкий хлопок (сидели на 4-м этаже противоположного крыла здания). Бумаги подскочили от несильного вроде толчка, что особенно запомнилось – пыль, пыль в воздухе. Все зачихали. Шеф куда-то вышел и исчез на пару дней... Где-то его подцепил Б.И. Степанов и включил (мгновенных решений был человек) в срочно создаваемую комиссию по расследованию причин взрыва.

Как это было очевидно для всех с позиций конца 2009 г., «лошадь хромала» и 45 лет назад. Не буду здесь говорить обо всех делах и разговорах тех лет. К воскресенью 27 декабря, когда в институте был объявлен воскресник для всех мужчин моложе 40 лет, запасные выходы очистили, они даже стали открываться. На кафедрах носились, как ошалелые, лаборанты, аспиранты и все остальные. От шефа мы узнали причины взрыва (удивительно, но уже 26-го институт знал источник, говорят, «Голоса» что-то плели, но высосанное из пальца, кроме уровня сигнала тревоги по Москве). По озвученной версии шефа в одном из пропановых баллонов не оказалось газовой подушки (за что купил, за то и продаю), внесенный в теплое помещение с холода, баллон развалился по сварному шву под напором расширившегося газа. Мгновенно испарившийся пропан создал взрывоопасную концентрацию – в результате прогремел взрыв. Погиб 1 человек, ранено 28 (данные комиссии на вечер 26 декабря).

О взрыве можно говорить много и по-разному, даже в моем срезе преддипломных забот. Погибших вот не вернешь, а память людская коротка – никакого памятного знака на месте трагедии мы не установили.

В воскресенье с дипломником, т.е. со мной, надо было что-то решать. Жорж Абрамович пригласил к себе домой на Мичуринский проспект, как мне тогда казалось, «к черту на куличики». Обсудили мои «кривые», точнее ломаные линии по данным эксперимента. Дипломник был успокоен. Сели с Людмилой Александровной чай пить. Разговоры вели обычные. Незаметно перешли на воспоминания о студенческих годах семьи Ковалей. (Об этой встрече и пророческих разговорах на советской кухне я уже упоминал на стр.86, представляя жену Ж.А.)

Диплом я защитил на отлично и через пару-тройку дней был в армии, в химбригаде на Волге.

Иванов Виктор Феодосьевич

1966 г. ТНВ

С Виктором Ж.А. много сотрудничал по работе в ЦНИИБе (пос. Правдинский), где много лет трудился по совместительству. Скорее всего, Ж.А. «приложил руку» к распределению Виктора в этот институт, где он быстро занял одну из заметных должностей.

Куртов Владимир Петрович

1968 г. ТНВ

Какая связь времен – дипломная работа Ж.А. Коваля по программе НКЭТ «Криптон» и карьера его дипломника (через 30 лет) на Московском электроламповом заводе.

Валерий был седоватым (это в студенческие годы!) шатеном, мягким, добрым, с доверчивой улыбкой на лице. Как попал на ОХТ – Антонина Григорьевна Кузнецова («Тося») направила. Она по-прежнему на кафедре ТНВ курировала дела дипломников-выпускников. Валерий был из стажников, прошел армию, служил в ГСВГ, вспоминал армию тепло, службой в Германии гордился с достоинством ветерана мирного времени. Коммуникабельный, умел найти подход к любому человеку. Наша знаменитая Полина (Аполлинария Апудовна) – заведующая лабораторией ОХТ, дама с норовом, требующая особого подхода, для Валерия доставала реактивы по первому требованию: нужен фиксаж для титрования – пожалуйста ... С ним связана особая история «про аликов».

Работал парень добросовестно, получил интересные результаты о влиянии концентрации CO_2 на величину коэффициента массопереноса в модельной системе. Но почерк был у Валерия неважный, и написана дипломная работа была второпях. На рецензию работа была отдана мимо меня – руководителя-аспиранта. Вроде бы сам Жорж Абрамович распорядился. Оказалось, что у нашего добрейшего Валеры нашлись недоброжелатели (до сих пор удивляюсь, откуда они могли быть у студента-дипломника). На защите диплома, когда все шло «по времени на флажке», т.е. впритык, рецензию принесли прямо к заседанию ГЭКа, что-либо объяснить уже было некогда. Ж.А. стал зачитывать рецензию и при оценке работы «удовлетворительно»! всерьез изумился..., но чтение продолжил. После защиты Жорж Абрамович успокаивал Валеру, как-никак несколько месяцев плотной работы, сотни экспериментов, и вот на тебе – такой сюрприз. Не могу вспомнить фамилию дынеголового рецензента с процессов и аппаратов (писал он по заказу, можно сказать мягче, по просьбе). «Не расстраивайтесь, Жорж Абрамович, еще и успокаивал руководителя дипломник. Это все алики». С тех пор так и пошло. Если звонок от Валерия Куртова (да и при встречах тоже): «Как там наши алики?» – «Живут и пахнут...» Откуда вылез этот собирательный образ аликов у Валерия Петровича, может быть даже из «Утиной охоты» Вампилова – он был заядлым театралом и пьесу эту в театре Ермоловой видел на премьере. Через много лет на 75-летию родного ТНВ факультета сказал я Валерию: «Дались тебе это алики - «Алики», пора бы и забыть». Ответил он философски: «Забывать нельзя. Алики лишают меня звуков Эхо. – И уточнил для непосвященного (без латыни). –

ЖОРЖ КОВАЛЬ

Собственного Эхо. А человек без Эхо не живет». Вот такая философия у доброго московского парня. Ну а «алики» – вечны, порой они вылезают даже из вакуума бытия.

Очередной раз я встретил неких аликов недавно, в 2012 году в книге «человека мира», нобелевского лауреата Чеслава Милоша «Азбука». Книга была на польском, понятно было не все, но алики присутствовали. Последний раз алики появились, когда собирал эту книгу, из попсовой Верки Сердючки (ТВ «Россия» 23.03.2013):

- Один мой друг Алик уехал за границу и оставил мне ключи от квартиры.

- Так это же хорошо, поживи!

- Конечно, хорошо! Но адреса-то он мне не оставил!

Так что, уважаемый Валерий Петрович! Из ваших воспоминаний получилось что-то вроде эссе об атмосфере действий тех лет.

В.П. Куртов свою трудовую биографию инженера-технолога сделал на Московском электроламповом заводе. «Добрым сражением бился», чести учителей из МХТИ им. Д.И. Менделеева не посрамил.

Якушев Валерий Иванович

1969 г. ТНВ

О связи времен. Валерий Якушев, дипломник Жоржа Абрамовича 1969-го, кандидатскую диссертацию сделал и защитил под приглядом первого дипломника Ж.А. – профессора А.И. Родионова, одного из основателей экологического направления подготовки специалистов (да и научной тематики) в МХТИ им. Д.И. Менделеева.

Валерий Якушев – человек с нелегкой судьбой, даже ко времени выполнения дипломной работы уже обладающий «жизненным стажем» и безусловно со своим (не зашоренным, что особенно ценно в людях) взглядом на события и жизнь. Технар (иначе говоря, «физик») по различным уровням образования, в душе (впрочем, и наяву) он поэт. Свои стихи читает редко, предпочитает любимых поэтов: «Когда, забыв присягу, повернули...» или «Я вырос в маленькой деревне, в смолёной рубленой избе...» помнят поколения ОХТшников.

Памяти учителя Ж.А. Ковалёва Валерий Якушев посвятил свои лирические воспоминания «Коротки встречи на чистом снегу» (ИВ № 28/2009).

«Академики человеческих душ, писатели и поэты, отмечают, что жизнь человека – страдание. С академиками не спорят. Наличие интересной работы, творческого окружения, любви – составляют редкие исключения.

В октябре 1966 г. по семейным обстоятельствам я переходил на вечернее отделение. Декан топливного факультета, в то время доцент Родионов А.И., подписав заявление, поинтересовался трудоустройством. Выслушал, взял паузу и дважды куда-то позвонил, затем сказал: «На кафедре общей химической технологии требуется механик. Сходи туда, ты же электрик».

Через час я беседовал с высоким человеком в сером костюме с большим галстуком. Мы стояли посреди лаборатории автоматизации химических производств, а Жорж Абрамович Коваль, немного покачиваясь взад-вперед, слушал меня. Молчаливые людистораживают собеседника. Но его покачивание как-то располагало к себе. Через неделю я приступил к работе в должности механика. Работа была связана с обеспечением учебного процесса.

В период работы на кафедре у меня создалось впечатление, что Жорж Абрамович находится где-то далеко, как будто в другом измерении, но это было не так. Через полгода у меня возникли трудности с изготовлением царг из оргстекла для абсорбера диаметром 160 мм, и Коваль (в народе Жоржа Абрамовича часто называли по фамилии), неожиданно оказавшийся рядом, спросил о трудностях. Необходим был металлический стол с равномерным обогревом. На следующий день, возвращаясь с лекции, Ж.А. заметил: «На кафедре процессов и аппаратов что-то похожее имеется». Каково же было мое изумление, когда на этой кафедре уже ждали моего прихода. Впоследствии на этом абсорбере была сделана моя дипломная работа. Потребности в такой поддержке возникали довольно редко, но защищенность и возможность получить поддержку всегда чувствовалась.

В октябре 1968 г. произошло сильное задымление на чердаке за лабораторией кибернетики, где месяц назад был установлен компрессор для подачи воздуха а лабораторию автоматизации. Мы бросились туда. Буквально сзади меня оказался старший преподаватель В.И. Грачев. Наше оборудование не имело отношение к ЧП. Все кто был на кафедре (а был конец рабочего дня), встречали нас в дверях, кто-то напоил чаем. Через час меня позвали к телефону. Звонил Жорж Абрамович, расспрашивал: что да как...

К числу необычных случаев следует отнести следующее. Иногда при разговорах Жорж Абрамович держал руки в карманах как-то по-особому. Он шел на лекцию и о чем-то заговорили в коридоре кафедры. Коваль достал из кармана съемную деталь с радиационного уровнемера и крутил ее в руках. «А это не опасно? – спросил кто-то, – радиации не бывает старой». На что Коваль заметил: «Может быть». Присутствовавший при этом разговоре дотошный Грачев В.И. на следующий день с

«интересной» деталью пошел в серый корпус. Внушительный, красивый прибор определения уровня радиационном методом, на котором студенты в тот момент не работали, к концу года убрали.

Период работы и учебы, как и для всех, был труден, в том числе и материально. И когда встал вопрос преддипломной практики, то есть моего отсутствия, Жорж Абрамович принял участие в решении вопроса, и с его подачи практиканту оформили две командировки (Рязань, катализаторная фабрика; Славянск, старый и новый содовый заводы).

Я не был одинок во внимании Ковалю Ж.А. Он тепло, внимательно и с большим пониманием относился к ученикам и коллегам. Но не был одинок и Коваль. «Старая гвардия» кафедры «пасла» подрастающее поколение. Всем нам было с кого брать пример.

Эlegantный ассистент Лев Гришин спешит на одну из первых своих лекций. У входа в корпус МХТИ достает из портфеля газету, отбирает у меня очередную связку медных трубок и подымает на кафедру. В то время делали разводку от газовых баллонов.

Видя моё притяжение к производству, соруководитель дипломной работы Жуков А.П. знакомит меня с отраслевым институтом НИУИФ им. профессора Я.В. Самойлова, где впоследствии за 25 лет работы прошел по служебной лестнице до заведующего сектором.

Дипломная работа: «Исследование массопередачи и гидродинамики в абсорберах с подвижной шаровой насадкой» была выполнена под руководством моих учителей Ковалю Ж.А. и в то время аспиранта Жукова А.П. По результатам работы была опубликована статья. Первая моя статья в научном журнале.

Менделеевский институт (РХТУ им. Д.И. Менделеева) – это судьба, школа, становление, профессия, любовь, жизнь! Кстати, со своей будущей женой я познакомился в лаборатории автоматизации. Группа ИХТ факультета выполняла работы в лаборатории автоматизации химических производств. Заметив двух симпатичных девушек в смелых платьях, я, узнав какую работу они будут делать, уменьшил чувствительность прибора и снял провод с одной из клемм. Рассчитывал, что позвуют. Но они стали разбираться сами. В это время Коваль возвращался с лекции. Студентки, зная лектора, обратились к нему. Заметив такую ситуацию, я подошел. Посмотрев на приборы, студенток и меня, Жорж Абрамович улыбнулся: «Он будет работать». «Кто? Сотрудник, прибор?» – сказала школьная медаль студентки. После небольшой паузы Коваль заметил: «Оба,... вы тоже».

Вот уже 39-й год медалистка готовит мне и уже внукам обеда и ужины. Более полутора лет назад бывшая Люся Желамская прокричала у телевизора: «Коваль! Звезда! ГРУ!» Вместе стали ждать десятичасового

выпуска новостей. И были поражены Указом президента о присвоении звания Героя Российской Федерации Жоржу Абрамовичу Ковалю. Участие в решении задачи – создания отечественного атомного оружия – было оценено государством.

В дневнике трехлетний период работы на кафедре нашел отражение в двадцати страницах моих записей. Часть событий и фактов приведены выше.

Счастливого, улыбающегося человека, крупного ученого, надежного спутника, наставника – Ковалю Ж.А. в день семидесятилетия пришли поздравить бывшие дипломники, аспиранты, коллеги, друзья. По традиции такие торжества отмечались на кафедре, в лаборатории автоматизации химических производств. Включили все приборы, огни подмигивали нам и о чем-то жужжали. Свой тост я закончил притчей: «... По преданию народов Севера каждый прожитый год человека отмечается появлением звезды на небе, каждые десять лет появляется большая звезда, и сегодня закончилось формирование ковша Ковалю. Ковша доброты и нравственности, и нам, ученикам и коллегам, нести этот ковш. В дни горестных дождей мы будем спотыкаться, и тогда из него на землю будут падать звезды».

Прошли годы, мы все уже спешим на встречу с Жоржем Абрамовичем, хотим узнать тайну манхэттенского атомного проекта из первого источника. ГРУ не возражает, да и ФБР уже не молчит

В.И. Якушев – ктн, эксперт ОАО «СИС- натуральные ресурсы, эколог».

После ухода в прикладную (миллионотоннажную) науку о химической технологии много интересовался философской разработкой темы «Деды Морозы и технопедогенез».

Перельман Ньюма Давидович

1969 г. ТНВ

Наум Перельман, как и все дипломники Ж.А., был студентом факультета ТНВ. Москвич (22 декабря 1946 г.). Окончил школу рабочей молодежи № 139, работая токарем 2-го разряда завода «Авторучка». Посещал кружок неорганической химии московского Дворца пионеров (завод «Авторучка» рекомендовал Н.Д. Перельмана на учебу в МГУ им. Ломоносова, химическое отделение).

Вместе другом Михаилом Беренгартенем они начали заниматься научной работой на ОХТ с легкой руки декана своего факультета профессора Кузнецова Дмитрия Афанасьевича. Так Наум

ЖОРЖ КОВАЛЬ

оказался в моих помощниках. Студент был неплохо подготовлен – знал физическую химию, разбирался в процессах и аппаратах на хорошем уровне, умел держать в руках отвертку и молоток. Читал и считал с умом. Был один «серьезный» недостаток – писал, как курица лапой (я здесь не боялся, что выйдет он на аликов перед защитой – Наум Перельман удар держал, и за себя постоять мог). К футболу, в отличие от многих парней нашего поколения, был равнодушен. Увлекался «Новым миром» (В. Лакшин – безоговорочный кумир), литературу любил во всех проявлениях. Однажды детально разобрал для меня какой-то роман в стихах Егора Исаева.

Защитил диплом на отлично. По распределению попал в Гипрохим, что-то считал уже не только на арифмометре, но и на первых ЭВМ. Вернулся в аспирантуру на ОХТ, на базе ГИАПа и кафедры ОХТ выполнил достойную кандидатскую работу «Исследование влияния химического состава и методов приготовления на прочностные свойства катализаторов синтеза аммиака» (руководители доцент И.Е. Зубова – ОХТ и кхн П.Д. Рабина – ГИАП). Женился на однокурснице Риве, очень гордился, что рязанская девушка Рива хорошо освоила школьную физику под началом еще неизвестного миру нобеля по литературе А.И. Солженицына (хранили в семье как реликвию дневник Ривы с автографами учителя физики). Старший сын семьи Перельман тоже окончил Менделеевку. Сейчас все живут в Израиле. Думаю (уверен), что в русскоязычных «Окнах» читали большой материал Ю. Лебедева о Жорже Абрамовиче. На столетие Учителя трезвенник по воспитанию и традициям, Наум Перельман, несомненно поднимет рюмку холодной или помянет его по-другому, но с добротой в сердце.

Айыпов Рахим Примбетович

1970 г. ТНВ

Рахим приехал в Москву из Узбекистана, у этого человека сложная жизненная судьба. Учился он неплохо, защитился и уехал в Среднюю Азию. Были одно-два письма из Алма-Аты, где он работал в научно-исследовательском институте. Затем пришли другие времена. Парень он был упорный, как у любого человека Востока, забот у него было невпроворот. Половину времени диплома он занимался «пятым пунктом» паспорта – решил сменить национальность с узбека на араба. Помогло ли ему это в новой жизни, как знать...

Кулешов Олег Георгиевич

1970 г. Вечерний факультет – КХТП

С 1965 г. Олег Кулешов работал в группе Ж.А. Ковалю, обеспечивая

выполнение НИРовских хоздоговорных работ. Учился на факультете КХТП, дипломную работу защищал по тематике группы, связанную с исследованием гидродинамики и массопередачи (на модельных системах) в абсорбционных колоннах с подвижной шаровой насадкой. Мастер золотые руки, и многие удачи в исследованиях научной группы были связаны с его «ювелирной» работой. После защиты диплома был переведен на преподавательскую работу ассистентом по курсу «Автоматизация и автоматика производства», где плодотворно работал около 20 лет.

Кулешова Эмма Симховна

1970 г. Вечерний факультет – ТНВ

Жена О.Г. Кулешова. Работала на ИФХ факультете и училась на вечернем. Дипломную работу выполняла под руководством Ж.А. На кафедре несколько снисходительно относились к Э.С. – девушка, вечерница и т.д. Она посрамила доморощенных скептиков и защитила хорошую дипломную работу. Много лет работала заведующей лабораторией на кафедре «Технологии изотопов и особо чистых веществ». С реконструкцией капитализма в России ушла в бизнес, где, как говорят осведомленные люди, преуспевает.

Каграманов Георгий Гайкович

1971г.ТНВ

Пришел на кафедру ОХТ студентом-научником. О временах диплома, о руководителе – Ж.А. – Жора «маленький» написал в ИВ (№ 28/2009) детальные воспоминания. С разрешения профессора Г.Г. Каграманова помещаю их в этой главе (без купюр).

«Хорошие, теплые слова — учитель, учителя. Сразу же вспоминается и воспитательница в детском саду, и милая «Мариванна» в первом классе, и строгий учитель физики, доказывающий, что хорошие футболисты, в отличие от всякого рода «мазил», сплошь хорошо занимались физикой, потому что явно сперва рассчитывают траекторию полета мяча с коррекцией на скорость и направление ветра, а уж затем только бьют по нему. Учителя всегда сопровождают нас по жизни, они всегда рядом, стоит только оглядеться. Они иногда физически отдалены от нас во времени и пространстве, но о них всегда вспоминаешь, слегка оглянувшись в прошлое, радуешься, когда они есть в настоящем и «светлогрустишь», когда...

Исполняется (а когда этот опус выйдет в печать) и исполнится 100 лет со дня рождения моего учителя. Жоржа Абрамовича Ковалья, (он же George Koval, он же Георгий Коваль, он же...) Всего-то 92 года прожил, а сколько интересного было в его жизни, столько приключений, путешествий, подвигов, труда, любви, учеников.

Родился в Америке, да не просто в Америке, а на Среднем Западе Североамериканских Соединенных Штатов, к тому же в штате Айова, где G G G (Great Grain Grows), в городе Де-Мойн (правильно Des Moines), что по-французски «монахи», и что, по-видимому, и объясняет некий *chevaleresque* и легкий французский флёр в его характере и манерах: яблоки ест с солью!

С самого раннего детства – труд в мастерской отца вместе с братьями: старшим – Исайей и младшим – Гейби. Переезд в 30-е всей семьей в Советский Союз, на Дальний Восток, со всем скарбом, сельхозмашинами и инвентарем, вместе с соседями и друзьями. Хотите новую землю обетованную – берите, сколько хотите, в Хабаровском крае. Взяли, вспахали, засеяли, организовали колхозы, построили дома и сёла, дали жизнь дикому краю. Он (Жорж) в том числе. «И божья благодать сошла на ...» Впрочем, это классик о другой стороне.

Так и видится следующая картина. Мудрые отец и мать посылают в Москву для получения высшего образования двух, среднего и младшего, сыновей, старший же остается с родителями, работает в колхозе трактористом. Менделеевка довоенная. Мы ее знаем по рассказам наших учителей. Было все – радость молодости, задор и здоровье, учеба у прекрасных и блестящих преподавателей, каждый из которых занимался не только учебным процессом, но и наукой. На её самом передовом рубеже. Ни один проект, ни один пуск будущих гигантов химии не обошелся без этих людей, менделеевцев.

Вместе с этим – террор поздних 30-х. Только вчера ты слушал лекции профессора Х – а завтра собрание, на котором о твоём преподавателе говорят такое...! Враги народа! Какого? Это же все бывшие московские студенты начала века XX-го, периода расцвета и подъема русской науки. Это цвет настоящей, мыслящей, технологической интеллигенции, это люди, всю жизнь посвятившие прогрессу науки и техники – химической технологии и химической промышленности. А не та, лакейски гуманитарнопаскудная ее часть, которая изменяет своим «идеалам» с периодичностью часовой стрелки (чему мы и сейчас свидетели).

Не думаю, что молодежь студенческая осознавала все тяжелые последствия этих репрессий для будущего нашей страны – *gaudeamues igitur...* Впереди жизнь, любовь, семья. Поскорее бы диплом и заживем...

«А завтра была ВОЙНА» и «все для фронта, все для победы». Жорж

Абрамович призывается в армию и, судя по официальной биографии, всю войну служит в Генеральном штабе Красной Армии в звании рядового. Но, почему-то, демобилизуется из уже Советской Армии в самом конце 40-х – начале 50-х годов, причем в том же звании. Появляется в Менделеевке. Большинство сверстников, да и более молодых менделеевцев ходят на занятия в офицерских гимнастерках и сапогах, многие заслуженно и гордо носят на груди ордена и медали. А Ж.А. Коваль скромно учится в аспирантуре, причем, что интересно, от науки-то он не то что не отстал, а, вроде бы, и преуспел весьма. Не только с успехом защитил кандидатскую диссертацию, но и абсолютно новый учебный курс разработал, научил учеников и внедрил курс в учебный процесс МХТИ.

Все конечно чувствуют, что в Великую Войну не сидел он без дела, но точно никто ничего не знает (кроме тех, кому должно знать, а те ...?)

Но мало-помалу, факты и фактики всплывают. Так, например, сидим мы с моим другом и его родным племянником Геной Ковалем на лабораторных занятиях по процессам и аппаратам и считаем Рейнольдсы и Прандтли на логарифмической линейке, на которой чернилами (знать, чтоб не потерять) написано «George Koval» и то ли «New-York city college», то ли «Columbia University» (по-моему, все таки последнее). То, случайно, на скромной даче навязываемся помочь, что-то там перекопать, и меня переодевают в американскую военную форму и крепкие военные ботинки 44 размера. Да и эта неизменная «чермопара» на лекциях. Неужели и переучиться нельзя было? Удивительная его черта – выделяться из людской массы, абсолютно того не желая. Но, видно, что «иностранец», «американец». Эту, внутреннюю, свободу не спрячешь, не сыграешь. Это врожденное – вспомните героев классических вестернов.

Наконец-то куплен новый автомобиль – жигуленок. Как надо трогаться с места, помните? Правильно! Сцепление полностью отжать, набрать максимальные обороты двигателя и сцепление бросить резко. Колеса – жжж, на асфальте дым, зато машина (жигуленок-то) с места – ууух!

Мне очень повезло оказаться в группе учеников Жоржа Коваля. Привёл меня на кафедру ОХТ и именно в группу ЖАКа (Жоржа Абрамовича Коваля), старшекурсник и друг Фима Хуторянский. В первый же день, после краткого разговора о тематике группы (все очень серьезно – массоперенос в аппаратах с подвижной шаровой насадкой) Жорж Абрамович пытался представить меня своему аспиранту Саше Жукову, с которым мне предстояло работать. Но, именно в это время кафедральные футболисты вернулись с игры. Жорж открыл дверь лаборатории, а оттуда повалил табачный дым и послышался гомон обсуждающих прошедшую игру и закусывающих спортсменов. Жорж застенчиво улыбнулся,

прикрыл дверь и сказал: «Репьята после футболла, приттите зафтра». Я сразу понял, что пришел по адресу. Первое время на кафедре моим «микрошефом» был Саша Жуков, а на пятом курсе – Саша Беспалов. «Дядя Жорж» курировал (очень тактично) всю нашу деятельность. Никогда не забуду, как он проверял мою, отпечатанную по его настоянию на машинке (мы же живём в XX веке, Жора!), дипломную работу и, обсуждая ее с нами с Сашей, сидя на стуле и покачиваясь на его задних ножках (я, помню, очень боялся, что они отвалятся, и дядя Жорж сверзнется), закрыв глаза и засунув дужку очков в рот, сказал: «фсё ккорошоу, но этту фразу я пы изменил. Нато написать: Этто яфление имеет место пыть...» Одобрение было получено. Выводил меня Жорж и члены его группы на защиту диплома так, как обычно провожает тренер своего любимого и молодого боксера на ринг, в бой. Впереди шли мы с Жоржем (он меня, положив руку на плечо, как бы подталкивал к месту «аутодафе»), сзади на шаг Саша Беспалов, Олег Кулешов, Саша Жуков, Шура Федосеев, Лева Гришин... И так было с каждым из его учеников. Все они были разными людьми, имеющими свой характер, свои достоинства и недостатки. Но, «странное» дело! После общения и работы под руководством Жоржа Абрамовича Ковалья все становились похожими друг на друга (и, я надеюсь, на Жоржа) твердостью жизненных принципов и убеждений, человечностью, любовью к студентам, аспирантам и сотрудникам, преданностью науке и преподавательской деятельности, способностью к анализу и принятию решений. Спасибо тебе за всё, Учитель!»

Харитонов Николай Иванович
1971 г. ТНВ

Николай Харитонов пожалуй единственный среди учеников Ж.А. прошел под его руководством все стадии обучения и сотрудничества: студент (курсовая и дипломная работа), затем ассистент (диссертация), доцент. Его можно считать прямым преемником Ж.А. по курсу «Автоматизация химико-технологических процессов». Статью, обликом, манерой поведения, психомоторикой – многим напоминает Жоржа Абрамовича.

Кандидаты наук технических

Ученики – кандидаты наук: Шмульян И.К., Жуков А.П., Беспалов А.В., Братчиков Г.Г., Кирсанов В.А., Кулешов О.Г., Иванов В.Ф., Харитонов Н.И., Пермьяков Ю.Г.

Научные интересы Ж.А. Коваля сформировались в научной школе профессора Н.Ф. Юшкевича, руководившего в 1930-е годы кафедрой «Основных химических производств» и никакой связи с делами Манхэттенского проекта не прослеживается. Массообменные процессы лежали в основе этих интересов. «Разделение воздуха» в ВЭИ (до войны), как продолжение – работа по организации лаборатории высоких давлений – гордости кафедры ТНВ 1959-1960 гг., «барботаж» – теоретические и прикладные исследования по абсорбции (в системе газ-жидкость), в том числе и пионерские в СССР работы по массопередаче в аппаратах с подвижной шаровой насадкой. Работы в ЦНИИБе были связаны с решением экологических задач в этой многотоннажной (по сырью и по продукции) отрасли народного хозяйства СССР. Вот этим проблемам были посвящены работы его учеников.

Шмульян Ирина Климентьевна

Выпускница кафедры «Технология неорганических веществ» 1960 года. Сокурсники помнят ее в активе комсомольской организации института. У комсомола тогда было много славных дел: фестиваль молодежи и студентов 1957 г., первые целинные отряды, годы оттепели. Валерий Легасов, академик АН СССР, секретарь комитета ВЛКСМ тех лет тепло вспоминал о своей соратнице (в публикации дневников академика).

Распределили И.К. на кафедру ОХТ под крыло зам. директора МХТИ профессора Д.А. Кузнецова (которого И.К. просто боготворила) лекционным ассистентом, в то время в институте это была редкая вакансия, также как «доцент по науке» или «профессор по науке». По кафедре ОХТ это был единственный случай. Готовиться к преподавательской деятельности И.К. довелось в рамках курса КИПов (это по данным книги «Прошлое и настоящее ОХТ», М.,2012,.С.242). Учебные лаборатории КИПов ОХТ были совмещены, территориально находились в левом полуподвале (если смотреть от Миусской площади), и я помню, что в нашей группе на семинарах по ОХТ 4-го курса она подменяла заболевшую Софу (Софью Пантелеймоновну Кокуину. Когда мне с Л.М. Владимиро-

вой посчастливилось в 1990 году навестить С.П. в Гаване, уже овдовевшую пенсионерку, кубинскую домохозяйку – одним из ее первых вопросов был: «Как там поживает моя Ира Шмульян?»)

В 1966 г. И.К. Шмульян первая из питомцев Ж.А. защитила диссертацию «Некоторые вопросы гидродинамики адсорбционных колонн с провальными тарелками». Официально (по принятому тогда протоколу) руководителями работы были профессор Д.А. Кузнецов и доцент Ж.А. Коваль. Дальше напряженная рутина общей кафедры: лекции, лаборатории, семинары. Она с коллегами перенесла переезд своей лаборатории из родного полуподвала на паркет 4-го этажа новой пристройки начала 1960-х. Много работала над собой, в смысле совершенствования курса – одна из первых прошла переподготовку в Консультативно-методическом центре при кафедре В.В. Кафарова. Самозабвенно выполняла работу куратора студенческих групп на факультете ТНВ. Помню, как она воспитывала нашего крестника Володю Носкова (во время летней практики в Славянске Донецкой области мои студенты сагитировали его поступать в МХТИ и привезли с собой). Во времена СССР он стал не последним человеком в своем родном городе и при встречах с менделеевцами всегда с теплотой вспоминал о своем кураторе.

Работала И.К. и в первых сменах интернационального студенческого лагеря «Буревестник-2» («Чайка») на лазаревском побережье Черного моря вместе с Афанасием Ивановичем Малаховым. Подготовила полный набор методических пособий «Автоматизация и автоматика химико-технологических производств» – текст лекций, задачник для семинаров, указания по курсовому проектированию, все совместно с Ж.А. Ковалем, все предельно методично и дотошно. Руководила дипломниками доцента Ж.А. Коваля: И. Шимечком, А. Жуковым, В. Ивановым и др. «Барботаж» любила искренне, следила за литературой, защитами диссертаций. Время пролетело мгновенно... Фотографироваться не любила, на общих (по случаю) фотографиях кафедры ОХТ второй половины XX века ее нет – только вот такой абрис получился из строчек компьютерной верстки.

Жуков Александр Петрович

Под руководством Ж.А. Коваля и И.К. Шмульян выполнил в 1964г. дипломную работу, был распределен в отраслевую лабораторию НИУИФ им. Я.В. Самойлова на ВХК им. В.В. Куйбышева в Воскресенске. В 1967 г. был приглашен Ж.А. Ковалем в аспирантуру МХТИ. 4 мая 1971 г. на специализированном ученом совете по защите диссертаций под председательством члена-корреспондента АН СССР (на то время) В.В. Кафарова защитил диссертацию «Исследование массопередачи в

абсорбере с подвижной шаровой насадкой». Карьера – директор Центра истории РХТУ им. Д.И. Менделеева (2007 г.), профессор кафедры «Композиционные материалы и технологии защиты от коррозии» (2011 г.), Почетный работник Высшего профессионального образования РФ (2007 г.), Заслуженный ветеран РХТУ им. Д.И. Менделеева (2012 г.).

Беспалов Александр Валентинович

Третий (по хронологии защит) в ряду подготовленных под руководством Ж. Ковалея кандидатов технических наук. Над диссертацией «Исследование гидродинамических абсорберов с подвижной шаровой насадкой» работал с 1966 г. по 1971г. После защиты был оставлен по распределению на кафедре ОХТ, где более 40 лет читает лекции по курсу «Автоматика и автоматизация производства». После ухода Ж.А. на пенсию в 1987 г. – руководитель курса «Системы управления химико-технологическими процессами». Доктор технических наук, профессор. В биографии, приведенной в написанной им с коллегами книге «Прошлое и настоящее кафедры ОХТ», о себе дополнительно сообщает: «Получил признание за рубежом – 1995 г. член Нью-Йоркской академии». Какая связь времен – учитель выпускник CCNY – городского колледжа NY, а ученик «действительный член» академии NY с уплаченными взносами.

В 1997 году получил приглашение участвовать в 16-м издании «Who's who in the World», посвященном 100-летию со дня основания (основано A.N. Marquis в 1899 году - Венесуэла); в 1999 году получил приглашение из International Biographical Centre Cambridge, England участвовать в английских биографических словарях: 2000 Outstanding Scholars of the 20th Century; 2000 Outstanding Intellectuals of the 20th Century, Dictionary of International Biography, 28th Edition. В 1999 году The International Biographical Centre of Cambridge England is delighted to confirm nomination professor Bepalov A. V. as an International Man of the Year for 1999/2000.

Братчиков Геннадий Григорьевич

Выпускник кафедры ТНВ 1967 г., один из перспективных сотрудников в Центральном НИИ Бумаги (отраслевой институт Министерства целлюлозно-бумажной продукции). Тема диссертации, защищенной в 1973 г. в МХТИ им. Д.И. Менделеева «Исследование абсорбентов для поглощения двуокиси серы из отходящих газов сульфато-целлюлозного производства». В ЦНИИБе на станции «Правда» была хорошая экспериментальная база, надежный выход на мощную промышленность.

ЖОРЖ КОВАЛЬ

Ж.А. долгое время работал в ЦНИИБе старшим научным сотрудником, выполняя для института договорные работы, в лаборатории, где руководила исследованиями коллега Ковалья по аспирантуре у профессора И.Н. Кузьминых на кафедре технологии минеральных солей и удобрений – Майя Дмитриевна Бабушкина (выпускница ТНВ 1947 г.).

Кирсанов Владимир Анатольевич

Выпускник ТНВ 1973 г. В 1977 году защитил кандидатскую диссертацию «Исследование процесса переработки отработанного сульфитного щелока целлюлозно-бумажной промышленности». Один из руководителей работы Ж.А. Коваль. Проблема переработки щелоков в целлюлозно-бумажной промышленности одна из самых актуальных в решении экологических задач этой отрасли промышленности.

Кулешов Олег Георгиевич

В продолжение сказанного об О.Г. в разделе научники-дипломники (с. 192) добавим, что в 1979 г. он «без отрыва от производства» защитил кандидатскую диссертацию «Исследование гидродинамики и массообмена на тарелках большого свободного сечения». С 1992 г. – в ювелирном бизнесе.

Иванов Виктор Феодосеевич

Выпускник ТНВ 1966 г. В 1981 г. защитил под руководством доцента Ковалья Ж.А. и снс Бабушкиной М.Д. кандидатскую диссертацию «Исследование процесса регенерации из отработанных магнийбисульфитных щелоков целлюлозного производства при их сжигании в кипящем слое с магниезиальным сырьем». Само название говорит об уровне работы – реальная тема на конкретных промышленных системах: проблемы экологии (включая рециклы и регенерацию) чрезвычайно остро стояли перед целлюлозно-бумажной промышленностью СССР.

Пермяков Юрий Григорьевич

Выпускник ИХТ 1976 г. Последний аспирант (по словам самого Ю.Г.) Жоржа Абрамовича. Юрий по праву гордится этим фактом своей биографии, как и тем, что был выпускником спецфакультета Менделеевки и работал много лет на оборонных предприятиях. Защищался по любимой «сорбционно-барботажной» теме, предложенной Ж. Ковалем – «Гидродинамика, массопередача и структура газо-жидкостного слоя провальных тарелок с большой шириной щели» в 1984 г. Работает в подмосков-

ном Дзержинске, расположенном в известном в прошлом «Жуковском монастыре». В Менделеевке бывает нечасто, но память об Учителе хранит свято.

Харитонов Николай Иванович

Выпускник 1971 г. по кафедре «Технологии неорганических веществ». Государственная комиссия распределила его на преподавательскую работу на кафедру ОХТ, с тех давних пор Н.И. и пашет на ниве подготовки специалистов, бакалавров, магистров и проч.

Под руководством Ж.А. в 1984 г. защитил кандидатскую диссертацию по прикладной работе «Термическая переработка нейтрально-сульфитных щелоков целлюлозного производства с целью регенерации варочных химикатов и тепла». Прикладной характер работы требует значительных усилий и времени, при конвейерной работе преподавателя общей кафедры с большими потоками студентов, где его найти.

Николай Иванович – прямой преемник Ж.А. в делах курса «Автоматизации ХТП», «СУ ХТП». Та же основательная, рассудительная неторопливость в действиях и оценках, сердечность в отношениях к студентам (даже не очень радивым в основное время семестра). И в спорте, и в жизни – вратарь, кипер, сторож спокойствия и уверенности. Слабое место кипера – в его силе и сердечности (сердце не бережется).

В 1989-1993 гг. Н.И. достойно выполнил свой «интернациональный долг» – отработал по контракту в Национальной школе инженеров в Габесе (Тунис). Не очень-то веселый, особенно в тунисскую ветреную зиму, городок на северной границе Сахары: то света нет, то воды (это на берегу Средиземного моря). С В.П. Чижовым мы были в гостях у семьи Харитоновых (жена Н.И. – Ольга Толчинская – наша менделеевская) в университетском городке в далеком октябре 1990 г. Держались они бодро, а в час прощания даже дождичек пролил над городком, отключенным от света.

Список научных трудов и изобретений Коваля Ж.А.

(Список неполный, не все работы, выполненные в ЦНИИБ включены)

1939 – Сорбционный метод обогащения криптонового концентрата. Отчет ВЭИ. (Совместно с В.Г. Фастовским).

1951 – Изучение барботажных процессов. Отчет МХТИ им. Д.И. Менделеева. (Совместно с И.Н. Кузьминых).

1952 – Массопередача на горизонтальных ситчатых тарелках на примере десорбции малорастворимых газов и испарения воды, диссертация к.т.н., Рук. профессор И.Н.Кузьминых.

1954 – Коэффициент массопередачи на горизонтальных ситчатых тарелках при различных скоростях газа. Хим. пром. № 2, 1954. (Совместно с И.Н. Кузьминых и др.).

1955 – Методика испытания барботажных тарелок. Труды МХТИ. Вып. 18. (Совместно с И.Н. Кузьминых).

1958 – Экспериментальные исследования вихревого эффекта в трубах малого диаметра. Научные доклады В.Ш. Серия химия и хим. техн. № 3/1958. (Совместно с Торочешниковым Н.М.).

Влияние защитных присадок на пористость отливок из магниевых сплавов. Научные доклады В.Ш. Серия Металлургия № 4/1958. (Совместно с Кузнецовым Д.А. и Малаховым А.И.)

1962 – Испытание провальных ситчатых тарелок с отверстиями двух диаметров. ЖПХ, № 2, 1962. (Совместно с Родионовым А.И.).

1963 – О влиянии материала провальных тарелок на гидравлический режим их работы. Труды МХТИ, вып. XI, 1963. (Совместно с Шмульян И.К. и Фроловым Г.С.).

Рецензия на книгу «Промышленная химия» под ред. Кента. «Новая книга за рубежом», серия Б, № 12, 1963. (Совместно с Фурмер И.Э.).

Методические указания и вводные лекции по курсу Основы автоматизации и автоматизации производственных процессов для заочников. Изво МХТИ. 1963

1964 – О динамике гидравлических процессов на провальных ситчатых тарелках. Труды МХТИ, вып. XVII, 1964. (Совместно с Шмульян И.К., Кузнецовым Д.А.).

Chemical Engineering, перевод учебника И.П. Мухленова, Д.А. Кузнецова, И.Э. Фурмер и др., ч. 1 на английский язык.

Критический обзор по вопросам улавливания двуокиси серы из отработанных щелоков производства целлюлозы. Отчет МХТИ им. Д.И. Менделеева.

1965 - Chemical Engineering, перевод учебника И.П. Мухленова, Д.А. Кузнецова, И.Э. Фурмер и др., ч.2 на английский язык.

1966 – Влияние толщины провальной тарелки на гидравлический режим ее работы. Труды МХТИ, вып 51. (Совместно с Шмульян И.К.).

Особенности гидравлического режима многотарельчатой колонны с провальными тарелками. Труды МХТИ, вып. 51.

(Совместно с Шмульян И.К.).

1967 – Изучение гидродинамики аппаратов с насадкой из легких полых шаров. Труды МХТИ вып. 56. (Совместно с Беспаловым А.В., Кулешовым О.Г.).

Влияние свободного сечения тарелки провального типа на гидродинамику аппарата с насадкой из полых легких шаров. Труды МХТИ, вып. 56. (Совместно с Беспаловым А.В., Кулешовым О.Г.).

1968 – Экспериментальные исследования брызгоуноса и количества удерживаемой жидкости в аппарате с подвижной шаровой насадкой. Тезисы н/т конференции МХТИ, 1968. (Совместно с Кузнецовым Д.А. и др.).

1969 – Исследование массопередачи, лимитируемой сопротивлением жидкой фазы в абсорбере с подвижной шаровой насадкой. Тезисы н/т конференции МХТИ, 1969. (Совместно с Жуковым А.П.).

Определение количества удерживаемой жидкости и исследование продольного перемешивания жидкой фазы в абсорбере с подвижной шаровой насадкой. Тезисы н/т конференции МХТИ, 1969. (Совместно с Беспаловым А.В., Кулешовым О.Г.).

Исследование брызгоуноса в абсорбере с подвижной насадкой. Труды МХТИ, вып. 60. (Совместно с Кузнецовым Д.А., Беспаловым А.В., Кулешовым О.Г.).

1970 – Исследование массопередачи в жидкой фазе на лабораторной модели абсорбера с подвижной шаровой насадкой. Труды МХТИ вып. 65. (Совместно с Жуковым А.П., Перельманом Н.Д.).

Массопередача в жидкой фазе на провальных тарелках с большим свободным сечением. Труды МХТИ вып. 65. (Совместно с Жуковым А.П., Якушевым В.И.).

О продольном перемешивании жидкости в аппарате с подвижной шаровой насадкой. Труды МХТИ вып. 65. (Совместно с Беспаловым А.В., Кулешовым О.Г.).

Массопередача в жидкой фазе в аппарате с подвижной шаровой насадкой. Тезисы юбилейной н/т конференции МХТИ, 1970. (Совместно с Шмульян И.К., Жуковым А.П. и др.).

1971 – Исследование массопередачи в жидкой фазе в абсорбере с подвижной шаровой насадкой. Труды МХТИ вып. 1971. (Совместно с Бабушкиной М.Д. и др.).

Некоторые закономерности гидродинамики аппарата с подвижной шаровой насадкой. Труды МХТИ 1971 г. (В соавторстве).

Способ регенерации окиси магния и серы из отработанных щелоков на магниевом основании. Авторское свидетельство № 330227, зарегистрировано 3.12.1971 г. (В соавторстве).

1972 – Массообмен при поглощении газа средней растворимости в различных абсорберах. Изв. Высших учебных заведений и химическая технология. Т. XV, вып. 12.1971. (Совместно с Бабушкиной М.Д., Братчиковым Г.Г.).

Исследование массопередачи в газовой фазе в абсорбере с подвижной шаровой насадкой. Труды МХТИ, вып. 69, 1972. (Совместно с Жуковым А.П., Бабушкиной М.Д.).

Определение газосодержания в аппарате с подвижной шаровой насадкой. Труды МХТИ вып. 69, 1972. (В соавторстве).

Массообмен в абсорбере с подвижной шаровой насадкой. Бумажная промышленность. 1972. № 6. (Совместно с Бабушкиной М.Д., Братчиковым Г.Г.).

Исследование абсорбции для процессов получения сульфит-бисульфитных растворов магния из топочных газов регенерационных котлоагрегатов. Целлюлозная бумага, картон. 1972. № 25. (Совместно с Бабушкиной М.Д., Братчиковым Г.Г.).

1973 – Об эффективности использования кульдурского брусита. Бумажная промышленность. 1973. № 3. (В соавторстве).

Регенерация химикатов и тепла из отработанных сульфитных щелоков на магниевом основании в реакторе с псевдоожиженным слоем. Тезисы докладов на Всесоюзной конференции, посвященной вопросам совершенствования технологии целлюлозобумажного производства. 15-18 мая 1973 г. (Совместно с Ивановым В.Ф., Бабушкиной М.Д.).

1974 – Исследование абсорберов для рекуперации двуокиси серы из отходящих газов сульфитцеллюлозного производства. Исследования процессов технологии бумаги. Сборник трудов ЦНИИБ, № 9.1974. (Совместно с Бабушкиной М.Д., Братчиковым Г.Г.).

Сжигание магнийбисульфитного щелока в лабораторной печи с кипящим слоем (краткое сообщение). Исследования процессов технологии бумаги. Сборник трудов ЦНИИБ, № 9.1974. (Совместно с Ивановым В.Ф., Бабушкиной М.Д.).

Равновесие в системе Mg-SO₂-H₂O при температуре 250 С. Труды МХТИ. Вып. 79.1974. (совместно с Игнатенковым В.И.).

Определение поверхности контакта фаз в аппарате с подвижной шаровой насадкой. ЖПХ 1974. №11. (Совместно с Беспаловым А.В., Кулешовым О.Г., Каграмановым Г.Г., Жуковым А.П.).

1975 – Продольное перемешивание жидкости в аппарате с подвижной шаровой насадкой. Теоретические основы химической технологии (изд-во АН СССР) 1975. № 6. (В соавторстве).

Термическое разложение нейтрально-сульфитных щелоков на натриевом основании в атмосфере CO₂. Труды МХТИ вып.85. 1975. (Совместно с Ивановым В.Ф., Харитоновым Н.И.).

Поглощение сернистого ангидрида водной суспензией окиси магния. Труды МХТИ вып.85. 1975. (Совместно с Игнатенковым В.И., Червяковой О.А.).

Способ получения кислых магнийбисульфитных растворов . Авторское свидетельство 3 449014. Опубликовано 05.11.1974 г. (Совместно с Бабушкиной М.Д., Братчиковым Г.Г.).

1979 – Тепловые эффекты термических превращений нейтрально-сульфитного натриевого щелока. Охрана окружающей среды в хим. технологии. Труды МХТИ. Вып. 109.1979. (Совместно с Харитоновым Н.И., Червяковой О.А.).

Иллюстративные материалы к лекциям по курсу «Автоматика и автоматизация производства», изд.3-е. МХТИ им. Менделеева, М., 1979. (совместно со Строгановым В.Ф.).

Общая химическая технология под редакцией И.П. Мухленова. Перевод на английский язык. Ч.1 и 2. «Мир», М. 1979.

О применении провальных тарелок большого свободного сечения для абсорбции отходящих газов в производстве минеральных удобрений. «Абсорбция газов». Тезисы докладов на отраслевом совещании по проблемам абсорбции. Ташкент 1979. (В соавторстве).

Сжигание сульфитного щелока на магниевом основании в кипящем слое магнизиального сырья. Исследования по использованию химии в ЦБП. Сб.тр. ЦНИИБ, М.,1979. (Совместно с Бабушкиной М.Д., Ивановым В.Ф., Ларионовой Т.А.).

1980 – Влияние температуры на массоотдачу в жидкой фазе. Рук. Деп. ВИНТИ 19 дек. 1980. РЖХим 1980. (Совместно с Харитоновым Н.И., Червяковой О.А., Шмульян И.К.).

Очистка газов в производстве экстракционной фосфорной кислоты. Пром.и сан. очистка газов. № 5.1980. (В соавторстве).

XXI век

Жить пенсионеру в Москве несладко. Ушла из жизни Людмила Александровна. Неуютно, одиноко. Закатывается и время, и жизнь. Огоньки в тлеющем очаге порой вспыхивают, освещая мгновения былого. Как-то вдруг прорезалось РУКА – вручили высшие награды военной разведки, знаки «За службу в военной разведке» и «Ветеран военной разведки». Жорж Коваль вновь стал «Дельмаром», не тем неведомым миру секретным разведчиком, вышедшим нераскрытым из Большой атомной игры, а московским заслуженным ветераном Второй мировой войны.

Пришли известия и с того берега Атлантики. Арнольд Крамиш отыскал героя для своих мемуаров. Жорж Абрамович освоил компьютер (подарили ученики – выпускники ТНВ, молодцы, не забыли). Переписка с Крамишем доставляла ему удовольствие, это несомненно. Он ударился в воспоминания, что-то даже написал. В прессе пошли публикации, но псевдоним «Дельмар» в них все еще не был раскрыт.

Переписку А. Крамиш – РХТУ (П.Д. Саркисов) мы опубликовали в «Историческом вестнике» (№ 3/ 2001), не посоветовавшись с самим Ж.А., но что уж было скрывать... Мир знал, FBI ведал, Менделеевка должна была узнать своих великих. Я отвез ему журнал, оказалось, что он уже знаком с публикацией. Разговор был долгим и содержательным (для меня). Абрисы его дел становились контурами.

В декабре 2003 г. как могли (т.е. скромно) отмечали девяностолетие Ж.А. На Мичуринский проспект приезжали поздравить ректор Университета П.Д. Саркисов, декан ОТФ Е.П. Моргунова, зав. кафедрой ОХТ В.С. Бесков, от Совета ветеранов профессора А.И. Родионов и В.Н. Лисицын, В.П. Чижов, сотрудники кафедры ОХТ, ученики, коллеги.

В этот день конца декабря в Уфе на Международной конференции по истории науки и техники вниманию участников был предложен доклад «Менделеевцы в атомном проекте СССР» (авторы П.Д. Саркисов и А.П. Жуков), в котором центральное место было уделено делам и имени Жоржа Абрамовича Ковалю. Председательствующий на конференции академик Д.Л. Рахманкулов предложил от имени Международной конференции поздравить юбиляра телеграммой, что поручили исполнить (ТНВшникам) профессору Хабибуллину и мне. Вечером в зале для приемов УГНУ не забыли поднять тост за здоровье нашего долгожителя...

Листая в архиве РХТУ зачетку отличника Ж. Ковалю (еще в 1993 г.), я выронил клочок бумаги (точнее, он сам выпорхнул) – это был трамвайный билет стоимостью 10 коп. Я храню его как сувенир, вещественную память о человеке, прославившем свою alma mater – Менделеевку.

Руководители Российского химико-технологического университета им. Д.М.Менделеева в гостях у Жоржа Абрамовича.

**СОВЕТ ВЕТЕРАНОВ
ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ**

**ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ
ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА
ВООРУЖЕННЫХ СИЛ**

РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

90

**С днём
рождения!**

Основные даты в жизни Жоржа Абрамовича Ковалья

1883 г.

Телеханы Минской губернии Российской империи. Родился Абрам Беркович Коваль.

1885 г.

Телеханы Минской губернии Российской империи. Родилась Шенитска Этель Исааковна.

1910 г.

Абрам Коваль эмигрирует в США и обосновывается в Сью-Сити (штат Айова).

1911 г.

Этель Шенитска эмигрирует в США. Женитьба Абрама Ковалья на Этель Шенитской в Сью-Сити (Айова, США).

1912 г.

Сью-Сити (Айова, США). У четы Ковалей рождается первенец – сын Исая.

1913 г.

Сью-Сити (Айова, США). В семье Ковалей родился второй сын – Жорж (George) Коваль.

1919 г.

Сью-Сити (Айова, США). В семье Ковалей родился младший сын – Гейби Коваль.

1921 г.

Сью-Сити. Жорж Коваль поступил в Центральную среднюю школу.

1929 г.

Сью-Сити (Айова, США). Жорж Коваль окончил Центральную среднюю школу и становится студентом инженерного колледжа Университета Айовы.

1932 г.

Семья Ковалей переселяется в Биробиджан, ЕАО, СССР. Коммуна «Икор».

1933 г.

Биробиджан (ЕАО, СССР). Жорж Коваль работает шофером переселенческого пункта.

1934 г.

Биробиджан. Жорж Коваль работает на строительстве – специальность дранокол, затем слесарем в механической мастерской.

ЖОРЖ КОВАЛЬ

31 июля. Москва. Жорж Коваль абитуриент Московского химико-технологического института имени Д.И. Менделеева.

(Адрес для контакта: Москва, Б.Сухаревская, 21, кв.15. Погребняку).

Август. Москва. Ж. Коваль сдает вступительные экзамены в МХТИ (свободный прием).

1 сентября. Москва. Жорж Коваль – первокурсник МХТИ им. Д.И. Менделеева (ОТФ).

1936 г.

Москва. Миусы МХТИ. Ж. Коваль принят в члены ВЛКСМ.

Жорж Коваль женится на студентке МХТИ Людмиле Ивановой.

1939 г.

20 июня Москва. МХТИ. Коваль Ж.А. защищает дипломный проект на тему «Сорбционный метод обогащения криптонного концентрата». Работа выполнена во Всесоюзном электротехническом институте Наркомата электростанций и электропромышленности СССР (ВЭИ). Руководитель к.т.н. В.Г. Фастовский.

8 августа Москва Ж. Коваль – сотрудник ВЭИ.

Ноябрь. Вступил в ряды РККА.

1940 г.

Октябрь. (Ж. Коваль) прибыл на танкере и высадился на берег в Сан-Франциско, США.

Осень. (Жорж Коваль) прибыл в Нью-Йорк.

1941 г.

2 января. Нью-Йорк, Бронкс Ж.Коваль зарегистрировался на бирже труда как безработный.

1942 г.

Февраль. Нью-Йорк. Жорж Коваль Работает в фирме Raven Tlectric Company.

1943 г.

4 февраля Ж. Коваль призван в армию США.

США. Форт Дикси (штат Нью-Джерси). Рядовой Дж. Коваль прошел полную подготовку как «combat ingineer» (сапер).

Февраль. Нью-Йорк, США. Дж. Коваль направлен для учебы в электротехнический колледж в Университет города Нью-Йорка (CCNY).

Служба на военной базе Чарлстон (штат Южная Каролинаю. США).

11 августа Дж. Коваль направлен для прохождения спецподготовки в рамках армейской специализированной программы обучения (ASTP).

1944 г.

Начало года. Дж. Коваль отобран для работы в программе «Специальное инженерное отделение»(SED) в рамках Манхэттенского проекта.

Весна. Ок-Ридж (штат Теннесси). Дж. Коваль работает на спецобъекте «чиновником физики здоровья».

1945 г.

27 июня. Дейтон (штат Огайо). Дж. Коваль переведен по службе в группу контроля безопасности в сверхсекретную лабораторию Манхэттенского проекта.

16 июля. Аламогордо (штат Нью Мексико). Взрыв первой атомной бомбы. (Нет полной ясности, был ли Дж. Коваль в этот день на атомном полигоне США).

1946 г.

США. Дж. Коваль демобилизован из американской армии в звании старшего сержанта.

Нью-Йорк. Бронкс. Возвращение Дж. Коваля в Городской колледж Университета Нью-Йорка.

Учеба в Eta Кappa NU (CCNY).

1948 г.

1 февраля Нью-Йорк. Дж. Коваль получил диплом бакалавра (CCNY) с отличием.

Осень. Дж. Коваль получил американский паспорт на 6 месяцев для путешествия по Европе.

Гавр. Франция. Дж. Коваль прибыл на американском океанском лайнере в Европу.

Москва. Ж.А. Коваль в списках награжденных медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»

1949 г.

6 июля Москва. Рядовой Ж.А. Коваль демобилизован из рядов Советской армии.

Москва. Октябрь. Ж. Коваль восстановлен в аспирантуре МХТИ кафедры технологии кислот и солей (руководитель профессор и.Н. Кузьминых).

1952 г.

Москва. МХТИ им. Д.И. Менделеева. Ж.А. Коваль защитил кандидатскую диссертацию «Массопередача на горизонтальных ситчатых тарелках»

Октябрь. Москва. МХТИ. Ж.Коваль зачислен старшим лаборантом по кафедре технологии минеральных кислот и солей.

Смидовичский район ЕАО. Колхоз имени XVIII партсъезда. Умерла мать Ж. Коваля Этель Исааковна.

ЖОРЖ КОВАЛЬ

1954 г.

Ж.А. Коваль работает зав. лабораторией высоких давлений МХТИ им. Д.И. Менделеева

1956 г.

Москва МХТИ. Ж.А. Коваль зачислен ассистентом по кафедре Общей химической технологии.

1964 г.

ЕАО. Смидовичский район, совхоз «Волочаевский». Умер отец Ж.Ковалья Абрам Беркович Коваль.

1966 г.

Ж. Коваль вступил в члены КПСС.

1986 г.

Ж.А. Коваль, доцент кафедры ОХТ вышел на пенсию.

1987 г.

ЕАО. Смидовичский район. Умер старший брат Ж. Ковалья. Исаяя Абрамович Коваль.

2000 г.

3 мая. Москва. Ж. Коваль отмечен нагрудным знаком «За службу в военной разведке». Присвоено звание «Ветеран военной разведки».

2001 г.

Москва. Миусская пл., д.9. В РХТУ им. Д.И. Менделеева узнали об участии Жоржа Ковалья в Манхэттенском атомном проекте из публикации в «Историческом вестнике РХТУ».

2006 г.

31 января Москва. Мичуринский проспект. В 5 часов утра перестало биться сердце Жоржа Абрамовича Ковалья. 2 февраля. Москва. Гражданская панихида в 1-й Градской больнице и прощание на Хованском кладбище с Ж.А. Ковалем.

2006 г.

7 ноября. Москва. Хорошевское шоссе. Новое здание ГРУ посетил президент России В. Путин, ознакомился со стендом Ж. Ковалья.

2007 г.

22 октября. Москва. Кремль. Указ Президента РФ № 1404 «О присвоении звания Героя Российской Федерации Ковалю Ж.А.» (Посмертно).

25 июля. Москва. В газете «Красная звезда» опубликована статья В. Лота «Его звали Дельмар».

2013 г.

25 декабря вековой юбилей Жоржа Абрамовича Ковалья.

*Когда уйду, исчезну без следа,
Не вспоминай о причиненной боли.
Я жил в такой же, как и ты, неволе
Повсюду и всегда,
повсюду и всегда.*

*Зигмунд Красинский
(Перевод с польского)*

Основные публикации о Ж.А. Ковале

1. Итоги экзаменационной сессии на технологическом факультете // Московский технолог. – февраль 1939.
2. Были и мифы // Менделеевец. – 1989. – № 9.
3. Лота В. Ключи от ада // Совершенно секретно. – 1999. – № 8.
4. Жуков А.П. Mendelejevets at OAK-RIDGE st. Tennessee USA // Исторический вестник РХТУ им. Д.И. Менделеева. – 2001. – № 5.
5. Лота В. Операция «Дельмар» // Красная звезда. – 2002. – 19 апреля.
6. Лота Владимир ГРУ и атомная бомба. – М.: Олма- Пресс, 2002. – С. 17-27, 247-260.
7. Менделеевцы – ветераны Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. – М: РХТУ им. Менделеева, 2005. – С.28.
8. Комсомольская правда. – 2007. – 3 ноября.
9. Лебедев Юрий Парадоксы Судьбы // Окна (Израиль). – 2008. – январь–февраль.
10. Шитов Андрей Агент Дельмар выходит на связь // Российская газета. – 2008. 30 января.
11. Исторический вестник РХТУ им. Д.И. Менделеева. – 2009. – Вып. 28. (Номер посвящен Ж.А. Ковалю).
12. Колпакиди Александр ГРУ в Великой Отечественной войне. – М.: Яуза, 2010. – 608 с.

Библиография

1. Московский технолог: газета МХТИ им. Менделеева. – М., 1932 – 1939.
2. Менделеевец: газета МХТИ (РХТУ) им. Менделеева. – М., 1949 – 2013.
3. Лота В.И. Ключи от ада: Атомная эпопея тайного противоборства разведок великих держав. – М.: Кучково поле, 2009. – 496 с.
4. Пестов С.В. Бомба: три ада XX века. Т. 1. – Тайны и страсти атомной преисподней. – М.: Терра – Книжный клуб, 2001. – 432 с.
5. Гровс Л. Теперь об этом можно рассказать. – М.: Атомиздат, 1964. – 302 с.
6. Бомба Розенбергов // Комсомольская правда, 1990. – 14 ноября.
7. Овчинников В. Горячий пепел. – М.: Аст, Астрель, ВКТ, 2011. – 352 с.
8. Юнг Р.Ю. Ярче тысячи солнц. – М.: Гос. изд. лит-ры в области атомной науки и техники, 1960. – 280 с.
9. Сахарова лучше не трогать // Комсомольская правда. – 1992. – 9 июля.
10. Фролов Д. СССР все-таки украл ядерную технологию у американцев // Независимая газета, 1992. – 17 октября.

11. Лурье В.М., Кочик В.Я. ГРУ: дела и люди.–СПб.: Издательский дом «Нева»; «Олма-ПРЕСС», 2002.– 640 с.
12. Российский химико-технологический университет им. Д.И. Менделеева – Прошлое и настоящее со взглядом в будущее. 0 М: РХТУ им. Менделеева, 2002.–552 с.
13. Шолом-Алейхм Собрание сочинений в 6 томах.– М.: ИХЛ, 1973.– Т.6.– С.337-338.
14. Коротышевский В. В Полесье (Из записок рыболова)// Наша Родина.– 1941.–№ 2.–С.13.
15. Федосюк Юрий Русские фамилии.– М.: ДЛ, 1981.– С.101.
16. Вайсерман Д.И. Биробиджан – мечты и трагедия: история ЕАО в судьбах и документах.– Хабаровск.: РИО ТИП, 1999.– 512 с.
17. Горелов В. Коммуна «Икор» – прерванный полет // Биробиджан штерн.– 2004.– 22 января; 2006.– 28 сентября.
18. Вайсерман Д.И. Как это было.– Биробиджан.: Издательство Биробиджан, 1993.– 224 с.
19. Розе М. Роберт Оппенгеймер и атомная бомба .– М.: Атомиздат, 1965.– 150 с.
20. Лепп Рольф Атомы и люди.– М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1959.– 288 с.
21. Солженицын А.И. В круге первом. Кн. 1.– М.: Инком Н.В., 1991.– 352 с.
22. Биробиджан штерн // 2003.– 30 апреля; 2004.– 22 января; 2006.– 28 сентября; 2011.– 8 марта.
23. Выпускники Российского химико-технологического университета им. Д.И. Менделеева. 1906 – 1950 гг. – М.: РХТУ им. Менделеева, 2001.– С. 90.
24. Мороз Виталий Подвиг разведчика // Красная звезда.–2007.– 27 октября.
25. Указ Президента Российской Федерации № 14-4. 2007. 22 октября.
26. Кальнер Вениамин Тень архипелага.– М.: Еврейское слово, 2007.– С. 473.
27. Чаков Вл. Ультиматум: Ядерная война и безядерный мир в фантазиях и реальности.– М.: Политиздат, 1989.– 347 с.
28. Стейнбек Дж. Русский дневник.– М.: Мысль, 1990.– 142 с.
29. Broad J.William U.S. A Spy's Path: Iowa to A-bomb to Kremlin Honor //The New York Times, 2007.– 12 november/
30. Welsh Michael Georg Koval: Atomic spy unmasked //Smithsonian magazine. May. 2009/
31. Лота Владимир Его звали Дельмар // Красная звезда, 2007.– 25 июля.
32. Награда нашла героя // Менделеевец.– 2007.– ноябрь.
33. Ильф Илья, Петров Евгений Собрание сочинений в 5 томах.– Т. 4. Одноэтажная Америка.– М. : ГИХЛ, 1961.– 597с.

Научно-биографическое издание

ЖУКОВ Александр Петрович

Жорж Абрамович Коваль
(1913 – 2006)
Атмосфера действий

Редактор Н.Ю. Денисова

Верстка А.Ю. Ильин

Компьютерный набор:
Ю.В. Лобова, М.А. Можжина, Е.В. Малютина

Подписано в печать 10.12.2013 г.
Формат 60х90. Усл. печ. л. 13,5
Тираж 200 экз. Заказ 139.

Российский химико-технологический
университет им. Д.И. Менделеева
Издательский центр

Адрес университета и Издательского центра:
125047 Москва, Миусская пл. 9